Цена отдельного номера в Москве, в провинции и на ст. жел. дор. 1 руб. 25 к. ден. знак. 23 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орг. Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (больш.).

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, 38.

Прием по делам редакции ежедневно, кроме праздничных дней, с 12—2 дня и с 3—5 веч.

ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат 2-06. Телефонограммы 1-28-72. „Прожектор" 1-51-12. Иностранный отдел 2-71-84. Хроника 73-95. Рабочая жизнь 80-97. И прямой провод верхнего коммутатора Кремля.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: В Москве и в провинции на Март 30 р., Апр. 30 р., Март и Апр. 55 руб. Для удобства и установления единообразия, расчета, подписн. плата за границу на 1 мес. установлена для Франции, Англии, Голландии, Дании, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Бельгии, Америки, Японии, Китая—3 амер. дол., для Германии, Австрии и др. стран—3 р. золотом.

ЦЕНА НА ОБ'ЯВЛЕНИЯ: строка нонпарели—10 р., для постоянных об'явителей 10 проц. скидки. Сверх того взимается 10% в Госналог. Подписка на „ПРАВДУ" принимается во всех почтово-телеграфных учреждениях Р. С. Ф. С. Р. Телеф. конторы: 71-25, 85-16.

№ 56. Среда 14 марта 1923 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. № 56.

Да живет и работает наша мужественная, полная сил партия, ударная колонна международной пролетарской армии, стальными руками переворачивающая мир!

Пусть радостно и гордо смотрит она в будущее, где ее ждут еще славные победы над империалистскими насильниками, отравителями народов, рабовладельцами черного ордена Железной Пяты!

Р. К. П.—к двадцатипятилетнему юбилею.

С революционным восторгом приветствуем и приносим пожелания счастья в 25-летнюю годовщину основания вашей партии.

После того, как с момента основания 2-го Интернационала центр тяжести международного рабочего движения находился в Германии, в 1904—1905 г. на авансцену международного рабочего движения впервые выступил русский пролетариат, как живая и движущая сила революции.

Уже в ту пору русского революционного движения вы, большевики, возглавляли крупное массовое движение, возглавляли со стихийной силой возникшие Советы рабочих депутатов, возглавляли революционную всеобщую стачку. Уже за много лет до того вы напряженно работали, стремясь к созданию подлинно революционной рабочей партии. Благодаря вашей борьбе с меньшевиками в рамках тогдашней Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и в газете «Искра» вы спасли лучшую часть партии, не дав ей, подобно партиям и профсоюзам 2-го Интернационала, погрязнуть в болоте оппортунизма и реформизма.

С самого начала вы действовали правильно, считая задачей партии роль авангарда пролетарского революционного движения. И вы, действительно, уже в ту пору были его авангардом. В других странах потребовалось десятилетие и больше, чтобы понять, какую роль должна играть партия.

Когда разразилась империалистическая война и руководящие партии 2-го Интернационала пошли в разных странах путем предательства дела пролетариата, ваша партия с честью выдержала испытание. И в Думе, и в армии большевики высоко держали знамя пролетарской революции. Подобно молнии, озарил все фронты выдвинутый Лениным лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. То были творческие слова, создавшие новую эпоху в международной классовой борьбе пролетариата, они зажгли неугасимый огонь в груди наимужественнейших и наипреданнейших передовых борцов пролетарской революции в разных странах.

Когда стихийный народный гнев свергнул преступный царизм, водворив на его место временное буржуазное правительство, опиравшееся на услужливых меньшевиков, ваша партия в стройном порядке сомкнула в борьбе с этим правительством фронт революционного пролетариата. В начале слабый, этот фронт быстро окреп. Вашим опорным пунктом были Советы рабочих и солдатских депутатов, к образованию которых ваша партия всюду энергично стремилась и в которых вы повели энергичную борьбу против партии капиталистической демократии. Заняв правильную позицию в отношении капиталистической демократии, ваша партия в ту пору спасла русскую революцию.

Благодаря вашему руководству, русская революция 1917 года стала великой революцией. Правильно учтя момент, когда большинство рабочих и солдат перешло на вашу сторону, вы решительно подняли знамя восстания и завоевали власть. Вы провозгласили экспроприацию фабрик, имений и всей прочей собственности, служащей орудием эксплоатации. Незавершенные буржуазной революцией задачи разрушения вы выполнили до конца. Вы отчетливо поняли необходимость диктатуры пролетариата в процессе социальной революции. Вы поняли, что конкретной основной формой этой диктатуры должна быть непосредственно руководимая коммунистической партией Советская организация. И сообразно этому приступили вы к организации государственной машины.

Перед вами стояла исполинская задача, а сознательных сил было мало. Со всех сторон грозила пролетарской революции гибель. Но вы сумели сосредоточить силы на важнейшей в ту пору задаче. Ваша партия была становым хребтом Советской власти, стойко выдержавшим испытания войны, голода и опасность распада.

Образцовое сочетание крупной ударной силы и приспособляемости, присущее вашей партии, имеет в основе своей правильно усвоенный вашей партийной организацией демократический централизм и постоянно напряженную активность вашей партии. В основе прочной организационной партийной дисциплины лежит постоянная активность членов партии, а авторитет руководящего партийного органа основан опять-таки на его активности. Неподкупная самокритика и беспощадное отношение к революционной фразе всегда были сильной стороной Ц. К. вашей партии. Чуткий здравый смысл всегда помогал ему быстро отличить в каждом вопросе его существенное политическое ядро.

Но ваша партия стала тем, чем она есть, в первую очередь благодаря тому, что она всеоб'емлюще сумела об'единить классовую пролетарскую борьбу с марксизмом. В процессе великой пролетарской революции ваша партия подняла классовую борьбу с уровня слепой стихийной вспышки или безвольного следования путем наименьшего сопротивления на степень подлинной политической стратегии. Она сознательно наметила главнейшие линии этой стратегии, методы наступления, обороны и временного отступления, сочетая открытую борьбу с подпольной, умело комбинируя борьбу на нескольких фронтах одновременно—с внутренним врагом и внешним, явным и тайным, при помощи силы и дипломатии, организации, печати и государственной власти. Она выработала методы борьбы с несознательными врагами как в собственных рядах, так и вне их, одновременно выработав в широком масштабе и методы привлечения на свою сторону и собирания друзей и союзников пролетарской революции. Одним словом: она познала **искусство победы**.

Русские товарищи!

Ваша партия—основатель Коминтерна и его руководящая партия.

Богато и плодотворно, особенно в последние 4—5 лет, влияние вашей партии на международное революционное рабочее движение. Во всей Европе нет ни единой страны, где бы влияние вашей партии непосредственно или косвенно не привело к созданию и развитию коммунистического движения и партии; но и далеко за границами Европы во всех других частях света обосновалось ваше влияние.

От русских товарищей воспринял Коминтерн свои лучшие лозунги, лучшие указания и советы. На основе опыта и взглядов, высказанных русскими товарищами, были приняты наиважнейшие резолюции, и повсюду одержаны победы.

Мы гордимся тем, что русские товарищи играют руководящую роль в Коминтерне.

В лице царизма европейская реакция повторила ошибку, совершенную после 48 года контр-революционными правительствами Германии и Франции: она погнала наиспособнейших вождей пролетарского революционного движения в эмиграцию, из страны в страну, открыв им таким образом возможность усвоения многообразного опыта и взглядов, оказавшихся столь необходимыми для руководства международным движением. Не пройди и русская партия этой суровой и многосторонней школы политической эмиграции, она не могла бы стать компетентным руководителем нашего Интернационала, как это имеет место теперь. Коминтерн глубоко ценит руководящую работу русских членов Исполкома во все времена и по всем вопросам, стоявшим перед Интернационалом, он придает громадное значение советам ЦК РКП, работе делегации и участию многих отдельных членов русской партии в работе Коминтерна.

Товарищи! В ознаменование незабвенной и ценной работы вашей партии и председателя вашего центрального комитета тов. Ленина на пользу международного рабочего движения Исполком решил:

Избрать тов. Ленина почетным председателем и предложить следующему всемирному конгрессу придать этому решению длительный характер.

Одновременно с этим Исполком решил в течение этого года выпустить тщательно подготовленное произведение, бросающее свет на деятельность и опыт РКП, и приступить к изданию целой серии книг для чтения рабочих, где бы [illegible] незабвенные и ценные из трудов русских марксистов.

Дорогие русские товарищи!

Вы вступили пионерами на еще не протоптанный путь. Какой громадный путь пройден вами за четверть века! Из вашей искры вырос мировой пожар, из вашей маленькой партии—авангард всемирной пролетарской революции.

Среди невероятно трудных условий, где каждая более или менее крупная ошибка грозила роковым поворотом судьбы как русского, так и международного движения, вы с честью пронесли вперед знамя пролетарской революции.

Ныне—ваша партия важнейшее орудие исторического прогресса не только в России, но и во всемирном масштабе.

Рука об руку с вами революционный пролетариат всех стран будет бороться до конца. Под вашим руководством Коммунистический Интернационал завоюет мир.

Да здравствует наш великий вождь—Р. К. П.!

Да здравствует наш победоносный Интернационал!

ИСПОЛКОМ КОМИНТЕРНА.

ГЕРНЛЕ (Германия),
НЕЙРАТ (Чехословакия),
ДЮРЗ (Франция),
ГРАМШИ (Италия),
ДЖЕННАРИ (Италия),
КОЛЛАРОВ (Болгария),
МАКМАНУС (Англия),
КОСТРЖЕВА (Польша),
ШТИРНЕР (Южная Америка),
КУУСИНЕН (Финляндия).
ШЮЛЛЕР (Исполком Коммунистической Молодежи).

Трудящимся Союза Социалистических Советских Республик.

К 25-летию Российской Коммунистической Партии (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Четверть века существования пролетарской партии в России. Наша партия с полным правом могла бы считать свое существование и с 1895 года,—года образования Петроградского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса, основанного В. И. Лениным, или даже с 1883 года,—года образования группы «Освобождение Труда», или с 1878 года,—года образования Северно-Русского Рабочего Союза (Степан Халтурин), или с 1877 года, — года образования Южно-Русского Рабочего Союза (Заславский). Рабочий класс России и его коммунистическая партия — единственные законные наследники лучшего, что было в героической эпохе «Земли и Воли» и «Народной Воли». Имена Степана Халтурина, Петра Алексеева, Андрея Желябова, Софьи Перовской и Александра Ульянова, с одной стороны, Ивана Бабушкина, Шелгунова, Николая Баумана, Якова Свердлова, Дубровинского (Иннокентия), Канцера (Марата), Урицкого и Володарского с другой, одинаково дороги сознательным рабочим России. Теоретическое наследие Плеханова-революционера рабочие коммунисты чтут, как лучшую страницу своего собственного прошлого.

В день 25-летнего юбилея существования своей партии передовые рабочие России мысленно проходят с обнаженной головой мимо бесчисленных братских могил, хоронящих то, что было лучшего в десятках и сотнях тысяч наших борцов, погибших за дело партии, за дело российского [illegible] десятками, если не сотнями тысяч лет каторги и тюрьмы заплатили русские рабочие за то, чтобы уничтожить царское самодержавие и воздвигнуть диктатуру пролетариата. Целые поколения революционеров погибли в борьбе за освобождение страны от ига самодержавия. Целые армии ссыльных, исчислявшиеся десятками и сотнями тысяч, мерили глухие дороги в убийственные места царской ссылки, где добрая часть их и погибла, до последнего вздоха храня верность рабочему классу. Перед могилами погибших предшественников и вождей, перед памятью десятков и сотен тысяч безыменных героев—борцов, вышедших из недр народной массы, рабочие России склоняют сегодня свои победные знамена.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков) родилась в рабочих кварталах. Небольшие пропагандистские рабочие кружки, огнем и мечом преследуемые царским самодержавием в 90-х годах, превратились ныне в самую могущественную пролетарскую партию мира, управляющую могущественным пролетарским государством, территория которого составляет одну шестую часть земного шара.

В середине 90-х годов наша партия, в лице Союза Борьбы за освобождение рабочего класса, впервые организует массовую борьбу рабочих на почве их экономических требований. В конце 1900 года партия организует всероссийскую газету «Искра», осветившую для русских рабочих [illegible] дорогу политической борьбы против самодержавия и буржуазии. В 1905 году партия ведет рабочих на первую великую революцию, положившую начало грядущей пролетарской победе в 1917 году. В декабре 1905 года партия стоит во главе московских пролетариев, поднявших то вооруженное восстание угнетенного класса, которое сыграло в истории освободительной борьбы пролетариата не меньшую роль, чем восстание парижских коммунаров 1871 года.

Преданность партии рабочему классу испытывается еще больше во время поражений, чем во время побед. После поражения революции 1905 года в тяжелые мрачные годы контр-революции партия большевиков ни на одну минуту не отрывается от рабочего класса. Под перекрестным огнем бесчисленных ударов со стороны царского самодержавия и контр-революционной буржуазии партия отстаивает знамя пролетариата и революции. В тяжелой борьбе против меньшевизма, превратившегося к этому времени в открытое предательство рабочего класса и революции, в «ликвидаторство», большевики одни до конца борются за партию. В 1912 году большевики окончательно разрывают всякую связь с меньшевизмом, которая была, как гиря, на ногах пролетарского авангарда. «Звезда» и «Правда» воспитывают новое поколение русских рабочих, лучшие представители которых теперь несут всю тяжесть работы. В 1914 году, накануне империалистской войны, [illegible] после 1905 года баррикады против царского самодержавия, и во главе этого назревающего нового вооруженного восстания опять и опять—партия большевиков. С началом империалистской войны все меньшевики и эсеры за единичными исключениями целиком уходят на сторону буржуазии и зовут рабочих защищать царско-помещичье «отечество» в империалистской бойне. Рабочие депутаты большевики брошены на каторгу. Все разнуздавшееся бешенство обезумевшего самодержавия и шовинистской буржуазии обрушивается бесконечными репрессиями на головы большевиков, которые одни остаются верны пролетарскому Интернационалу и одни во всей России берут на свои плечи борьбу против империалистской войны. В 1917 году наша партия на время оказывается в меньшинстве в рабочем классе, подпавшем под влияние оборончества. Но партия умеет настойчиво раз'яснять своему классу то, чего он еще не понял. И как только большинство рабочих России уяснили себе оборонческий обман, как только рассеялся мираж буржуазной демократии и всеменьшевистской «коалиции», партия большевиков ведет рабочий класс России в решающий бой и приводит его к победе над буржуазией.

Советская власть вошла в шестой год своего существования, оставив позади самые тяжелые времена. Упрочить победу оказалось гораздо труднее, чем впервые вырвать ее из рук буржуазии. Кровью своего сердца лучшие рабочие члены нашей партии сцементировали Красную армию. От первой боевой дружины, бившейся в декабре 1905 года на Красной Пресне, от первого красногвардейского отряда, отражавшего поход эсера Керенского на Питер в 1917 г., и до самых кровопролитных боев Красной армии на Перекопе,—Российская Коммунистическая Партия была в первых рядах. Всегда на самом опасном месте. Всегда в огне событий. Всегда под обстрелом злейшего врага. Вместе с рабочим классом его партия учится на опыте, совершая частные ошибки и промахи. Но одной ошибки она не сделала—власти буржуазии она не сдала.

В отсталой, малограмотной стране, которая еще несколько лет тому назад стонала под игом самого дикого помещичьего самодержавия, Российская Коммунистическая Партия сумела поднять глубочайшие слои трудящихся и помочь им учиться управлять государством. В тяжелые 1920—1921 годы, когда трудности и муки первой пролетарской революции, окруженной со всех сторон врагами, достигли своего высшего пункта, партия большевиков сумела бесстрашно выступить против колебаний в среде собственного класса,—колебаний, которые при малейшей слабости авангарда могли превратиться в невиданное еще поражение пролетариата.

Русские рабочие в одном отношении оказались счастливее своих предшественников, французских пролетариев, впервые на короткое время завоевавших власть в 1871 году в Париже. Одной из главнейших причин гибели парижских коммунаров было отсутствие единой сплоченной пролетарской партии с ясной революционной программой и тактикой. Парижским коммунарам нехватало коммунистической партии, которая могла бы возглавить подымавшийся на восстание рабочий класс. Русские рабочие создали себе эту партию. Тяжелым опытом выстрадали они себе убеждение в том, что без такой партии невозможно осуществление диктатуры класса.

Основная идея русского революционного марксизма, начатая с 90-х годов, заключается в том, что рабочий класс России должен стать классом-гегемоном, главной движущей силой революции, классом-руководителем, который берет на себя переустройство всей страны и длительно осуществляет свою диктатуру. Советская власть, рабочая власть—это и есть гегемония рабочего класса в революции, облеченная в плоть и кровь. Только большевизм защищал до конца и в течение десятилетий пронес через все этапы политической истории России идею гегемонии пролетариата, которую он теперь воплотил в жизнь. Но гегемония пролетариата невозможна без гегемонии коммунистической партии. Диктатура рабочего класса находит себе выражение в диктатуре созданной им и возглавляющей его партии. История РКП есть история русского рабочего класса. И эта история показала, на что способен пролетариат, когда он сумеет создать свою самостоятельную пролетарскую партию, не сворачивающую со своего пути и бесстрашно осуществляющую свою историческую миссию.

Созданная российским пролетариатом коммунистическая партия сумела стать [illegible] и главной силой международного [illegible] рабочих—Коммунистического Интернационала. Пример русского пролетариата яркой звездой светит пролетариям всех стран. Российская Коммунистическая Партия неразрывно связала свои судьбы с судьбами рабочего класса России и передовых отрядов пролетариата всего мира. Это связь—не на жизнь, а на смерть. Рабочий России видит теперь правду Российской Коммунистической Партии. Даже те слои беспартийных тружеников, которые в наиболее тяжелую годину пролетарской революции стояли в стороне и недоверчиво смотрели на работу нашей партии, даже они теперь убедились в том, что единственно правильной дорогой была та дорога, по которой шла передовая часть русских рабочих, сорганизованная в Российскую Коммунистическую Партию. Рабочие—с нами. И это есть лучшее доказательство правоты нашей тактики. Рабочие с нами—беспартийные пролетарии смотрят на РКП как на свою партию. Для всего пролетариата России РКП есть «наша» партия. Придет пора, когда подавляющее большинство рабочих будет и организационно связано с Российской Коммунистической Партией, когда лишь единичные рабочие не будут членами партии, когда в рабочих кварталах с удивлением будут вспоминать времена, когда рабочий мог не быть членом своей коммунистической партии. Но уже и сейчас по существу рабочий класс и его РКП едины суть.

Рабочие «старики», вы, помнящие иго царизма, вы, прошедшие через сотни первых тюрем и ссылок, вы, не забывшие расстрелов 9-го января, вы, помнящие декабрьское восстание 1905 года и бойню на Лене, вы, не забывшие, что значило быть безработным при власти буржуазии, вы, вкусившие режима капиталистической каторги,—научите молодое поколение рабочих тому, что нет задачи выше и нет чести больше, как жить и умирать за партию пролетариата, за Российскую Коммунистическую Партию, давшую уже нашему рабочему классу первые победы и ведущую его к окончательной победе над буржуазным миром.

Пусть назовут нам другое имя на всем земном шаре, которое столь же близко и дорого миллионам трудящихся всего мира, как имя вождя и учителя нашей партии—Владимира Ильича Ленина. Пусть назовут нам другую партию в мире, которая так связана с трудящимися массами своей страны, как наша партия.

Долгие упорные годы борьбы над поднятием нашего пролетарского государства, над восстановлением нашего государственного хозяйства, над уничтожением безграмотности и нищеты в нашей стране, над повышением культуры рабочего класса и идущего за ним крестьянства, над созданием действительно социалистического государственного аппарата в социалистическом отечестве—еще впереди. Но мы знаем, мы справимся с этими задачами. Будучи одним из отрядов международной армии труда и следуя заветам великих учителей международного пролетариата Маркса и Энгельса, мы победим.

Рабочие России! Все до единого сплотим ряды вокруг Российской Коммунистической Партии.

Да здравствует рабочий класс России и его передовой авангард — Российская Коммунистическая Партия.

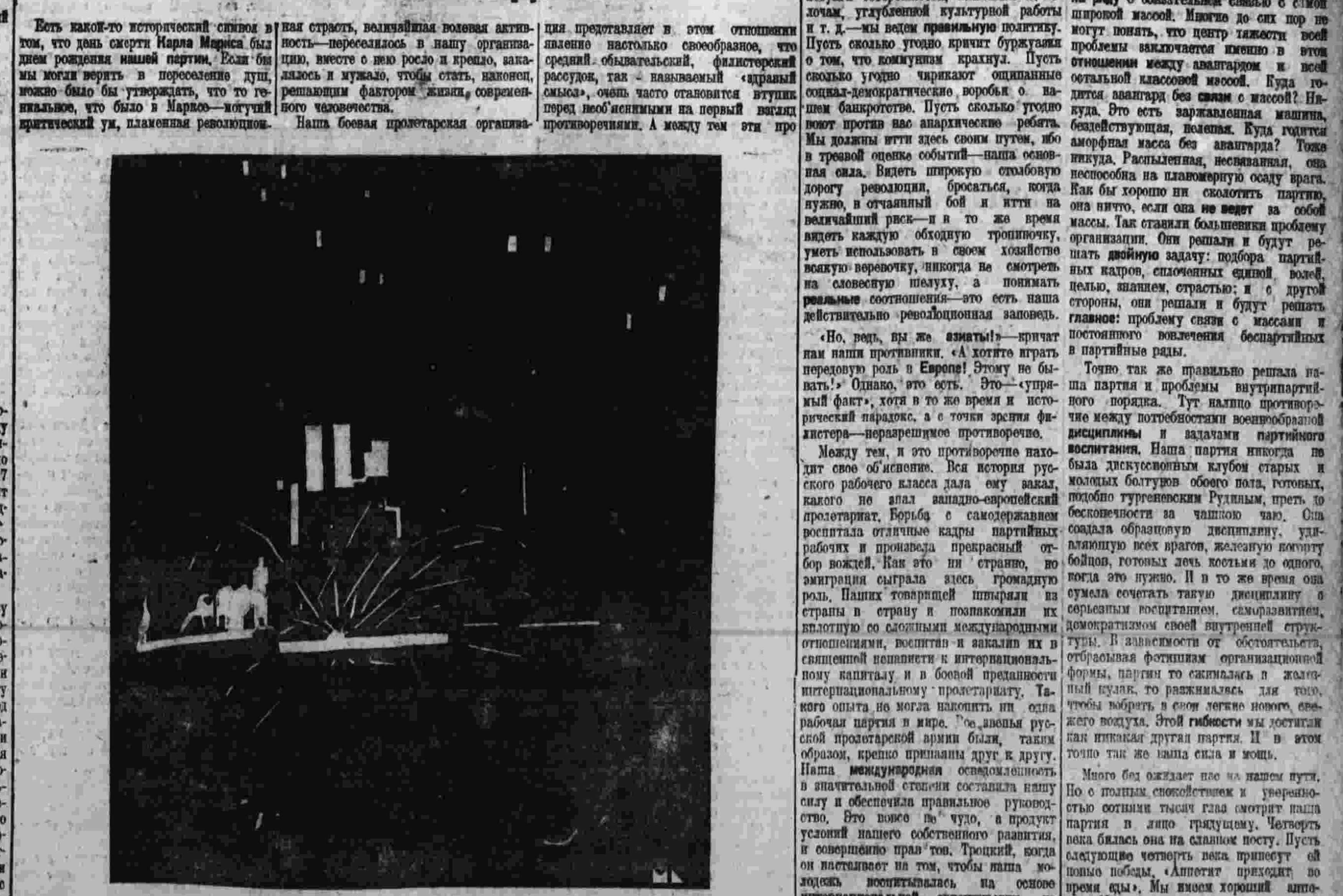
Да здравствует международная коммунистическая партия—Коммунистический Интернационал.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ).

Чем мы побеждаем?

Есть какой-то исторический символ в том, что день смерти Карла Маркса был днем рождения нашей партии. Если бы мы могли верить в переселение душ, можно было бы утверждать, что то гениальное, что было в Марксе—могучий критический ум, пламенная революционная страсть, величайшая волевая активность—переселилось в нашу организацию, вместе с нею росло и крепло, закалялось и мужало, чтобы стать, наконец, решающим фактором жизни современного человечества.

Наша боевая пролетарская организация представляет в этом отношении явление настолько своеобразное, что средний обывательский, филистерский рассудок, так-называемый «здравый смысл», очень часто становится втупик перед необ'яснимыми на первый взгляд противоречиями. А между тем эти противоречия крайне понятны, если только взглянуть поглубже и прощупать их скрытые нервы.

Наши противники всех мастей, оттенков и категорий считают себя за реальных политиков, а [illegible] утопистами. Эти «утописты», однако, держатся уже, как гранитная скала, пять с лишком лет, в то время как в стане врагов идет обвал за обвалом, и миллионы подземных ручейков подтачивают и раз'едают колоссальную машину капитализма. Как об'яснить себе это? [illegible]ленный обыватель, буржуазный профессор, социал-демократический лакей начинают придумывать тысячу и одно об'яснение. «Они держатся на штыках». Но где же это видано, чтобы можно было держаться на штыках так долго, не имея прочной основы? Полнейшая [illegible] апеллировать к чуду или искать утешения в том, что «как-нибудь все образуется».

Между тем, если трезво взглянуть на дело, «утописты» в основном оказались правы по сравнению с «реальными политиками». Корни империалистской войны, ее ход, ее последствия, неизбежность революции, грядущий распад капитализма—кто оказался прав в этих решающих вопросах? Так-называемые «утописты». Кто оказался и оказывается с каждым днем все больше и больше в дураках? Так-называемые «реальные политики». В чем же дело? Дело в том, что история вступила в такую фазу своего развития, когда буржуазный и социал-демократический «реализм» по существу превращается в своеобразный, [illegible], тупой, упрямый, ограниченный утопизм. Психологически это совершенно понятно. История ставит вопрос о громадных изменениях в жизни человечества. Нужны совершенно новые горизонты, масштабы, способы мышления и действия. В этом состоит предпосылка настоящего реализма. Ибо, ведь, суть реализма в соответствии с тем, что реально совершается. Но как раз наши противники, по уши сидящие в прошлом, в традиции, рутине, приверженности и материальной привязанности к распадающемуся строю, органически неспособны на это. Их реализм превращается неизбежно в собственную противоположность, практически — в судорожное цепляние за то, что историей обречено на слом.

Поэтому для нас, коммунистов, так удачно разрешается и другое противоречие: противоречие между теорией и практикой, между громадными историческими задачами и «вниманием к мелочам». Марксистская теория—настоящая, без этикетки торгового дома «Карл Каутский und C°», является великолепным орудием в руках нашей партии. Она позволяет видеть и великое и малое, и общие пути, и исторические зигзаги, начиная от вопросов крушения капитализма до малейших колебаний в настроении русского крестьянства или интеллигенции. Она позволяет производить здесь такой «учет», который потом превращается в директиву практической политики. Отсюда вытекает в основе **правильность** нашей политики, ее соответствие с интересами того класса, выражением которого служит наша партия. Именно **правильность**, а не что-либо иное. Ибо совершенно ясно, что с точки зрения революции не «левое» или «правое» нужно пролетариату, а правильное, т.-е. то, что дает максимум полезного эффекта. Октябрьский переворот был правилен, хотя и был «лев». Брестский мир и новый курс экономической политики были правильными шагами, хотя были «правой» политикой. Только остатки фетишизма мешают понять это, только закоснелые предрассудки, тяготеющие еще над нашими умами, затемняют то, что так ясно видели всегда гениальные глаза Ленина. И когда теперь мы со всей энергией выдвигаем лозунги осторожности, внимания к мелочам, углубленной культурной работы и т. д.—мы ведем **правильную** политику. Пусть сколько угодно кричит буржуазия о том, что коммунизм крахнул. Пусть сколько угодно чирикают общипанные социал-демократические воробьи о нашем банкротстве. Пусть сколько угодно воют против нас анархические ребята. Мы должны итти здесь своим путем, ибо в трезвой оценке событий—наша основная сила. Видеть широкую столбовую дорогу революции, бросаться, когда нужно, в отчаянный бой и итти на величайший риск—и в то же время видеть каждую обходную тропиночку, уметь использовать в своем хозяйстве всякую веревочку, никогда не смотреть на словесную шелуху, а понимать **реальные** соотношения—это есть наша действительно революционная заповедь.

«Но, ведь, вы же **азиаты!**»—кричат нам наши противники. «А хотите играть передовую роль в **Европе!** Этому не бывать!» Однако, это есть. Это—«упрямый факт», хотя в то же время и исторический парадокс, а с точки зрения филистера—неразрешимое противоречие.

Между тем, и это противоречие находит свое об'яснение. Вся история русского рабочего класса дала ему закал, какого не знал западно-европейский пролетариат. Борьба с самодержавием воспитала отличные кадры партийных рабочих и произвела прекрасный отбор вождей. Как это ни странно, но эмиграция сыграла здесь громадную роль. Наших товарищей швыряли из страны в страну и познакомили их вплотную со сложными международными отношениями, воспитав и закалив их в священной ненависти к интернациональному капиталу и в боевой преданности интернациональному пролетариату. Такого опыта не могла накопить ни одна рабочая партия в мире. Все звенья русской пролетарской армии были, таким образом, крепко привязаны друг к другу. Наша **международная** осведомленность в значительной степени составила нашу силу и обеспечила правильное руководство. Это вовсе не чудо, а продукт условий нашего собственного развития, и совершенно прав тов. Троцкий, когда он настаивает на том, чтобы наша молодежь воспитывалась на основе интернациональной ориентировки, на внимательном изучении рабочего движения в других странах, где еще пока силен и могуществен наш враг.

Наша сила состоит далее в соединении чувства собственного могущества с жестокой самокритикой. Это «противоречие» неоднократно использовалось нашими противниками, которые, однако, каждый раз просчитывались. «Пролетарская революция всегда критикует самое себя»—писал Маркс. Это бесстрашно делала и наша партия. Наши противники с изумлением читали не раз признания в ошибках (да еще каких!) со стороны Ленина. Сколько статей, даже стихотворений, было написано на эту тему! Сколько «ученых выводов» делалось относительно нашей гибели! Глупцы! Они не понимали, что это соединение уверенности в себе с жестокими саморазоблачениями есть то, что нужно, как воздух, пролетарской победе. Дворцовая клика, социал-демократические лакеи из министерских передних, заговорщики и конспираторы против народа, не признаются в своих ошибках. А наша партия, которая ведет массы по новым, неизведанным путям, на своем горбу испытывает удары врага, сознает свою обязанность перед братскими партиями других стран, всегда будет критиковать себя, улучшать свою тактику, обогащать свой опыт, передавать его массам всего мира.

Обладая величайшим революционным оптимизмом, она прямо смотрит в глаза грозным опасностям. И этого тоже не в состоянии понять наши враги. Наш революционный оптимизм покоится, с одной стороны, на знании, общем прогнозе относительно хода исторического развития, с другой — на жизнеощущении молодого, свежего, подымающегося класса, который расправляет свои крылья, всасывая все героическое, что есть в народе. Но никогда наша партия не была партией придурковатых оптимистов, вольтеровских Панглоссов и экзальтированных интеллигентских крикунов. Она всегда била открыто в набат, как только замечала какую-нибудь опасность. Когда теперь, после стольких побед, она, наша партия, говорит об опасности возможного перерождения, о том, что нэп может нас захлестнуть, о том, что мы можем погибнуть от нашей некультурности и т. д. и т. д. — наши противники и полудрузья тотчас делают вывод о неизбежности нашего поражения.

«Рано пташечка запела, как бы кошечка не с'ела». Для того мы бьем в набат, для того мы рисуем опасности, чтобы преодолеть их. Пусть нытики скулят, а враги злорадствуют. Очень хорошо. А мы со всей энергией будем делать дело. Наш оптимизм удесятеряет нашу энергию. Наше знание опасностей указывает нам верный путь. В решении этого «противоречия» лежит один из залогов нашей победы.

Наша партия умела, однако, решать не менее удачно и организационные вопросы. Сейчас еще идут споры о том, чем должна быть партия революции: кружком испытанных «сектантов» или массовой партией. Качество или количество нужны нам? Это—тоже «особое» «противоречие». А мы его решали и будем решать так, как это нужно. Наше решение было: подбор передовиков на ряду с обязательной связью с самой широкой массой. Многие до сих пор не могут понять, что центр тяжести всей проблемы заключается именно в этом отношении между авангардом и всей остальной классовой массой. Куда годится авангард без связи с массой? Никуда. Это есть заржавленная машина, бездействующая, нелепая. Куда годится аморфная масса без авангарда? Тоже никуда. Распыленная, несвязанная, она неспособна на планомерную осаду врага. Как бы хорошо ни сколотить партию, она ничто, если она **не ведет** за собой массы. Так ставили большевики проблему организации. Они решали и будут решать **двойную** задачу: подбора партийных кадров, сплоченных единой волей, целью, знанием, страстью; и с другой стороны, они решали и будут решать **главное:** проблему связи с массами и постоянного вовлечения беспартийных в партийные ряды.

Точно так же правильно решала наша партия и проблемы внутрипартийного порядка. Тут налицо противоречие между потребностями военнообразной **дисциплины** и задачами **партийного воспитания**. Наша партия никогда не была дискуссионным клубом старых и молодых болтунов обоего пола, готовых, подобно тургеневским Рудиным, преть до бесконечности за чашкою чаю. Она создала образцовую дисциплину, удивляющую всех врагов, железную когорту бойцов, готовых лечь костьми до одного, когда это нужно. И в то же время она сумела сочетать такую дисциплину с серьезным воспитанием, саморазвитием, демократизмом своей внутренней структуры. В зависимости от обстоятельств, отбрасывая фетишизм организационной формы, партия то сжималась в железный кулак, то разжималась для того, чтобы вобрать в свои легкие нового, свежего воздуха. Этой **гибкости** мы достигли как никакая другая партия. И в этом точно так же наша сила и мощь.

Много бед ожидает нас на нашем пути. Но с полным спокойствием и уверенностью сотнями тысяч глаз смотрит наша партия в лицо грядущему. Четверть века билась она на славном посту. Пусть следующие четверть века принесут ей новые победы. «Аппетит приходит во время еды». Мы имеем хороший аппетит. Мы пустились в т[illegible] плавание, какое не снилось даже [illegible]. Наша партия зорко смотрит вдаль и опытной, уверенной рукой держит руль пролетарского корабля.

Н. БУХАРИН.

Большевизм и гегемония пролетариата.

Если бы мы должны были в двух словах выразить суть большевизма, его роль в истории русского революционного движения, назвать главную регулятивную идею большевизма, мы сказали бы: эта идея — гегемония пролетариата. Действительный водораздел между революционным марксизмом и народничеством во всех его видах и оттенках, впоследствии разница между двумя течениями внутри так-называемого «легального марксизма», между «экономизмом» и искровством, между большевизмом и меньшевизмом, между «правдизмом» и «ликвидаторством», — это вопрос о гегемонии пролетариата. Здесь коренное, основное расхождение, от которого ведут начало все остальные и, как бы они крупны ни были сами по себе, все же уже сравнительно второстепенные разногласия. Здесь узловой пункт всех разногласий. Вопрос о гегемонии пролетариата — проблема всех проблем.

Нынешняя формула гласит: демократия или диктатура. Но и эта формула, в сущности, целиком вытекает из проблемы гегемонии пролетариата и даже прямо является оборотной стороной этой проблемы.

Основоположниками идеи гегемонии пролетариата в русской революции являются Плеханов и Ленин. «Маленькая» разница между Плехановым и Лениным состоит только в том, что Плеханов, ранее Ленина выступивший на политической арене, первый теоретически провозгласил идею гегемонии пролетариата в русской революции, с тем, чтобы политически предать эту идею в наиболее важные моменты политической истории России, меж тем как Ленин в течение 30 лет остался верным этой основной идее, пронес ее через все труднейшие этапы русского освободительного движения и создал партию, воплотившую эту идею в жизнь.

Как известно, на Парижском международном конгрессе II Интернационала в 1889 году Плеханов, являвшийся тогда бесспорным руководителем всех революционных марксистов в России и властителем дум тогдашней марксистской интеллигенции, сказал историческую правду: «Русская революция победит, как революция рабочего класса, или не победит вовсе».

Это и была одна из наиболее кратких и лапидарных политических формулировок идеи гегемонии пролетариата. Нынешнему поколению большевиков, нынешней рабочей молодежи фраза Плеханова может показаться простым трюизмом. Кто же из сознательных революционеров не понимает теперь, что только рабочий класс и мог стать главной силой, совершившей победоносную революцию в России? Однако, в конце 80-х годов то, что сказал Плеханов, было открытием не только для международного социализма, но и для русского рабочего движения того времени. Плеханов «открыл» рабочий класс в России так же, как Маркс и Энгельс «открыли» рабочий класс для всех капиталистических стран Европы. В эпоху, предшествовавшую историческому заявлению Плеханова на Парижском конгрессе, тогдашняя революционная или, вернее, народническая интеллигенция базировалась на «народ», т.-е. на крестьянство. В лучшем случае, рабочий класс существовал для народников только как подсобная сила, как одна из групп населения, которая тоже может пригодиться для победы над самодержавием. В виде величайшей уступки один из главнейших руководителей «Народной Воли» — Лев Тихомиров, когда он был в зените своей славы и никто еще не мог подозревать, что он припадет к стопам царского трона, соглашался с тем, что и рабочий класс очень важен «для революции». И Плеханову пришлось подробно доказывать, что для того, чтобы эта формула была верна, ее нужно поставить на голову, т.-е. нужно сказать, что «революция очень важна для рабочего класса», а не наоборот.

Плеханов остался верен идее гегемонии пролетариата и в 1903 году; он впервые изменил ей около 1905 года, т.-е. как раз тогда, когда надвигалась первая великая революция, послужившая репетицией для событий 1917 года, и когда идея гегемонии пролетариата впервые должна была выдержать исторический экзамен, пройти через горнило испытаний настоящей революции.

Дискуссия, которая произошла в связи с выработкой программы на втором с'езде нашей партии в 1903 году, заслуживает того, чтобы все сознательные рабочие ознакомились с нею поподробнее. Не кто иной, как Плеханов, со свойственным ему тогда блеском и талантом, высмеивал на II с'езде фетишистское отношение к принципам «демократии». Длительность парламента, всеобщее избирательное право, — все это зависит от обстоятельств. Если данный парламент (а стало-быть и учредительное собрание Г. З.) будет враждебен интересам рабочего класса, то мы заинтересованы в том, чтобы срок существования его был покороче и, если можно, разогнать его в два дня, а не терпеть его два года. Теоретически возможен случай, когда победивший пролетариат лишит избирательных прав своих классовых противников. Все это говорил не кто иной, как Плеханов. Уничтожение смертной казни? Ну, а для Николая Кровавого? Неужели она не пригодится? Все зависит от обстоятельств времени и места. Интересы революции — вот высший закон. Так говорил Плеханов, вызывая шипение со стороны будущих меньшевиков. Часть с'езда бурно аплодировала Плеханову; пара делегатов, в виде протеста, стала шикать. «Если такие речи вызывают одобрение на с'езде социал-демократии то мы обязаны шикать», — заявили эти делегаты. Среди этих последних был и... меньшевистский вождь Рязанов, которого в 1920 году Советская власть должна была судить за принадлежность к партии помещичьей контр-революции.

В. И. Ленин с достаточной полнотой впервые формулировал идею гегемонии пролетариата в русской революции в 1894 году. Совсем недавно товарищам, работающим над изданием полного собрания сочинений товарища Ленина, посчастливилось разыскать (в этом величайшая заслуга товарищей) неувидевшую света замечательную работу тов. Ленина от 1894 года, носившую название: «Что такое «Друзья Народа» и как они воюют против социал-демократов». Эта работа, вероятно, скоро выйдет в свет, и тогда, конечно, каждый мыслящий рабочий изучит ее со всею тщательностью. Работа эта представляет собой ответ на статьи Н. К. Михайловского и С. Кривенко в народническом «Русском Богатстве» против марксистов, появившиеся в конце 1893 и в начале 1894 г.г. Читатель не посетует за следующую пространную выписку из этой замечательной работы В. И., формулирующую с классической ясностью и простотой идею гегемонии пролетариата:

«Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его капитал, что вести борьбу приходится с классом буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения, неизбежно требует от рабочих организации, неизбежно становится войной не против личности, а против класса, того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а *везде и повсюду гнетет и давит трудящегося* (курсив наш. Г. З.) Вот почему фабрично-заводский рабочий является не более, как передовым представителем всего эксплоатируемого населения (курсив наш. Г. З.), и для того, чтобы он осуществил свое представительство в организованной, выдержанной борьбе, требуется... простое выяснение его положения, выяснение политико-экономического строя системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе».

Буржуазия — тот класс, который давит не на одних только фабриках и заводах, *а повсюду и везде*. Рабочий класс, фабрично-заводский пролетариат — не более, как передовой представитель всех эксплоатируемых, т.-е. и неимущих крестьян. Вывод: рабочий должен стать во главе всех эксплоатируемых, т.-е. стать гегемоном в освободительной борьбе. В дальнейших словах В. И. дает еще более точное экономическое обоснование идее гегемонии пролетариата. Он пишет:

«Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы. Во всех остальных местах, при низких формах развития капитализма, нет этих материальных условий: производство раздроблено на тысячи мельчайших хозяйств (не перестающих быть раздробленными хозяйствами при самых уравнительных формах общинного землевладения), эксплоатируемый, большею частью, владеет еще крошечным хозяйством и, таким образом, привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должен вести борьбу... Раздробленная единичная мелкая эксплоатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности об'единиться, поняв, что причина угнетения — не та или другая личность, а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплоататором, об'единяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу».

И в заключение следующий политический аккорд:

«Когда передовые представители (рабочего класса) его усвоят идею научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции» *).

Не более, не менее. Слова, написанные почти 30 лет тому назад, звучат так, как будто бы они написаны сегодня. Обладание марксистской теорией, глубокая *преданность рабочему классу* и личная гениальность позволили товарищу Ленину сделать 30 лет тому назад заявление, которое стало прямо пророческим.

«Человек будущего в России — мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова. Человек будущего в России — рабочий, думают социал-демократы. Так формулирована была в одной рукописи точка зрения марксистов».

В этом коротком примечании, помещенном небольшой выноской в названной работе В. И., превосходно схвачена суть дела. Чтобы полностью выразить современные взгляды большевиков, чтобы исчерпывающе формулировать идею гегемонии пролетариата, надо было, пожалуй, только видоизменить формулу следующим образом: «Человек будущего в России — рабочий, *ведущий за собой крестьянина*».

Вся история большевизма есть не что иное, как борьба за воплощение в жизнь идеи гегемонии пролетариата. Начиная с «Друзей Народа» (1894 г.), продолжая старой «Искрой», через «Вперед» (1900 года) и «Пролетарий» (1905—1906 г.), продолжая «Звездой» и «Правдой» (1911—1914 г.г.) и, в наши дни большевизм ведет ту же борьбу. И бессменным вождем в этой борьбе является В. И. Ленин. «Корнилов или Ленин» — так озаглавил целый том своей истории второй русской революции виднейший вождь той партии, которая боролась против гегемонии пролетариата и за гегемонию буржуазии в революции. Мы говорим о П. Н. Милюкове, и он был прав. Нельзя было короче и ярче выразить всю суть 1917 года, решившего судьбу России, как этими тремя словами: «Корнилов или Ленин».

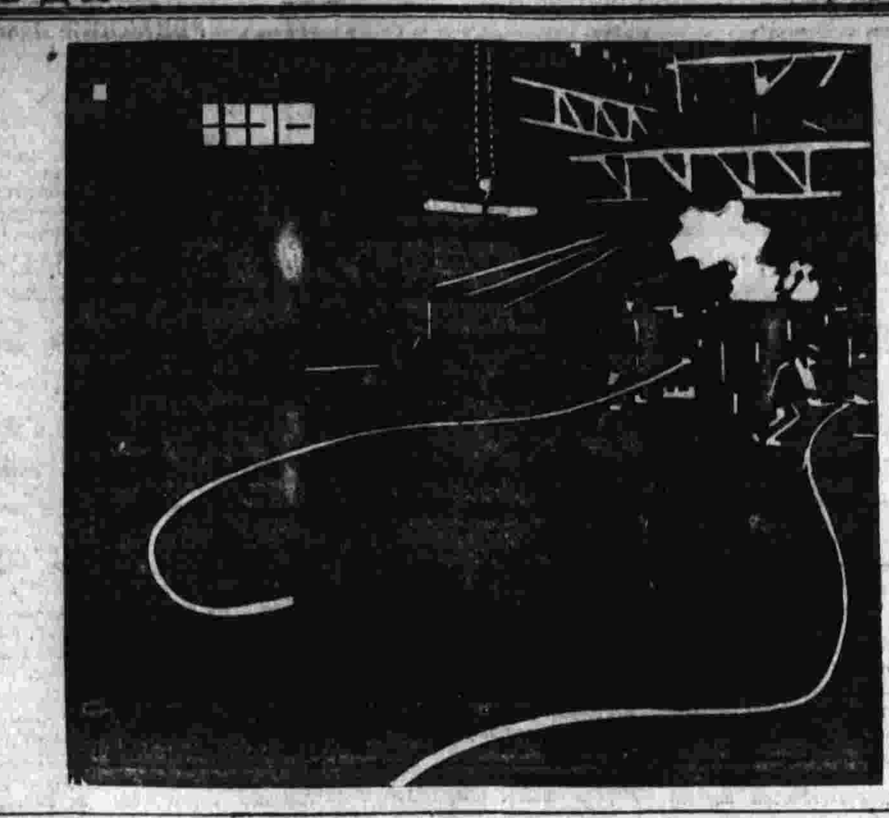
Кто хотел действительно гегемонии пролетариата в революционном движении, т.-е. руководящей роли рабочего класса *во время борьбы*, тот естественно должен был добиваться диктатуры пролетариата после победы, *по окончании борьбы*. Меньшевизм не свел концов с концами и в этом отношении. В пору наивысшего под'ема движения, во вторую половину 1905 года, под влиянием нарастающих событий меньшевики иногда не прочь был *на словах* признать необходимость гегемонии рабочего класса *во время борьбы* против самодержавия. Но зато он ни на одну минуту не сомневался в том — это для него было аксиомой, — что назавтра же, после победы рабочий класс должен поднести власть на блюде либеральной буржуазии. Как же! Ведь революция не может быть иной, как буржуазной. Значит власть должна принадлежать буржуазии, и рабочий класс должен быть доволен уже тем, что ему позволяют обжигать себе пальцы при вытаскивании каштанов из огня для других. Пресловутый меньшевистский пятитомник (меньшевистская история революции 1905 года), составленный главными столпами меньшевизма после поражения первой революции, придерживался на этот счет вполне определенной «философии истории»: революция 1905 года разбита потому, что рабочие вводили явочным порядком 8-часовой рабочий день и вообще шли дальше того, что было приемлемо для либеральной буржуазии. Да и вся, с позволения сказать, «тактика» меньшевиков в первый период февральской революции 1917 года продиктована все той же философией: все тяжести борьбы на улицах и на баррикадах ты, рабочий, так и быть, можешь взять на себя, но, победивши, неси скорее власть в ту же минуту Милюкову и Гучкову. Ибо революция — буржуазная...

Идея гегемонии пролетариата в освободительном движении — родная сестра идеи диктатуры пролетариата в период, переходный к упразднению всякого государства. Это — душа революционного марксизма, а стало быть и большевизма.

Нашей партии выпало на долю практически приступить к воплощению в подлинной жизни этой великой идеи. Значительная часть тяжелого пути пройдена. Теснее сомкнем ряды! Через все препятствия, через всю пестроту переходного времени, через все переулки и закоулки нэп'а понесем дальше идею гегемонии пролетариата. Ибо пролетариат — единственный класс, который в состоянии покончить с капитализмом и создать социалистический строй.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

*) В своих «Друзьях Народа» В. И. Ленин во многом отмежевывается от тогдашнего «марксиста» П. Струве, но все же, внешним образом они остаются и в 1894 г. и почти до самого конца 90-х годов, как бы, в одном лагере. Два полюса в «едином» лагере так называемого легального марксизма лучше всего характеризуется финальными аккордами, с одной стороны, в книге пресловутого П. Струве «Критические заметки» и, с другой стороны, в вышеприведенных заключительных словах «Друзей Народа». «Пойдем на выучку к капитализму», — провозглашает Струве; «Поведем русский пролетариат к коммунистической революции», — провозглашает Ленин. Два класса, два мира.

Корни большевизма в русской почве.

Большевизм давно стал международным явлением. Слово это можно найти во всех новых энциклопедических словарях — даже самых «академических», до сих пор стесняющихся безоговорочно признать родство человека и обезьяны. Дарвин для них еще под сомнением, но существование большевизма на земном шаре уже никакого сомнения не внушает.

Характерно, что подлинное происхождение слова ими почти забыто. «Большевик» они переводят через «максималист». Что так назвали себя когда-то сторонники большинства какого-то (для западной буржуазии, это именно «какой-то») с'езда русских социалистов, это так же мало интересно для них, как первоначальное этимологическое значение слова «виг» или «якобинец». Пусть там историки копаются в этом. Для современности большевик это «человек экстремы», употребляя выражение Герцена, большевизм — это направление, ставящее все общественные проблемы революционно, не признающее компромиссов, принципиально враждебное соглашательству. Словом, большевизм, — это воплощение революционного рабочего движения, в противоположность мирному «социализму» Шейдемана, Реноделя или Вандервельда.

Но это мировое явление зародилось на почве определенной страны, среди определенного народа — или группы народов. Выводить современный большевизм непосредственно из, тоже непримиримо революционного, коммунизма Маркса и Энгельса 1848 года было бы насилием над историей. Между «Манифестом» и современным большевизмом лежит полстолетия «мирного» рабочего движения лишь эпизодически прерванного парижской коммуной 1871 года: тогда как русский большевизм и его разновидности под всеми долготами и широтами земного шара связаны непрерывной нитью. Идейным отцом большевизма, конечно, является Маркс; но реальная историческая связь — это связь общественных отношений, а не связь идей. Идеи лишь отражают общественные отношения.

Какие общественные отношения рождают мировой большевизм, об этом не приходится распространяться. Империалистская война, не вызвав непосредственно всемирной социалистической революции, как думал когда-то неосторожно Каутский, и как, еще более неосторожно, надеялись «по Каутскому» мы в 1917—1918 г.г., — в колоссальной степени приблизила к нам момент этой революции. Классовая вражда капиталиста и рабочего обострилась до того, что прежние, «мирные», формы рабочего движения день ото дня становятся все менее и менее возможными. В то же время — еще более важный факт — в движение втянут весь пролетариат до самых глубоких слоев, до самых отдаленных боковых ответвлений. «Индиферентных» рабочих более нет и об'ективно быть не может: борьба ведется уже не передовыми отрядами, а всей массой. Этот последний факт хорошо подчеркивается такими, на первый взгляд вовсе не «революционными» явлениями, как, например, победа на выборах английской рабочей партии. И в Англии центр вымыт. Либеральная прослойка стала тоньше кленового листа, пролетарий и предприниматель стоят друг против друга лицом к лицу, со сжатыми кулаками и стиснутыми зубами. И патентованным соглашателям, доныне возглавляющим английское рабочее движение, неимоверных усилий стоит предупредить драку. Предупредить, исторически говоря, на момент, конечно, — не сегодня-завтра она должна вспыхнуть.

Во всем этом процессе важен не самый факт войны, а факт созданного войною необычайного обострения классовых отношений. И этот факт мог быть создан не только войной. Исходным толчком могло быть и что-либо другое: например, катастрофически-быстрое вторжение капитализма в страну, в своей толще глубоко еще феодальную.

Россия конца XVIII века еще не знала другого капитализма, кроме торгового. О капиталистической промышленности для так-называемой эпохи Екатерины II почти не *приходится говорить*. А *сто лет* спустя, в 1891 году, по количеству веретен Россия занимала первое место на континенте Европы (в России 6 миллионов, во Франции 5,04, в Германии 5, в Австрии 2,1 и т. д.); в 1900 году по производству чугуна Россия обогнала на 200 с лишком тысяч тонн такую старую капиталистическую страну, как Франция.

Всего 100 лет понадобилось русскому капитализму для того, чтобы пробежать тот путь, по которому Западная Европа шла три столетия. Революционизирующее значение этого факта было превосходно схвачено Энгельсом еще в 1893 году. «Исходя из того факта, что Россия есть последняя великая страна, захваченная крупной капиталистической промышленностью, а также из того обстоятельства, что она есть в то же время страна с несравненно более многочисленным крестьянским населением, чем где бы то ни было», писал Энгельс Николаю—ону, «мы должны признать, что потрясение, произведенное этим экономическим переворотом, должно оказаться здесь, уже в силу только этих двух обстоятельств, гораздо более сильным и острым, чем в какой бы то ни было другой стране. Процесс замещения около 500.000 помещиков и около 80 миллионов крестьян новым классом землевладельцев буржуазного типа не может совершиться без страшных страданий и потрясений».

Энгельс говорил в будущем времени. Но когда он писал, острота процесса успела уже дать себя почувствовать целым рядом симптомов. Давно уже были сказаны пророческие слова Герцена, что Россия никогда не станет страной «золотой середины» (juste milieu). И еще раньше, чем Герцен написал эти слова, Россия уже имела первую «максималистскую» политическую программу. Левое, мелкобуржуазное, не помещичье, крыло декабристов, с Пестелем во главе, уже в 1820-х годах выставило «максималистский» лозунг, — непосредственного перехода от самодержавной монархии к демократической республике с национализацией земли. При всей мелкобуржуазности Пестеля, он великолепно понимал связь политической надстройки и социального базиса, понимая, что конфискация латифундий и низвержение царизма — два неразрывно связанных момента одной и той же катастрофы. Гул первой весенней бури русского капитализма сделал этого мелкого буржуа в полковничьем мундире марксистом задолго не только до русского марксизма, но и до самого Маркса.

Восемьдесят лет спустя не-марксистам мысль Пестеля казалась невероятно дерзкой и утопической. Когда в 1905 году выступил новейший большевизм с лозунгом демократической республики среди полного расцвета романовского режима, люди, «учившиеся не на медные деньги», пожимали плечами. Какая тут республика! Хоть бы всеобщей подачи голосов добиться, как в Германии. Но большевики 1905 года прекрасно помнили слова Чернышевского: «менее всех подвержен опасности ошибиться в расчетах тот, кто менее всех поддается надеждам, что чем скромнее воображать будущность, тем лучше». Большевики отлично понимали, что революция в России даст или максимальные результаты или вовсе никаких. И 1907 год и 1917, как два «контрольные случая», самым блестящим образом подтвердили этот прогноз — один обратным способом, другой прямым.

В промежутке между Пестелем и большевиками, всякий раз, когда грохот новой стены, рушимой бурным паводком русского капитализма, вызывал революционное эхо, мы опять слышим те же «максималистские» ноты. В шестидесятых годах, на другой день после того, как поток смыл большой кусок феодализма в русской деревне — оставив ровно столько, сколько нужно было, чтобы река не могла дальше течь ровно и плавно, по английскому или хотя бы прусскому образцу, — эти ноты звучат особенно отчетливо.

И в прокламации Молодой России, с ее заключительным возгласом: «да здравствует социальная и демократическая республика русская!», и в социалистических проектах (не только теоретических, а практических проектах) каракозовского кружка, и в пророческом предвидении 65 статьи советской конституции у Ткачева («работникам принадлежат все права и кроме них никто не может иметь никаких прав, никакого значения») на нас глядит тот же большевизм, в шестидесятых годах еще более «утопический», чем в 1905 году. А прошло шестьдесят лет, и то, что предвидели авторы Молодой России, каракозовцы и Ткачев, стало обычным жизненным явлением.

Чрезвычайно любопытно, что выступавшие иногда в процессе русского революционного движения минималистские попытки постоянно, вопреки западным образцам и примерам, терпели в России неудачу. Попытка Петрашевского поднять «образованные классы», пользуясь тогдашними «легальными возможностями», в виде дворянских собраний и городового положения 1846 года, кончилась таким же пулем, как и полулегальные обращения к тем же «образованным классам» «Великорусса» в начале 1860-х годов. И когда героической «Народной Воле» пришла несчастная мысль сделать свою программу более «осуществимой», укоротив ее социальный размах, ради все тех же «образованных классов», ничего из этого опять не получилось. Меньшевизму никогда не везло в России: этого никак не могут понять его теперешние представители, видящие, каким почетом и влиянием пользуются их собратья в Бельгии или в Германии. Не растет этот цветок на русской почве, что поделаешь.

Свойство-ли это именно местной почвы, или продукт более общих условий? Энгельс на это дал вполне исчерпывающий ответ. Он ошибся только, назвав Россию «последней» великой страной, вступившей на путь капиталистического развития. Еще позже нас на ту же дорогу вступили Дальний Восток, Китай и Япония. И они двигаются по этой дороге еще быстрее нас: Япония в 1860-х годах была тем, чем Россия во времена Петра; а теперь ее приходится называть в числе трех империалистских колоссов, которые будут делить мир завтра, наряду с Америкой и Англией. Китай завоевал себе буржуазную республику на той ступени развития, на какой Россия стояла в 1860-х годах: новое доказательство, между прочим, насколько теоретически мало были утопией надежды наших тогдашних революционеров. Если прибавить к этому Индию, переживающую ныне канун своего 1905 года, мы получим огромный комплекс стран, подчиненных тому же закону исторического развития, как и Россия — стран, осужденных на большевизм судьбою. А в общей сложности эти страны дают более полумиллиарда населения — более трети всего населения нашей планеты.

Что может дать эта большевистская лавина, когда она, — а это будет очень скоро, это будет в ближайшие десятилетия, — выступит на арену мировой истории в качестве решающего фактора? Не покажется-ли тогда многим принимавшийся за «нормальный» меньшевистский темп западно-европейского рабочего движения таким же эпизодом, каким на фоне самого этого движения рисуются июньские дни 1848 года и Коммуна? Не об'явит ли история, что именно большевистский тип есть правило, а все прочие — исключения? И не потонут ли в волнах могучего диалектического потока все наши мелкие злоключения, наши «отступления» и «маневры»?

М. ПОКРОВСКИЙ.

РИСУНКИ В НОМЕРЕ:

1) Плита стали.
2) Протягивание раскаленных полос.
3) Сверлильный станок.
4) Выпуск стали.

К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов.

Основой настоящих статей послужили лекции «О стратегии и тактике русских коммунистов», читанные мною в разное время в рабочем клубе Пресненского района и во фракции коммунистов Свердловского университета. Я решился выпустить их в свет не только потому, что считаю себя обязанным пойти навстречу желанию пресненцев и свердловцев, но и потому, что сами статьи кажутся мне не бесполезными для нового поколения наших партийных работников. Считаю нужным, однако, оговориться, что статьи эти не имеют претензии дать что-либо новое по существу в сравнении с тем, что уже сказано несколько раз в русской партийной прессе нашими руководящими товарищами. Настоящие статьи должны быть рассматриваемы как сжатое и схематическое изложение основных взглядов тов. Ленина.

I. Предварительные понятия.

1. ДВЕ СТОРОНЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Политическая стратегия так же, как и тактика, имеет дело с рабочим движением. Но само рабочее движение состоит из двух элементов: элемента об'ективного или стихийного и элемента суб'ективного или сознательного. Элемент об'ективный, стихийный — это та группа процессов, которые происходят независимо от сознательной и регулирующей воли пролетариата. Экономическое развитие страны, развитие капитализма, развал старой власти, стихийные движения пролетариата и окружающих его классов, столкновения классов и пр., — все это такие явления, развитие которых от воли пролетариата не зависит, это — об'ективная сторона движения. Стратегии нечего делать с этими процессами, ибо она не может отменить их, ни изменить, она может лишь считаться с ними и исходить из них. Это область, подлежащая изучению теории марксизма и программы марксизма.

Но движение имеет еще суб'ективную, сознательную сторону. Суб'ективная сторона движения — это отражение в головах рабочих стихийных процессов движения, это сознательное и планомерное движение пролетариата к определенной цели. Эта сторона движения тем, собственно, и интересна для нас, что она, в отличие от об'ективной стороны движения, подлежит целиком направляющему воздействию стратегии и тактики. Если стратегия не в силах изменить что-либо в ходе об'ективных процессов движения, то здесь, в области суб'ективной, сознательной стороны движения, наоборот, поле применения стратегии широко и разнообразно, ибо она, стратегия, может ускорить или замедлить движение, направить по кратчайшему пути или совлечь его на путь более тяжелый и болезненный, в зависимости от совершенств или недостатков самой стратегии.

Ускорить или замедлить движение, облегчить или затормозить его, — таковы область и пределы применения политической стратегии и тактики.

2. ТЕОРИЯ И ПРОГРАММА МАРКСИЗМА.

Стратегия не занимается сама изучением об'ективных процессов движения. Тем не менее она обязана их знать и правильно их учитывать, если не хочет допустить грубейших и пагубных ошибок в деле руководства движением. Изучением об'ективных процессов движения занимается, прежде всего, теория марксизма, а потом и программа марксизма. Поэтому стратегия должна целиком опираться на данные теории и программы марксизма.

Теория марксизма, изучая об'ективные процессы капитализма в их развитии и отмирании, приходит к выводу о неизбежности падения буржуазии и захвата власти пролетариатом, о неизбежности замены капитализма социализмом. Пролетарская стратегия может быть названа действительно марксистской лишь в том случае, если в основу ее работы будет положен этот основной вывод теории марксизма.

Программа марксизма, исходя из данных теории, определяет цели пролетарского движения, научно-формулированные в пунктах программы. Программа может быть рассчитана либо на весь период капиталистического развития, имея в виду низвержение капитализма и организацию социалистического производства, либо на одну определенную фазу в развитии капитализма, например, на низвержение остатков феодально-абсолютистского строя и создание условий свободного развития капитализма. В зависимости от этого программа может состоять из двух частей: максимальной и минимальной. Само собою понятно, что стратегия, рассчитанная на минимальную часть программы, не может не отличаться от стратегии, рассчитанной на максимальную ее часть, при чем стратегия может быть названа действительно марксистской лишь в том случае, если она руководствуется в своей работе целями движения, формулированными в программе марксизма.

3. СТРАТЕГИЯ.

Важнейшей задачей стратегии является определение того основного направления, по которому должно пойти движение рабочего класса и на котором выгоднее всего для пролетариата нанести противнику основной удар для достижения целей, поставленных программой. План стратегии — это план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов.

Основные черты политической стратегии можно было бы обрисовать без особого труда, прибегнув к аналогии с военной стратегией, например в период гражданской войны, во время борьбы с Деникиным. Все помнят конец 1919 года, когда Деникин стоял под Тулой. В это время разыгрались интересные споры среди военных по вопросам о том, откуда следовало бы нанести решающий удар армиям Деникина. Одни военные предлагали выбрать основным направлением удара линию Царицын—Новороссийск. Другие, наоборот, предлагали повести решающий удар по линии Воронеж—Ростов, с тем, чтобы, пройдя эту линию и разбив, таким образом, на две части армии Деникина, потом расколотить их поодиночке. Первый план имел, несомненно, свою положительную сторону в том смысле, что он, рассчитывая на взятие Новороссийска, тем самым отрезал армиям Деникина путь к отступлению. Но он был, с одной стороны, невыгоден, ибо предполагал наше продвижение по районам (Донская область), враждебным Советской власти, и требовал, таким образом, крупных жертв; с другой стороны, он был опасен, ибо открывал армиям Деникина дорогу на Москву через Тулу, Серпухов. Второй план основного удара был единственно правилен, ибо он, с одной стороны, предполагал продвижение нашей основной группы по районам (Воронежская губ.—Донбасс), сочувствующим Советской власти, и в виду этого не требовал особых жертв, с другой стороны, он расстраивал действия основной группы войск Деникина, шедших на Москву. Большинство военных высказалось за второй план, и этим была определена судьба всей войны с Деникиным.

Иначе говоря: определить направление основного удара — это значит предрешить характер операций на весь период войны, предрешить, стало-быть, на 9/10 судьбу всей войны. В этом задача стратегии.

То же самое нужно сказать о стратегии политической. Первое серьезное столкновение между политическими руководителями российского пролетариата по вопросу об основном направлении пролетарского движения имело место в начале девятисотых годов, во время русско-японской войны. Как известно, одна часть нашей партии (меньшевики) держалась тогда того взгляда, что основное направление движения пролетариата в его борьбе с царизмом должно пойти по линии блока между пролетариатом и либеральной буржуазией, при чем крестьянство, как важнейший революционный фактор, исключалось, или почти исключалось, из плана, а либеральной буржуазии предоставлялась руководящая роль в обще-революционном движении. Другая часть партии (большевики), наоборот, утверждала, что основной удар должен пойти по линии блока пролетариата и крестьянства, при чем роль руководителя обще-революционного движения должна быть предоставлена пролетариату, а либеральная буржуазия должна быть нейтрализована.

Если по аналогии с войной с Деникиным изобразить все наше революционное движение с девятисотых годов до февральской революции 1917 года как войну рабочих и крестьян против царизма и помещиков, то ясно, что от принятия того или иного стратегического плана (меньшевистского или большевистского), от принятия того или иного основного направления революционного движения зависела во многом судьба царизма и помещиков.

Как во время войны с Деникиным военная стратегия, наметив основное направление удара, тем самым на 9/10 определила характер всех дальнейших операций, вплоть до ликвидации Деникина, так и здесь, в области революционной борьбы с царизмом, наша политическая стратегия, наметив основное направление революционного движения в духе большевистского плана, тем самым определила характер работы нашей партии за весь период открытой борьбы с царизмом со времен русско-японской войны до февральской революции 1917 года.

Задача политической стратегии состоит, прежде всего, в том, чтобы, исходя из данных теории и программы марксизма и учитывая опыт революционной борьбы рабочих всех стран, правильно определить основное направление пролетарского движения данной страны для данного исторического периода.

4. ТАКТИКА.

Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ее обслуживающая. Тактика имеет дело не с войной в целом, а с ее отдельными эпизодами, с боями, с сражениями. Если стратегия старается выиграть войну, или довести до конца, скажем, борьбу с царизмом, то тактика, наоборот, стремится выиграть те или иные сражения, те или иные бои, успешно провести те или иные кампании, те или иные выступления, более или менее соответствующие конкретной обстановке борьбы в каждый данный момент.

Важнейшей задачей тактики является определение тех путей и средств, тех форм и способов борьбы, которые более всего соответствуют конкретной обстановке в данный момент и вернее всего подготовляют стратегический успех. Поэтому действия тактики, их результаты должны быть расцениваемы не сами по себе, не с точки зрения непосредственного эффекта, а с точки зрения задач и возможностей стратегии.

Бывают моменты, когда тактические успехи облегчают проведение стратегических задач. Так обстояло дело, например, на деникинском фронте в конце 1919 года при освобождении нашими войсками Орла и Воронежа, когда успехи нашей кавалерии под Воронежем и пехоты под Орлом создали обстановку, благоприятную для удара на Ростов. Так обстояло дело в августе 1917 года в России, когда переход Петроградского и Московского Советов на сторону большевиков создал новую политическую обстановку, облегчившую впоследствии октябрьский удар нашей партии.

Бывают и такие моменты, когда тактические успехи, блестящие по своему непосредственному эффекту, но не соответствующие стратегическим возможностям, создают «неожиданную» обстановку, гибельную для всей кампании. Так обстояло дело с Деникиным в конце 1919 года, когда он, увлеченный легким успехом быстрого и эффектного продвижения на Москву, растянул свой фронт от Волги до Днепра и подготовил тем самым гибель своих армий. Так обстояло дело в 1920 году во время войны с поляками, когда мы, недооценив силу национального момента в Польше и увлекшись легким успехом эффектного продвижения вперед, взяли на себя непосильную задачу прорыва в Европу через Варшаву, сплотили против советских войск громадное большинство польского населения и создали, таким образом, обстановку, аннулировавшую успехи советских войск под Минском и Житомиром и подорвавшую престиж Советской власти на Западе.

Наконец, бывают еще моменты, когда приходится пренебречь тактическим успехом, сознательно пойти на тактические минусы и проигрыши для того, чтобы обеспечить за собою в будущем стратегические плюсы. Так бывает нередко на войне, когда одна сторона, желая спасти кадры своих войск и вывести их из-под удара превосходных сил противника, начинает планомерное отступление и сдает без боя целые города и области для того, чтобы выиграть время и собраться с силами для новых решительных боев в будущем. Так обстояло дело в России в 1918 году во время германского наступления, когда наша партия вынуждена была пойти на Брестский мир, представляющий громадный минус с точки зрения непосредственного политического эффекта в тот момент, для того, чтобы сохранить союз с крестьянством, жаждавшим мира, заполучить передышку, создать новую армию и обеспечить, таким образом, в будущем плюсы стратегические.

Иначе говоря: тактика не может подчинять себя преходящим интересам минуты, она не должна руководствоваться соображениями непосредственного политического эффекта, она тем более не должна отрываться от земли и строить воздушные замки, — тактика должна строиться применительно к задачам и возможностям стратегии.

Задача тактики состоит, прежде всего, в том, чтобы, руководствуясь указаниями стратегии и учитывая опыт революционной борьбы рабочих всех стран, определить формы и способы борьбы, более всего соответствующие конкретной обстановке борьбы в каждый данный момент.

5. ФОРМЫ БОРЬБЫ.

Способы ведения войны, формы войны не всегда одинаковы. Они меняются в зависимости от условий развития, прежде всего в зависимости от развития производства. При Чингис-хане война велась иначе, чем при Наполеоне III, в XX веке ведется иначе, чем в XIX веке.

Искусство ведения войны в современных условиях состоит в том, чтобы, овладев всеми формами войны и всеми достижениями науки в этой области, разумно их использовать, умело сочетать их или своевременно применить ту или иную из этих форм в зависимости от обстановки.

То же самое нужно сказать о формах борьбы в политической области. Формы борьбы в политической области еще более разнообразны, чем формы ведения войны. Они меняются в зависимости от развития хозяйства, общественности, культуры, в зависимости от состояния классов, соотношения борющихся сил, характера власти, наконец, в зависимости от международных отношений и пр. Нелегальная форма борьбы при абсолютизме, связанная с частичными забастовками и демонстрациями рабочих; открытая форма борьбы при «легальных возможностях» и массовые политические забастовки рабочих; парламентская форма борьбы, скажем, при Думе и внепарламентское выступление масс, доходящее иногда до вооруженных восстаний; наконец, государственные формы борьбы по взятии власти пролетариатом, когда последний получает возможность обеспечить за собою все государственные средства и силы, вплоть до армии, — таковы в общем формы борьбы, выдвинутые практикой революционной борьбы пролетариата.

Задача партии состоит в том, чтобы овладеть всеми формами борьбы, разумно их сочетать на поле битвы и умело заострить борьбу на тех ее формах, которые особенно целесообразны при данной обстановке.

6. ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ.

Формы организации армий, роды и виды войск приспособляются обычно к формам и способам ведения войны. С изменением последних меняются и первые. При маневренной войне дело решает часто массовая кавалерия. При позиционной войне, наоборот, кавалерия либо не играет никакой роли, либо — второстепенную роль: тяжелая артиллерия и авиация, газы и танки решают все.

Задача военного искусства состоит в том, чтобы обеспечить за собою все роды войск, довести их до совершенства и умело сочетать их действия.

То же самое можно сказать о формах организации в политической области. Здесь, также как и в военной области, формы организации приспособляются к

Мысли о партии.

I.

25 лет прошли как-то очень уж скоро. А между тем, четверть столетия—срок не малый... Инициаторы 1-го с'езда партии, насколько знаю, собирались пригласить на него и нашу николаевскую организацию, но колебались: очень мы, николаевцы, были молоды. Но вопрос разрешился сам собою: в январе 1897 года николаевская организация была разгромлена почти начисто, а с'езд собрался в марте. Мы об нем узнали уже в одесской тюрьме в мае: новость передавали криком из окошка в окошко. И вот, прошло 25 лет, да каких! Войны, революции, потрясения, каких не бывало еще в человеческой истории. И хотя кажется, что 97 год был вчера, но как трудно в то же время охватить это 25-летнее прошлое, более богатое содержанием, чем предшествующие тысячелетия. Не лучше ли поразмыслить о будущем?

* * *

Первая мысль—о молодежи, ибо она и есть будущее. Ныне руководящее в партии поколение воплощает в себе неоценимый опыт истекшего 25-летия, а наша революционная молодежь есть вулканический продукт октябрьского извержения. Ни европейская, ни тем более мировая революция, как бы скоро она ни началась, не завершится на глазах старшего поколения. Тем серьезнее, тем глубже вопрос о воспитании смены, которой предстоит доводить работу до конца.

В Европе молодое поколение пролетариата, пробужденное русской революцией, продолжает жить в условиях капиталистического режима. Сочетание этих условий: революционный пример России и могущественный гнет империализма придают молодому поколению европейского пролетариата революционный закал, которого так нехватало в эпоху империалистской войны.

Условия развития нашей молодежи глубоко отличны. Она выросла или вырастает в обстановке победоносной революции, которой не удалось сломить и не удастся. Для нашей молодежи революция уже не цель, а быт. Нет ли в этом новых опасностей? В своем практическом осуществлении революция как бы «разменялась» на частные задачи: надо починить мосты, учить грамоте, понижать себестоимость сапога на советской фабрике, бороться с грязью, ловить мошенников, проводить электрические провода в деревню и пр., и пр. Некоторые интеллигентские пошляки, из тех, у которых мозги набекрень (они считают себя по сей причине поэтами или философами) уже заговорили о революции тоном великолепнейшего снисхождения: учится, мол, торговать (хи-хи) и пришивать пуговицы (хе-хе). Но предоставим пустобрехам брехать в пустоте. Сами же поставим вопрос критически: нет ли действительной опасности того, что молодежь наша незаметно сложится и окостенеет в атмосфере советских «малых дел», — без революционных перспектив, без широкого исторического горизонта—и в один злосчастный день обнаружится, что мы с ней говорим на разных языках? Отрицать эту опасность начисто не приходится. Но тем условиям, которые порождают ее, противостоят другие, никак не менее могущественные условия, и прежде всего, международное положение нашей страны, а следовательно, и нашей партии. От разрешенной нами большой задачи, завоевания власти, мы перешли к «малым» задачам не сразу, а через долгую гражданскую войну, и не навсегда, а только на известный период, который мы привыкли называть передышкой. Об этом свидетельствует, прежде всего, самый факт существования Красной армии. Не мы одни живем на свете. Мы всего лишь крайний левый фланг очень большого и извилистого фронта, проходящего по всем пяти частям света. Тот отряд неприятельских сил, который непосредственно противостоял нам, мы за эти годы основательно сокрушили: «всерьез и надолго». Но во всем мире еще идет борьба. И она в любой момент может перекинуться на нашу территорию, или наша прямая помощь может потребоваться—во имя нашего же самосохранения—на других участках. Понимание этого международного характера наших задач должно составлять стержень воспитания нашей молодежи. Если мы переживаем внутри как бы полосу малых дел, то Красная армия есть наиболее яркое звено, соединяющее нас с еще неразрешенными революционными задачами мирового масштаба. Поэтому отношение молодежи к Красной армии по существу выражает ее практическое отношение к революции, как к героическому подвигу. Мы видели вчера это отношение на примере Красного флота, завтра увидим на примере авиации. С другой стороны, то, что иногда называют демобилизационным настроением, есть по существу ликвидаторское настроение. Практическую революционную школу, какую давало подполье,—школу высокого самоотвержения, боевого братства—в наших условиях может заменить в первую голову Красная армия.

* * *

Для этого нужно, повторяем, чтобы понимание связи нашей внутренней работы с борьбой мирового рабочего класса вошло в кровь нашей молодежи. Достигнуть этого можно, только приблизив к нам мировое рабочее движение в *гораздо большей степени, чем до сих пор*. Как? Путем правильно поставленной, серьезной, добросовестно продуманной информации. Время суммарных лозунгов насчет призрака коммунизма, который бродит по Европе, уже прошло—и еще не наступило. Нужно, чтобы наша передовая молодежь изо-дня в день через газеты, журналы, лекции следила за ходом революционного движения во всей его конкретности; чтобы она знала его силу и слабость, трудности и ошибки, успехи и поражения, его организацию, его вождей. Благодаря тюрьмам, ссылке и эмиграции старшее поколение нашей партии получило эти интернациональные знания, воспитывалось на них, впитало их в себя. В этом его сила, которая и позволяет ему играть ныне руководящую роль в Коммунистическом Интернационале. Младшему поколению нет надобности для этого ни в тюрьме, ни в эмиграции. Задача может и должна быть разрешена в порядке плана партийным и государственным путем. Прежде всего, наша пресса должна научиться давать систематическую, конкретную, живую, непрерывную информацию о борьбе рабочего класса во всем мире. Довольно бессвязных, эпизодических, отрывочных, тараторящих и пустозвонящих сведений! Нужно, чтобы сегодняшний день рабочего движения органически вытекал для читателя из вчерашнего дня. Нужны правильно поставленные корреспонденции из-за границы. Нужно тщательно следить за европейской печатью и выжимки из нее давать нашему читателю. Дело не в том, чтобы поучать, призывать, наставлять: этого слишком много и это утомляет; молодежь, выросшая в атмосфере лозунгов, призывов, восклицаний, плакатов, рискует перестать реагировать на них. Нужно дать ей фактические сведения в правильных пропорциях и в правильной перспективе. Нужно дать ей материальные элементы и методы самостоятельной ориентировки в ходе мировой революции. Как военный по призванию передвигает на своей карте флажки, напряженно вдумываясь в условия и шансы боев, происходящих от него за тридевять земель, так наша молодежь должна учиться на политической карте мира передвигать самостоятельно флажки классового фронта, взвешивать силы и средства борьбы, оценивать методы ее и проверять вождей. Нет более могущественного идейно-воспитательного средства—и против крохоборческого принижения, и против нэповского разложения, и против всех других опасностей.

* * *

Но и чисто практическая повседневная работа на почве советского культурно-хозяйственного строительства — даже и советская торговля в розницу!—вовсе не является практикой «малых дел» и не несет в себе необходимо психологии крохоборчества. Малых дел—без больших—в человеческой жизни сколько угодно. А больших дел без малых в истории не бывает вовсе. Точнее сказать: малые дела в большую эпоху, то-есть как составная часть большой задачи, перестают быть «малыми делами». После разгрома «Народной Воли» впавшая в дряблость и прострацию русская интеллигенция пыталась встать на путь «малых дел» культурнического и филантропического характера. Так вырос тип восьмидесятника—проповедника артелей и вегетарианства. После поражения революции 1905 г. русский меньшевизм окончательно стал на путь отказа от революционной программы во имя «злободневных потребностей», т.-е. малых дел. Так сложился тип ликвидатора, проросший насквозь буржуазностью и обернувшийся вскоре патриотом. В Европе за время между франко-прусской войной (1871 г.) и великой империалистской свалкой (1914 года) социал-демократическая и профессионалистская бюрократия все больше и больше уходила в повседневную чисто-реформистскую, детальную работу, практически отказываясь от революционной борьбы с капитализмом, склоняясь ниц перед его могуществом. Так сложился оппортунист, националист, шейдемановец. Во всех этих случаях дело шло о политической и моральной капитуляции перед врагом. «Малые дела» открыто или молчаливо противопоставлялись большой исторической задаче. Творились они в щелях режима, установленного враждебным классом.

Совершенно очевидно, что совсем иного рода те злободневные потребности и частные задачи, которые требуют нашего внимания ныне. У нас дело идет о строительстве рабочего класса, который впервые строит для себя и по своему плану. Этот исторический план, хотя бы еще крайне несовершенный и сбивчивый, должен об'единить все части и частицы работы, все углы и закоулки ее, единством большого творческого замысла. Крохоборчество реформистов не в заботе о частичных реформах, а в том, что эти реформы заранее уложены в тесные рамки, какие отводит им враждебная воля. Если наши советские реформы имеют тесные границы, то это—границы нашего собственного хозяйственного могущества или нашей слабости. От нашей воли и настойчивости зависит расширить их. Все наши отдельные и малые задачи—вплоть до советской торговли в розницу—входят, как части, в план господствующего рабочего класса, направленный им на преодоление своей хозяйственной и культурной слабости. В конце-концов и самый героический баррикадный бой распадается на детали: доставка бревен, опрокидывание телег, установка заграждений, и пр., и пр. Но все это связывается высшим революционным напряжением борцов во имя большой политической цели. Единство большой цели и вырывает человека из мещанского крохоборчества, из обывательской тины, поднимает его над уровнем одних только мелких повседневных забот, окрыляет его жизнь даже при самой скромной доле его личного участия в общей работе.

Социалистическое строительство есть плановое строительство величайших масштабов. И через все приливы и отливы, ошибки и повороты, через все извилины нэп'а партия преследует свой большой план, в духе этого плана воспитывает молодежь, учит каждого связывать свою частичную функцию с общей задачей, которая требует сегодня тщательно пришивать советскую пуговицу, а завтра—бесстрашно умирать под знаменем коммунизма.

Советская техника поднимается на уровень революционной политики. Слесарь, ткач, мастер, инженер,—сознательные участники общего хозяйственного плана,—должны стать таковыми. Техническое обучение молодежи не только специализация, но и подготовка к участию в плановом строительстве, в социалистическом зодчестве, в революционном подвиге. Для техники Советская Россия—необ'ятное поле. И пролетарское студенчество —при правильной постановке дела—будет с таким же энтузиазмом изучать агрономию, термодинамику или электротехнику—уже изучает,—с каким наше поколение училось организации стачек, кружков и подпольных типографий. Специализация необходима, плодотворна, спасительна, как элементарная предпосылка всякого успеха. Но специализация в рабочем государстве вовсе не должна вести к сплющению личности, к замкнутой односторонности. От нашей молодежи мы должны и будем требовать серьезной и глубокой специализации, а стало быть, и освобождения от основного греха нашего поколения—всезнайства и всеумейства,—но специализации на службе общего, каждым в отдельности воспринятого и продуманного плана. Партия должна будет в ближайшие годы воспитать могущественные научно-технические кадры. Советская техника должна будет подняться на высоты коммунистической партийности.

* * *

Вопрос, однако, этими общими историческими соображениями не исчерпывается, ибо они являются решающими только в так-называемом «последнем историческом счете». Практически же соотношение между специализацией и партийностью стоит (для сегодняшнего дня) сложнее и острее.

Конечно, и до октября большевики были не только большевиками, но и выполняли известную служебную, профессиональную работу. Разница, однако, с дореволюционным временем огромная. Во-первых, штабы партии были тогда заняты почти исключительно партийной работой: это так называемые профессиональные революционеры, и число их было довольно значительно. Во-вторых, члены партии, остававшиеся у станков, в конторах и пр., отдавали своей заводской и конторской работе только физические силы, только время, но не душу. Активной сознательной жизнью они жили вне своей профессиональной работы. А теперь? Штабы партии, и центральный и местные, состоят, за небольшими исключениями, из товарищей, выполняющих наиболее ответственную государственную работу, почти всегда специализованного типа. То же самое относится и к очень значительному числу членов партии, не принадлежащих формально к ее штабам, но составляющих ее основные кадры. В свою административную, хозяйственную, военную, дипломатическую и всякую иную работу коммунисты вкладывают теперь свою личность целиком, ибо дело идет не о службе, а о социалистическом строительстве, и, чем дальше, тем больше члены партии специализуются, тем больше они входят во вкус специализации—и так должно быть, ибо без специализации нельзя достигнуть ничего серьезного и дельного в таком колоссальном «предприятии», как построение нового государства и нового хозяйства. Но и опасность, отсюда вытекающая, велика—из-за пристального разглядывания деревьев можно разучиться видеть лес.

Года три тому назад мне как-то пришлось сказать, что будет большим для партии завоеванием, когда вместо внутрипартийных течений и фракций старого типа у нас создадутся группировки электрификаторов, торфистов, сланцистов и пр. В общем эта мысль остается правильной и сейчас. Но замедленное в мировом масштабе развитие революции означает для нас замедленное хозяйственное развитие, а это, в свою очередь, означает, что чисто политические вопросы: взаимоотношение между рабочими и крестьянами, партией и массами, сохранят для нас еще долго свое решающее значение, и если бы раздробленная и поглощенная специализованной работой партия утратила способность быстрой ориентировки в этих вопросах и чуткость ко всяким изменениям в политической области, это грозило бы величайшими опасностями. Пытаться противодействовать этому, таща партию назад, к примитивным способам решения всех и всяких советских вопросов «партийным путем», на-глаз, было бы, разумеется, реакционнейшим дон-кихотством. Мы только измотали бы на этом пути партию, заставляя ее голыми руками выполнять работу, для которой у нас уже существуют, хотя и не очень тонкие, но все же инструменты. Противодействовать ведомственному (и всякому иному) перерождению партии можно только сочетанием ряда методов, способных усиливать и сплачивать партию, расширять ее базу, улучшать советские «инструменты» и научать партию—то-есть себя самих—лучше владеть ими.

Нужно прежде всего систематически увеличивать в партии число членов, работающих у станка. Промышленность получила сейчас большую устойчивость, чем в первые годы революции, и мы надеемся, что устойчивость ее будет расти. Вербовка членов партии на заводах может и должна принять строго систематический и притом индивидуализированный характер. Мы должны завоевывать в отдельности каждого рабочего, который заслуживает завоевания. Рабочая молодежь должна стать поголовно нашей. Это задача всех задач, ключ ко всем замкам. Кристаллизация в верхних слоях партии по линиям специальностей и ведомств будет тем менее угрожать партии бюрократическим окостенением, чем обильнее будут питающие партию подпочвенные родники.

Дальше следует повышение политической и теоретической квалификации партии и, как важнейшее к этому средство, улучшение партийной печати, которая должна лучше информировать, больше заинтересовывать, глубже захватывать, в частности—освобождение партийной печати от ведомственной вермишели и от однообразных прокламаций, которые не учат, не побуждают, а утомляют. Но об этом надо говорить особо—конкретно и настойчиво.

Наконец, очень важным и наиболее неотложным средством является усиление и улучшение партийного контроля не только в партийной, но и в советской работе. Ведомственность, бюрократизм, рыночная перелицовка человеческих отношений—все это развивает очень большую силу втягивания, обволакивания, разложения. Наша партия знает это гораздо лучше, чем ее критики со стороны. Но она не пасует перед этими тенденциями, а сознательно, планомерно, бдительно и непримиримо противодействует им. И не только своей общей работой, но и через специальные органы контроля, приноровленные к конкретным формам нынешней партийной и советской работы. Члену партии, который так «специализовался» на своей ведомственной работе, что утратил нравственную связь с партией, незачем оставаться в партии. Он может быть полезным советским работником, но ему нельзя давать голоса в определении общей политики партии. Коммуниста, которому грозит такое перерождение, должно во-время остановить. Это очень важная задача, которая автоматическим действием советского аппарата не может быть решена. Партия, как партия, организована у нас очень солидно. Но в состав советского аппарата члены партии входят совсем на других началах—с иными взаимоотношениями и иной иерархией. Между партийной и советской организацией существует очень сложное взаимопроникновение, недостаточно, однако, организованное со стороны партии. Отсюда потребность в самостоятельном контрольном органе, имеющем задачей обеспечить партийную линию не только в партийной, но и в советской работе,—авторитетном, гибком, товарищеском, но и беспощадном, когда нужно. Вопрос этот, как все, разумеется, помнят, составляет главную часть темы двух последних статей т. Ленина.

Л. ТРОЦКИЙ.

13 марта 23 г.

Р. К. П. на поворотах.

Каждая партия рискует заплатить своей головой, быть вычеркнутой из списка живых, если она не сумеет **во-время** и правильно учесть соотношение борющихся сил. Поражение может стать победой, победа может быть поражением.

Когда и где нужно уклониться от любого удара противника, чтобы—в свою очередь—нанести ему удар в наиболее уязвимом месте; когда и где нужно пойти развернутым фронтом на врага, чтобы смять и раздавить его стремительностью и силой своего натиска,—в этом сущность тактического маневрирования, —искусства перестраивать свой фронт применительно к изменившейся обстановке.

Партия революционного класса должна владеть этим искусством в совершенстве, ибо ее неизменной привилегией является постоянное нахождение на линии боевого огня, «под градом пуль». На обычной войне оперируют с готовыми армиями, в классовой войне на стороне угнетенного класса выступают прежде всего **неорганизованные массы**. По отношению к ним партия призвана играть роль авангарда, одновременно и руководящего штаба и боевого **кадра**.

В моменты революционных под'емов и побед этот кадр развертывается в армию. При отступлениях и поражениях он, последним очищая поле битвы, спасает ядро армии от панического бегства, дезорганизации и деморализации. Крепчайшая, интимнейшая и неразрывнейшая связь между этим кадром и массами пролетарского класса есть главное условие тактических успехов. Знать—это предвидеть. Это предвидение, умение наперед учесть **складывающееся** соотношение сил дается опытом классовой борьбы. Именно длительная связь между партией-кадром и массами—через ряд промежуточных звеньев—обеспечивает это. **Политически** эта связь создается и закрепляется на почве планомерного руководства классовой борьбой масс, на почве конкретных лозунгов и требований. **Организационно**—через те опорные пункты рабочего движения, которые служат в данное время проводником этих классовых требований и лозунгов.

За четверть века борьбы РКП партия революционной теории и практики пролетариата делала не раз и не два крупные тактические повороты. Там, где мелко-буржуазные партии и группировки теряли голову и беспорядочно плелись в хвосте событий, забегая далеко вперед при отступлении и беспомощно тащась в арьегарде в моменты под'ема, РКП всегда умела брать правильный курс. До 1905 года это была борьба **за существование** пролетарской партии в России против либерально-оппортунистических уклонов экономизма и меньшевизма. В 1905 г. партия большевиков,—в лице III с'езда Р. С.-Д. Р. П., идя навстречу революционной стихии, решительно и твердо избрала путь на восстание. Массовая стачка октября—ноября 1905 года уперлась в декабрьское восстание. Восстание было разбито, но не было еще снято с порядка дня. Большевики пошли в 1907 г. во вторую Государственную Думу для собирания сил во имя этой задачи. В 1907 г. исход первой русской революции был решен: революция 1905—7 г.г. выдвинула пролетариат и рабочую партию большевиков на роль авангарда широких народных масс в борьбе против царизма и контр-революционных шатаний буржуазии, однако эти массы не пошли до конца с пролетариатом. Партия немедленно сделала из этого свои выводы: с баррикад и полуоткрытого существования она ушла в подполье, но и из подполья она не забыла цепко ухватиться за «легальные возможности» столыпинской эпохи. Иным переход с баррикад в хлев III думы казался отступничеством.

Но отступничества хотели ликвидаторы, ставившие крест на подполье. Большевики выбросили лозунг использования «легальных возможностей» **во имя укрепления подполья и организации масс вокруг него**. Под'ем рабочего движения после ленских расстрелов 1912 г. вызвал могучую волну политических массовых стачек, вызвал в жизнь легальную рабочую газету партии «Правду», обеспечил большевикам все шесть мест от рабочих в IV царской Думе. В 1907 г. партия отступила, сняв с очереди дня восстание, для того, чтобы уже в 1912—14 г.г. под лозунгом борьбы за три кита перейти в наступление на буржуазно-помещичью контр-революцию и ее ликвидаторских агентов.

Война смяла международный фронт рабочего движения, но РКП не отступила перед разнузданным зверем мирового империализма и в первые же дни войны выбросила боевой клич: **превращение войны империалистической в войну гражданскую**, в классовую войну за власть пролетариата и коммунизм. Разноцветные социал-предатели об'явили это сумасшествием. РКП сумела заглянуть по ту сторону разбойничьей войны, руководимая компасом революционных пролетарских интересов.

В 1912—13 г.г. легальным псевдонимом большевиков было «последовательные», «последовательные демократы». После поражения 1905 г. большевики считали неизбежной вторую демократическую революцию, но война насильственно раздвинула рамки русской истории и сделала неотвратимым мировой кризис капитализма, и потому уже в 1915 г., учитывая возможность половинчатой буржуазно-демократической революции в России во время войны, центральный орган нашей партии —«Социал-Демократ»—заявлял, что мы будем вести борьбу против правительства революционных шовинистов-оборонцев. Опубликовав свои тезисы о Советах 3 апреля 1917 г., Ильич обрушил главные свои удары против «старомодной большевистской традиции», против девоенного понимания задач революции. На пути революции оказалась империалистическая война, и ее можно было победить только через Советы, борьбой за пролетарскую диктатуру.

До июльских дней лозунг «Вся власть Советам» означал предложение компромисса меньшевикам и эсерам. Июльское предательство Гоцев и Либерданов сделало его невозможным. Шаг за шагом разоблачая и устраняя вскормленные иллюзии масс, партия большевиков после корниловщины подвела их вплотную к задаче пролетарской диктатуры. И поэтому, когда Ильич с гениальной ясностью поставил вопрос о восстании, партия организованно и непоколебимо повела массы на захват власти, как на заранее и окончательно решенное дело.

А после октября, победоносного Великого Октября—Брест! Это был труднейший этап и поворот. Казалось, что с разбега мы расшибемся о глухую стену. Революционная выдержка и уверенность в победе победили «левое ребячество». Та самая уверенность в победе, которая в августе 1914 г., под неслыханный рев неожиданно заговоривших артиллерийских чудовищ, продиктовала партии боевой клич: да здравствует гражданская война. Октябрьская революция была бы невозможна без смычки с крестьянством. Спор о войне и мире, в связи с Брестом, был первой решающей проверкой этой смычки. Колебания крестьянских середняцких слоев в гражданской войне определили линию нашего фронта против буржуазно-помещичьей реставрации. Уже 8-й с'езд от курса на комбеды взял линию на середняка. Соотношение классовых сил в гражданской войне обусловило эту линию, которая при переходе на хозяйственный фронт должна была привести к нэп'у.

Как рабочие и крестьяне, без помещиков и буржуазии, в стране пролетарской диктатуры должны устраивать свои взаимоотношения,—этот вопрос стал коренным для всей нашей политики с момента октябрьской победы, и благодаря ей лишь, приобретя огромный политический авторитет в крестьянских массах в течение пары десятков лет борьбы против царизма, помещиков и буржуазии, пролетариат смог укрепить и упрочить *Советскую власть в отсталой мелко-*крестьянской среде. От борьбы за гегемонию рабочего класса в буржуазной революции большевизм, следуя развитию классовых противоречий в российском и международном масштабе, перешел к борьбе за пролетарскую диктатуру, от борьбы за власть к власти и укреплению ее в масштабе одной страны, для дальнейшей борьбы за нее на международной арене.

На протяжении своей двадцатипятилетней истории, РКП проявила чудеса тактической гибкости. Она умела **сжимать** свои ряды в интересах укрепления партийного кадра, когда это становилось очередной задачей, и **расширять** их за счет лучших пролетарских и (после революции) полупролетарско-крестьянских элементов, когда дело шло о наступлении развернутым фронтом. Она не боялась ухода отсталых при отступлении, не боялась итти против течения. Каждый шаг свой она проверяла **в массовой работе**, подготовляла свои тактические решения, нащупывая в частичных и временных разногласиях единую общепартийную линию. Зато она была беспощадна к своим политическим противникам, к тем, кто из тактики пытался скроить «эволюцию» и измену рабочему делу. Когда силою вещей суживалась арена классовой борьбы для пролетариата и частичные задачи грозили заслонить коренные вопросы, РКП из всех своих батарей открывала огонь по оппортунистическим, соглашательским попутчикам пролетариата, искавшим спасения то в области столыпинской легальности, то в хвосте буржуазно-либеральной общественности.

Качественный подбор членов происходил под прямым влиянием основной партийной линии, которая ни при каких обстоятельствах не допускала уклонения от столбовой дороги революции. Как раз на поворотах от пролетарской партии уходили попутчики и это цементировало, укрепляло и спаивало партийные кадры.

С баррикады к станку нелегальной типографии, с подпольной явки на собрание какого-нибудь легального «общества самообразования», от агитации на открытых многотысячных митингах к винтовке, от лозунга «Все на Колчака!» к призыву «Все на топливо», от вооруженной борьбы, к борьбе рублем с капитализмом!..

Российская Коммунистическая партия—единственная в истории партия, способная к таким перевоплощениям, к такой выдержке и внутренней дисциплине. Тов. Ленин является живым и неповторимым олицетворением ее тактического гения,—гения пролетарского авангарда, четверть века победоносно и неустанно наступающего на мировой капитал.

Г. САФАРОВ.

25 лет РКП.

Железным маршем—в новые века,
Через этапы, виселицы, тюрьмы,
А цель была, как сказка, далека,
И вот берем ее последним штурмом.

Под звездный дождь—горящие сердца,
Под солнце—расправившиеся плечи,
Ведь нам нельзя гнилушками мерцать,
Когда земля—пылающая печь.

Шли одиночками по солнечной тропе,
Шли массами под бременем страданий,
И в четверть века дерзко Р-К-П
Перешагнула роковые грани.

Гудит земля от миллионов ног,
Плечо к плечу, и никаких сомнений,
Чтоб было больше солнечных дорог
Для нас и для грядущих поколений.

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

формам борьбы. Конспиративные организации профессиональных революционеров в эпоху абсолютизма; просветительные, профессиональные, кооперативные и парламентские организации (думская фракция и пр.) в эпоху думы; фабрично-заводские комитеты, крестьянские комитеты, забастовочные комитеты, советы рабочих и солдатских депутатов, военно-революционные комитеты и широкая пролетарская партия, связывающая все эти формы организаций в период массовых выступлений и восстаний; наконец, государственная форма организации пролетариата в период сосредоточения власти в руках рабочего класса,—таковы вообще те формы организации, на которые, при известных условиях, может и должен опереться пролетариат в своей борьбе с буржуазией.

Задача партии состоит в том, чтобы овладеть всеми этими формами организации, довести их до совершенства и умело сочетать их работу в каждый данный момент.

7. ЛОЗУНГ. ДИРЕКТИВА.

Удачно формулированные решения, отражающие цели войны или отдельного сражения, популярные в войсках, имеют иногда решающее значение на фронте как средство вдохновить армию к действию, поддержать дух и пр. Соответствующие приказы, лозунги или воззвания к войскам имеют для всего хода войны столь же важное значение, как первоклассная тяжелая артиллерия или первоклассные быстроходные танки.

Еще большее значение имеют лозунги в политической области, где приходится иметь дело с десятками и сотнями миллионов населения с их разнообразными требованиями и потребностями.

Лозунг есть сжатая и ясная формулировка целей борьбы, ближайших или отдаленных, данная руководящей группой, скажем пролетариата, его партией. Лозунги бывают различные, в зависимости от разнообразия целей борьбы, охватывающих либо целый исторический период, либо отдельные стадии и эпизоды данного исторического периода. Лозунг «долой самодержавие», выдвинутый впервые «Группой Освобождения Труда» в восьмидесятых годах прошлого столетия, был лозунгом **пропаганды**, ибо он имел в виду привлечь на сторону партии единицы и группы наиболее выдержанных и стойких борцов. В период русско-японской войны, когда неустойчивость самодержавия стала для широких слоев рабочего класса более или менее очевидной, лозунг этот стал лозунгом **агитации**, ибо он рассчитывал уже на привлечение миллионов трудящихся масс. В период перед февральской революцией 1917 года, когда царизм успел окончательно обанкротиться в глазах масс, лозунг «долой самодержавие» превратился уже из лозунга агитации в лозунг **действия**, ибо он был рассчитан на то, чтобы двинуть миллионные массы на штурм царизма. В дни февральской революции лозунг этот превратился уже в **директиву** партии, т.-е. прямой призыв к захвату таких-то учреждений и таких-то пунктов в системе царизма, ибо речь шла уже о том, чтобы свалить царизм, уничтожить его. Директива есть прямой призыв партии к действию тогда-то и там-то, обязательный для всех членов партии и подхватываемый обычно широкими массами трудящихся, если призыв правильно и метко формулирует требования масс, если он действительно назрел.

Смешивать лозунги с директивами, или лозунг агитации с лозунгом действия, столь же опасно, сколь опасны, а иногда и гибельны преждевременные или запоздалые выступления. В апреле 1917 года лозунг «вся власть советам» был лозунгом **агитации**. Известная демонстрация в Питере в апреле 1917 года под лозунгом «вся власть советам», окружившая тогда Зимний Дворец, была попыткой, попыткой преждевременной и потому гибельной, превратить этот лозунг в лозунг **действия**. Это был опаснейший образец смешения лозунга агитации с лозунгом действия. Партия была права, осудив инициаторов этой демонстрации, ибо она знала, что условия, необходимые для превращения этого лозунга в лозунг действия, еще не наступили, что преждевременное выступление пролетариата может привести к разгрому его сил.

С другой стороны, бывают случаи, когда партия становится перед необходимостью «в 24 часа» отменить или изменить уже принятый и назревший лозунг (или директиву) для того, чтобы оградить свои ряды от ловушки, поставленной противником, или временно отложить проведение директивы до более благоприятного момента. Такой случай имел место в Петрограде в июне 1917 года, когда демонстрация рабочих и солдат, тщательно подготовленная и назначенная на 9-е июня, была «внезапно» отменена ЦК нашей партии в виду изменившейся обстановки.

Задача партии состоит в том, чтобы умело и своевременно перевести лозунги агитации в лозунги действия, или лозунги действия—в определенные конкретные директивы, либо, если этого потребует обстановка, проявить необходимую гибкость и решительность для того, чтобы своевременно отменить проведение тех или иных лозунгов, хотя бы и популярных, хотя бы и назревших.

II.

Стратегический план.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ.

Стратегия партии не представляет чего-либо постоянного, раз навсегда данного. Она меняется в зависимости от исторических поворотов, исторических сдвигов. Изменения эти выражаются в том, что для каждого отдельного исторического поворота вырабатывается отдельный, соответствующий ему, стратегический план, действующий за весь период от одного поворота до другого. Стратегический план содержит в себе определение направления основного удара революционных сил и схему соответствующего размещения миллионных масс на социальном фронте. Естественно, что стратегический план, годный для одного исторического периода, имеющего свои особенности, не может быть годным для другого исторического периода, имеющего совершенно другие особенности. Каждому историческому повороту соответствует необходимый для него и приноровленный к его задачам стратегический план.

То же самое можно сказать в отношении военного дела. Стратегический план, выработанный для войны с Колчаком, не мог быть пригодным для войны с Деникиным, требовавшей нового стратегического плана, в свою очередь не пригодного для войны, скажем, с поляками в 1920 году, ибо как направления основных ударов, так и схемы размещения основных боевых сил не могли не быть различными во всех этих трех случаях.

Новая история России знает три основных исторических поворота, породивших три различных стратегических плана в истории нашей партии. Мы считаем необходимым кратко обрисовать их для иллюстрации того, как меняются вообще стратегические планы партии в зависимости от новых исторических сдвигов.

2. ПЕРВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И КУРС НА БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ В РОССИИ.

Поворот этот начался в начале девятисотых годов, в период русско-японской войны, когда поражение царских армий и грандиозные политические забастовки русских рабочих всколыхнули все классы населения и вытолкали их на арену политической борьбы. Кончился он, этот поворот, в дни февральской революции в 1917 году.

Два стратегических плана боролись в этот период в нашей партии: план меньшевиков (Плеханов—Мартов 1905 г.) и план большевиков (т. Ленин 1905 г.).

Меньшевистская стратегия планировала основной удар по царизму по линии коалиции либеральной буржуазии с пролетариатом. Исходя из того, что революция считалась тогда буржуазной, план этот предоставлял либеральной буржуазии роль гегемона (вождя) движения, а пролетариат обрекал на роль «крайней левой оппозиции», на роль «подталкивателя» буржуазии, при чем крестьянство, как одна из основных революционных сил, исключалось, или почти исключалось, с поля зрения. Не трудно понять, что поскольку этот план исключал из игры многомиллионное крестьянство в такой стране, как Россия, он был безнадежно *утопичен*; поскольку же он отдавал судьбу революции в руки либеральной буржуазии (гегемония буржуазии), он был реакционен, ибо либеральная буржуазия не была заинтересована в полной победе революции, и она всегда была готова кончить дело сделкой с царизмом.

Большевистская стратегия (см. «Две тактики» тов. Ленина) планировала основной удар революции по царизму по линии коалиции пролетариата с крестьянством, при нейтрализации либеральной буржуазии. Исходя из того, что либеральная буржуазия не заинтересована в полной победе буржуазно-демократической революции, что она победе революции предпочитает сделку с царизмом за счет рабочих и крестьян, этот план предоставлял пролетариату, как единственному до конца революционному классу в России, роль гегемона революционного движения. План этот замечателен не только в том отношении, что он правильно учитывал движущие силы революции, но и в том отношении, что он содержал в себе в зародыше идею диктатуры пролетариата (гегемония пролетариата), он гениально предвидел следующую, высшую фазу революции в России и облегчал переход к ней.

Последующее развитие революции вплоть до февраля 1917 года целиком подтвердило правильность этого стратегического плана.

3. ВТОРОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И КУРС НА ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА В РОССИИ.

Второй поворот начался с февральской революции в 1917 году, после свержения царизма, когда империалистская война вскрыла смертельные язвы капитализма во всем мире; когда либеральная буржуазия, неспособная взять в руки фактическое управление страной, вынуждена была ограничиться удержанием за собой формальной власти (временное правительство); когда советы рабочих и солдатских депутатов, получившие в руки фактическую власть, не имели ни опыта, ни воли сделать из нее необходимое употребление; когда солдаты на фронте, рабочие и крестьяне в тылу изнывали от тягости войны и хозяйственной разрухи; когда режим «двоевластия» и «контактной комиссии», раздираемый внутренними противоречиями и неспособный ни к войне, ни к миру, не только не находил «выхода из тупика», но еще больше запутывал положение. Кончился он, этот период, октябрьской революцией в 1917 году.

Два стратегических плана боролись в этот период внутри советов: план меньшевистско-эсеровский и план большевистский.

Меньшевистско-эсеровская стратегия, путавшаяся первое время между советами и временным правительством, между революцией и контр-революцией, оформилась окончательно к моменту открытия демократического совещания (август 1917 года). Она строилась по линии постепенного, но неуклонного отстранения советов от власти и сосредоточения всей власти в стране в руках «предпарламента», прообраза будущего буржуазного парламента. Вопросы мира и войны, аграрный и рабочий вопросы, также как национальный вопрос, откладывались до созыва учредительного собрания, который, в свою очередь, откладывался на неопределенное время. «Вся власть учредительному собранию»,—так формулировали эсеро-меньшевики свой стратегический план. Это был план подготовки буржуазной диктатуры, правда, прилизанной и причесанной, «*совершенно демократической*», но все же буржуазной диктатуры.

Большевистская стратегия (см. «Тезисы» т. Ленина, опубликованные в апреле 1917 года) планировала основной удар по линии ликвидации буржуазной власти соединенными силами пролетариата и крестьянской бедноты, по линии организации диктатуры пролетариата в виде республики советов. Разрыв с империализмом и выход из войны, освобождение угнетенных национальностей бывш. Российской империи, экспроприация помещиков и капиталистов, подготовка условий для организации социалистического хозяйства,—таковы элементы стратегического плана большевиков в этот период. «Вся власть советам»—так формулировали тогда большевики свой стратегический план. *Он важен не только в том отношении*, что правильно учитывал движущие силы новой, пролетарской революции в России, но и в том отношении, что облегчал и ускорял дело развязывания революционного движения на Западе.

Последующее развитие событий вплоть до октябрьского переворота всецело подтвердило правильность этого стратегического плана.

4. ТРЕТИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И КУРС НА ПРОЛЕТАРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ В ЕВРОПЕ.

*Третий поворот начался с октябрь*ского переворота, когда смертельная схватка двух империалистических групп Запада дошла до высшей точки; когда революционный кризис на Западе явно нарастал; когда обанкротившаяся и запутавшаяся в противоречиях буржуазная власть в России пала под ударом пролетарской революции; когда победившая пролетарская революция, порвав с империализмом и выйдя из войны, обрела себе в лице империалистических коалиций Запада заклятых врагов; когда акты нового, Советского правительства о мире, о конфискации помещичьих земель, экспроприации капиталистов и освобождении угнетенных национальностей снискали ему доверие миллионов трудящихся всего мира. Это был поворот в международном масштабе, ибо впервые был прорван международный фронт капитала, впервые был поставлен на практическую ногу вопрос о низвержении капитализма. Тем самым октябрьская революция была превращена из силы национальной, русской, в силу международную, а русские рабочие из отсталого отряда международного пролетариата—в его авангард, будящий своей самоотверженной борьбой рабочих Запада и угнетенные страны Востока. Поворот этот не дошел еще до своего конечного развития, ибо он не развернулся еще в международном масштабе, но его содержание и общее направление уже определились с достаточной ясностью.

Два стратегических плана боролись тогда в политических кругах России: план контр-революционеров, втянувших в свои организации активную часть *меньшевиков и эсеров, и план большевиков*.

Контр-революционеры и активные эсеро-меньшевики планировали по линии об'единения в один лагерь всех недовольных элементов: старого офицерства в тылу и на фронте, буржуазно-националистических правительств на окраинах, экспроприированных революцией капиталистов и помещиков, агентов Антанты, готовивших интервенцию, и пр. Они держали курс на свержение Советского правительства путем восстаний или иностранной интервенции и реставрацию капиталистических порядков в России.

Большевики, наоборот, планировали по линии внутреннего укрепления диктатуры пролетариата в России и расширения сферы действия пролетарской революции на все страны мира путем об'единения усилий пролетариев России с усилиями пролетариев Европы и угнетенных стран Востока против мирового империализма. Замечательна сжатая формулировка этого стратегического плана, данная т. Лениным в своей брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский»: «Провести максимум осуществимого в одной (своей) стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах». Ценность этого стратегического плана заключается не только в том, что он правильно учитывал движущие силы мировой революции, но и в том, что он предвидел и облегчал открывшийся потом процесс превращения Советской России в центр внимания революционного движения всего мира, в знамя освобождения рабочих Запада и колоний Востока.

Последующее развитие революции во всем мире, также как пять лет существования Советской власти в России, целиком подтвердило правильность этого стратегического плана. Факты, в роде того, что контр-революционеры и эсеро-меньшевики, несколько раз пытавшиеся свергнуть Советскую власть, сидят теперь в эмиграции, а Советская власть и Коминтерн превращаются в важнейшее орудие политики мирового пролетариата,—эти факты с очевидностью говорят в пользу стратегического плана большевиков.

И. СТАЛИН.

(Продолжение будет).

Вождь партии.

Первый период. Партия — это несколько немногочисленных кружков на всю Россию. Их задачи: с одной стороны—связаться с передовыми рабочими, с другой стороны,—вести решительную борьбу с народниками за теорию Маркса и марксистское понимание законов экономического развития страны. Тов. Ленин стоит в первых рядах организационной работы, он бросается также в бой и в теоретической области. Принято думать, что первым легальным выступлением марксизма на русской почве были «Критические заметки об экономическом развитии России» П. Струве в 1894 г. Недавно найденная, наконец, гектографированная статья тов. Ленина, относящаяся к 1893 году и посвященная в общем тому же вопросу, доказывает, что приоритет политики легального выступления марксизма в России принадлежит т. Ленину *). Кроме того, это был именно марксизм, а не его либерально-струвистская фальсификация. В то время как Г. В. Плеханов наступал на народников и оборонялся от критиков Маркса по общим вопросам теории, тов. Ленин наносит сокрушительный удар им на основе изучения фактов нашей экономики. В своей книге «Развитие капитализма в России» он осыпал позиции сентиментальных самобытников-народников пулеметным дождем об'ективных цифр, которые разрушили все мелкобуржуазные утопии на счет особого пути развития России в сравнении с «гнилым» капиталистическим Западом.

Начинается борьба с экономизмом, этим первым меньшевистским искажением марксизма и его тактики. Тов. Ленин впереди всех в этой борьбе. Его «Что делать» является формулировкой позиции, диаметрально-противоположной экономизму. В этой брошюре дан уже в грубых чертах организационный силуэт большевистской партии. В этот период тов. Ленин является душой первой революционной «Искры» и всего искровского течения. «Искра» начинает гаснуть потом, как орган революционного марксизма, когда переходит после раскола в руки Мартова и К°. В нерасколовшейся партии вождем был Плеханов, но уже тогда всем было ясно, кто его заменит, если он окажется не на посту. В 1903 году на втором партийном с'езде произошел раскол, от которого ведет свое происхождение наша партия, (сначала большевики назывались большинистами, меньшевики—меньшинистами). Он твердо ведет к расколу революционное крыло партии. Он с полной ясностью видит, распознает уже тогда в меньшевиках российскую разновидность международного оппортунизма (т.-е. агентуру буржуазии в рядах пролетариата), окрашенную в более розовый цвет лишь благодаря политическим условиям страны и подпольного существования всей партии. Эта мысль, которая казалась тогда преувеличением даже некоторым большевикам, руководила тов. Лениным во всей его тактике по отношению к меньшевикам во всех революциях. Непонимание этой мысли приводит к ошибкам и колебаниям взглядов отдельные группы и отдельных товарищей нашей партии. Наоборот, благодаря правильным выводам из этой мысли, тов. Ленин всегда оказывался прав во всех разногласиях с членами партии по этим вопросам.

Наступает революция 1905 года. Партия превращается в один из важнейших факторов политической жизни страны. Начинается борьба на больших количествах, в движение вовлекаются массы. И здесь-то, хотя пока еще в национальных пределах, начинает развертываться основной талант т. Ленина, развертывается несравненный тактический гений Владимира Ильича. Он дает глубоко правильный анализ классовых сил, действующих в революции, он отстаивает линию гегемонии пролетариата в революции, он впервые дает классически ясную формулировку роли крестьянства в нашей революции, этой пехоты, руководимой пролетариатом, он определяет буржуазию, несмотря на ее,—до поры, до времени,—либеральные тенденции, как одну из основных сил контр-революции, он отчетливо формулирует ту мысль, что буржуазно-демократическая революция (тогда шла речь только о такой революции) может быть доведена до конца лишь рабоче-крестьянским блоком под руководством пролетариата в борьбе с самой буржуазией, либо она не восторжествует вовсе. Первая революция 1905 года, в которой крестьянство не поддержало пролетариата, а буржуазия потянулась в лагерь реакции, полностью оправдала этот прогноз своей неудачей. Февральская и Октябрьская революция 1917 г. (если считать их двумя революциями, а не двумя фазами одной революции) полностью подтвердили правильность этого прогноза своим полным успехом.

Революция разбита. Нужно работать в новых условиях, на основе нового соотношения сил, не обещающего уже завтра нового в'ема революционной волны, как бы она ни была неизбежна вообще.

Тов. Ленин ошибается *) вместе с партией, недооценившей размера и последствий поражения декабрьского восстания в 1905 г. Но тов. Ленин первый замечает ошибку и первый выступает за ее немедленное исправление, считая необходимым участие партии в выборах во вторую Государственную Думу. Большинство партии было против выборов в третью Думу. Тов. Ленин один в русской делегации голосовал за выборы на партийной конференции 1908 года в Финляндии. Как и всегда, он не делал уступок, когда считал себя правым. Решение о выборах было принято голосами меньшевиков и польских с.-д. большевиков. Прав оказался тов. Ленин. Позднее среди большевиков усилилось течение за слияние с теми меньшевиками, которые также порвут с ликвидаторами, как большевики порвали с отзовистами. Почти все члены пленума ЦК за слияние. Тов. Ленин против. Проходит несколько месяцев, и все видят, что он был прав. Я не буду говорить о роли тов. Ленина в период реакции, когда надо было передать «против течения», и он был, как всегда, рулевым.

Появляются предвестники нового под'ема. Владимир Ильич прилагает все усилия к тому, чтобы сколотить остатки надломленных организаций в России, посылает публику на российскую работу, волнуется от каждой неудачи, радостно потирает руки при каждом известии о том или ином успехе. На очереди созыв конференций наших организаций за границей. Он настаивает на том, чтобы сплачивать в наших рядах лишь самых твердых, самых непримиримых врагов меньшевистского оппортунизма и не делать никаких уступок примиренческому добродушию. Даже из большевиков некоторые не понимают этого настойчивого раскольничества. События опять полностью подтверждают прогноз Владимира Ильича. Когда в России после ленского расстрела все забурлило, Ильич перекочевывает поближе к границе, в Краков, чтобы отсюда удобней руководить партией.

Началась война. Новая историческая эпоха. Социал-демократия всех стран перебрасывается в лагерь империалистических мясников, лучшие элементы растерялись, или стали пацифистами. Тот, кто правильно определяет сущность этого момента, тот будет пророком целого столетия. Та партия, которая бросит нужный лозунг, эта партия будет гегемонией в мировом пролетарском движении этой эпохи. Владимир Ильич с гениальной глубиной анализа и чисто сверхчеловеческим чутьем схватывает самое главное. Еще перед самой войной он мысленно как бы прощупал бока исторического процесса, взвесил все последствия варианта «война» и теперь бросает тот лозунг, который одновременно является снопом прожекторного света, направленным на мрачное и кровавое поле войны и его остервеневших участников, а вместе с тем отточенным кинжалом в спину мирового капитализма: **«превращение империалистической войны в войну гражданскую»**. Этот лозунг об'явили сумасшествием все философы в лагере социализма, к нему не отнеслись всерьез и в стане врагов. С этого момента тактический гений Ильича прокладывает себе дорогу на мировую арену. Он уже не только вождь российских большевиков, он стоит у руля авангарда мирового пролетарского движения. Перед этим он сделал лишь одну вылазку на арену интернационального рабочего движения, защищая в 1907 г. с Р. Люксембург поправку к резолюции о мировой войне на Штутгартском конгрессе II Интернационала. Теперь весь целиком, с руководимой им партией, он оказывается во главе тех сил, которые в дальнейшем положили основание III Коммунистическому Интернационалу.

Февральская революция победила. Россия покрылась сетью советов рабочих и солдатских депутатов. До приезда Ильича наша партия пережила некоторую заминку, период раздумья перед новым прорывом вперед. Было о чем задуматься. Дело шло о том, чтобы формулировать не только политически, но и организационно задачи новой эпохи. Дело шло о том, чтобы на языке XX века ответить на вопрос, что такое диктатура пролетариата и расшифровать тайну государственной формы победоносной пролетарской революции. Владимир Ильич это сделал в своих знаменитых тезисах в апреле 1917 г. А дальше он внимательно взвешивал соотношение сил в стране, сдерживал своим «рано», рвавшиеся вперед отряды пролетариев и кронштадтских матросов, с нетерпением ожидал «пора» и больше всего боясь «поздно». Эта боязнь упустить удобный момент заставила его перебраться в Финляндию, куда он скрылся от жаждавших расправиться с ним юнкеров, этой же боязнью было продиктовано его письмо в ЦК, где он требовал от последнего разгона вооруженной силой Демократического совещания в Москве, когда момент нашего выступления еще не пришел.

Но момент наступал и наступил. Вспомните его фельетоны в «Правде» о необходимости начать восстание. В них весь Ильич, этот могучий лев, готовящийся схватить врага за горло, эта концентрированная в телесном облачении индивидуального человека воля класса к победе и власти, этот концентрированный разум рабочих масс, кричащих миллионами голосов «пора».

Все помнят этого льва в период отступления и маневрирования. Весной 1918 года он выводил советские силы через Кавдинские ущелья и мимо Бреста из-под ударов германского империализма и уже делал наброски нэп'а, потом зачеркнутые или, вернее, отодвинутые логикой ожесточенной гражданской войны с белыми. Он поддерживает дальше лозунг комбедов, чтобы в 1919 году на 8 партийном с'езде «сманеврировать» на середняке и укрепить наш базис в крестьянской Красной армии.

Конец 1920, начало 1921 г. партия раздирается спорами о задачах профсоюзов. До хрипоты одни агитируют за тезисы «десятки», другие за тезисы тов. Троцкого. Владимир Ильич защищает тезисы «десятки», но его интересуют не тезисы, а профсоюзы. Он смотрит вдаль за пределы Москвы, в деревенскую хату, он гениальный радиоприемник РКП, слушает разговор красноармейцев на нарах казармы. «Не в этом, не в профсоюзах суть момента»,—неоднократно повторяется в частных разговорах и на заседаниях ЦК,—«суть в том, что скажет нам деревня весной». И пришла эта тревожная весна, и сказала деревня то, что имела сказать: языком орудий Кронштадта и Тамбовского восстания. Новый поворот на X с'езде. Чертежи и наброски нэп'а, сделанные Ильичем в 1918 г., обрастают мясом в 1921 г. и следующих годах. Мы на хозяйственном фронте, мы учимся торговать.

Пролетарская воля и разум, воплотившиеся в Ильиче, превратились в мощную социальную силу, силу сплочения и организованности. Только имея такого вождя во главе, как Владимир Ильич, партия могла решительно делать такие головокружительные повороты, спасавшие советский корабль от крушения, как это мы видели за год войны и революции.

Владимир Ильич любит и ценит теорию. Он дал нам чрезвычайно много в этой области. Такие его работы, как «Государство и революция» стоят на уровне теоретического гения Маркса. Но основное в его гении не в этом. В чем он не имеет себе равных в истории мирового рабочего движения—это в области классовой стратегии и тактики. Тактический гений т. Ленина, развернувшийся во всем своем об'еме и блеске лишь на мировой арене *) его величайшее чутье, его уменье следить за всеми изменениями в соотношении классовых сил, его уменье по мелочам определять целое и переходить от целого к мелочам,—его способность вести свою армию от победы к победе во вражеском окружении—эта способность есть главное в гении т. Ленина. Есть русская поговорка: «Москва словам не верит». Тов. Ленин также словам не верит. За шелухой слов, лозунгов, схем, программ, за идеологическими одеждами он чует всегда своей гениальной интуицией движение основного, движение, так сказать, обнаженной социальной материи. И в этом отчасти, разгадка всех его верных прогнозов.

О том, чем партия обязана тов. Ленину, можно написать томы. Он воспитал в партии тот социальный тип, который называется всем знакомым словом: «большевик». О смысле этого слова в будущем также будут написаны томы. Он воспитал в нас презрение к фразе, позе, красивому кривлянию, которое столь нетерпимо для нас, до тошноты, в эсеровской породе. Он научил нас, с другой стороны, презирать также меньшевистскую породу людей, об'ясняющихся языком марксистских цитат и проспавших все революции с «Капиталом» под подушкой. Благодаря ему мы стали на деле революционными потомками Маркса, сумевшими воздвигнуть памятник автору «Коммунистического манифеста» в виде первого в мире пролетарского государства. **Овладеть методом Ильича**—вот задачи нашего молодого поколения коммунистов, идущих нам на смену. Овладеть им, значит, овладеть искусством побеждать с наименьшей тратой сил.

Сколько этих сил сбережет рабочему классу т. Ленин?

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

*) Эта статья тов. Ленина будет скоро опубликована в полном собрании его сочинений под редакцией тов. Каменева.

*) Характерной чертой всех ошибок тов. Ленина (кроме его аграрной программы с «отрезками») было то, что он всегда ошибался влево, а не вправо. Такова ошибка с бойкотом Думы, такова ошибка с предложением оставить лозунг «Вся власть Советам», как уже нереволюционный (6-й с'езд партии), также нетерпение его в вопросе о сроке восстания, такова, наконец, последняя классическая ошибка с Варшавой.

*) Помню, когда я первый раз встретился с т. Лениным на Всероссийской партийной конференции в Котке, в 1907 году, в Финляндии, я, суммируя свои впечатления, подумал: какой Робеспьер в нем пропадает. Я тогда не предвидел, что он далеко оставит позади себя Робеспьеров всех бывших доселе революций.

Ленин.

(Рисунок пером).

До 1917 года я знал и чувствовал товарища Ленина только на расстоянии: в эмиграции или в высылке за границу не был и всю дофевральскую партийную жизнь провел в России и притом не в Питере, где живал нелегально Ленин.

Признаюсь в естественной, по молодости лет и по исконной глупости человеческой, иллюзии: представление об его внешности было у меня окрашено в романтический и героический тон. Ленин представлялся мне человеком высокого роста, «отлично сложенным», с быстрыми движениями, с ясными глазами, «пронзающими насквозь» — словом, с «сильной и блестящей внешностью»: такое впечатление внушали тогда в первую очередь его статьи и стенограммы его речей.

Когда я в первый раз увидел т. Ленина в 1917 году, летом, в Питере, не на собрании, не в «ходе действия» его внешней личности, то, хотя уже имел более точные сведения об его наружном виде, все же, по старой памяти, испытал некоторое разочарование. Поразила меня только его манера, что-нибудь читая, как будто всовывать голову в вороха бумаг, точно ныряя в поверхность бумажного моря, и одновременно прямо-таки рассыпать искры из блестящих глаз по бумаге: он точно парил низко над этим материалом, сразу видя все его концы и готовый сразу ястребом низвергнуться в замеченную точку.

Тут уж я заметил в его внешнем облике нечто соответствующее внутреннему представлению о нем, и притом существенным, а не поверхностным чертам этого представления. Впоследствии я убедился, что внешняя оболочка Ленина в высшей степени характерным образом отражает его духовную сущность.

Разговаривая с Лениным с глазу на глаз, вы видите перед собой невысокого человека, который производит впечатление замечательного крепыша (каковым он в действительности и является, и благодаря чему только он смог, неся в своем теле пули Фанни Каплан и истекая кровью, сам дойти до автомобиля, доехать домой и подняться по лестнице на третий этаж). Голова его, гладкая, словно полированная, сидит на крепком туловище, одетом в темный, непритязательный гладкий костюм. Рыжеватые, отнюдь не гладкие усы и борода, лицо с резкими чертами и блещущие от времени до времени небольшие глаза создают какое-то противоречие к остальному, и невольно напрашивается сравнение — отполированный, блестящий стальной снаряд, начиненный взрывчатым веществом колоссальной силы. С одной стороны —человек настолько «будничной» и «нормальной» внешности, что почему бы ему и в самом деле не встретиться с Ллойд-Джорджем и мирно потолковать об устроении дел Европы. А с другой стороны —как бы в результате не взлетели на воздух и Ллойд-Джордж, и вся Генуэзская конференция! Ибо он—с одной стороны **Ульянов**, а с другой стороны он—**Ленин**.

Ленин изгнал из обихода коммунистической партии всякий элемент фразы и позы. Вот почему мне несколько совестно рисовать этот его портрет—быть-может, все-таки я что-нибудь делаю слишком «картинным» и «красочным». Но, изгнав из себя и из других этот элемент, Ленин не изгнал из себя (не собирался и не мог изгнать из других) элемента беззаветной, сжатой, но прямо-таки яростной революционной энергии. Пусть только она не расходуется на красивые романтические слова, направленные по ложному пути. Пусть она выражается только в действиях и в словах, точно определяющих задачи и об'ем действия, и притом в словах самых простых. Читатели помнят, вероятно, статью «О значении золота при социализме и теперь», появившуюся года полтора назад в «Правде». Она характерна, как сравнительно редкий образчик случая, когда эта «яростная» революционная энергия Ленина проступает на поверхность в словах. Этих случаев больше было до 1917 года. В частности мне вспоминается превосходная статья Ленина «Памяти графа Гейдена» (видного октябриста), написанная весной 1907 года. Тогда еще так можно и должно было писать. Но когда рабочие взяли власть в свои руки—направляйте всю вашу энергию в дело и только в дело.

Разговаривая с Лениным с глазу на глаз, вы получаете иногда другое странное впечатление. Ничего «особенного», «замечательного», «глубокого» он вам не скажет. Скажет не только вещи простые, но, пожалуй, уж и слишком обыкновенные. Но вы скоро можете заметить, что дело тут в двух обстоятельствах. Во-первых, он, так сказать, бережет свой порох для разговора, предназначающегося «всем, всем, всем». А, во-вторых, простота в массе случаев определяется тем, что мысль рассчитана на очень большой масштаб распространения и приложения. Ведь не один раз Ленин подчеркивал, что в настоящее время только такие мысли и предложения могут иметь вес, которые двинут в ход миллионы людей и будут проверены опытом этих миллионов.

Из этого ясно, что во весь рост вы увидите Ленина только на большом собрании. Здесь (особенно если Ленин в ударе, и особенно так было до ранения, когда жест Ленина был совершенно свободным) вы увидите и услышите вещи, глубоко западающие в память. На трибуну быстро выходит небольшой, крепкий человек, и в то время, как по залу несется ураган аплодисментов и криков, стихающий только для того, чтобы разразиться снова,—он обеими руками приглаживает свой череп, точно до сих пор не снял панамы, который носил в сентябре 1917 года, разбирает листки записей, всовывает в них голову, поворачивая ее туда и сюда — словом, старается как-нибудь укрыться от неизбежного, но—отнимающего время!—звукового дождя, который на него сыплется. Вот, наконец, он стих, и Ленин начинает голосом отчетливым и размеренным, хотя с некоторым ударением в нос и как будто пришепетыванием—особенно в тех местах, где речь доставляет удовольствие ему самому. Этот последний оттенок берется, вероятно, от обильного чтения и частых разговоров на самых различных языках.

Пока Ленин находится в начале речи, обе руки его бездействуют и иногда спрятаны в карманах. Но вот появляется на поверхность правая рука, и ее энергичный жест начинает ставить точки, запятые, тире в речи, начинает подчеркивать слова и фразы. Дальше уже и левая рука не может утерпеть, и обе вместе начинают иллюстрировать усложняющийся ход мысли. Оне находятся в быстром движении, и вся речь развивается быстро, и все быстрее яснеет в умах слушателей, и все больше растет в них наслаждение от того, что сознание проясняется в основном вопросе, что «решающий пункт» всплывает с полной отчетливостью, что «основное звено цепи ухвачено», что теперь и они, и миллионы людей за стенами сумеют «вытащить всю цепь». Тут уже и для Ленина речь достигает апогея. Уже сделали руки свое дело. Откинувшись назад туловищем, он закладывает обе руки большими пальцами в прорезы жилета, распахнув пиджак. Точно при этом руки и захватили как раз те главные звенья, которые надо тащить. И почти неподвижный, незаметно, но с невероятной энергией жестикулируя уже только одним корпусом, Ленин ведет людей к выводам, простым и точным, бросая те слова, точно определяющие задачи и об'ем действия, о которых мы говорили раньше.

Это внешнее впечатление (целиком связанное с внутренним) от речи Ленина настолько сильно, что его не мог стряхнуть с себя и нынешний эмигрант Виктор Шкловский, который по-своему описывает его в своих воспоминаниях о 1917 годе, вышедших за границей. «Малый совет солдатской секции (питерского Совета рабочих и солдатских депутатов, летом 1917 г., Н. О.), борясь своей благонравной газетой с приехавшим Лениным, поместил в ней свою резолюцию, что он считает Ленинскую пропаганду столь же вредной, как всякую контр-революционную пропаганду. Ленин приехал объясниться в Совет. Это был день смятения. Зал заполнился комитетчиками. Председательствовал вольноопределяющийся Завадье. Ленин говорил речь с элементарной стремительностью, катя свою мысль, как громадный булыжник; когда он говорил о том, как просто устроить социальную революцию, он сминал перед собою сомнения, точно кабан тростник.

«Зал во время его напора был согласен с ним, и в нем водворилось что-то похожее на отчаяние. Помню бородатого солдата, кричавшего по адресу малого совета—«буржуйчики», «маменькины сынки» и требующего «Чхеидзу председателем, Чхеидзу!»—Представляю себе, какой заворот мозгов был в голове у этого солдата».

Однако, если у этого солдата заворот мозгов выражался в том, что он, соглашаясь с Лениным, требовал в председатели Чхеидзе, то этот заворот был создан исключительно Шкловским со товарищи, обманувшими солдата в том, что Чхеидзе такой же социалист, как и Ленин. И уже к октябрю 1917 г. Ленин излечил солдат от такого заворота мозгов.

Конечно, внешнее действие речи Ленина—только аккомпанимент, сопровождение к действию логическому. Огромная сила этого последнего состоит в том прояснении сознания по решающему пункту, о котором сказано раньше. Слушатели испытывают великое наслаждение,- великую радость от того, что этот человек ухватывает **жизнь так, как она есть**, в той ее **простоте**, которую, однако, так **трудно раскрыть**, и раскрыв, обнажив до конца ее простые движущие силы, указывает простые—как сама жизнь!—решения, именно те, которые могут и должны двинуть миллионы. Оценки Ленина и его практические предложения так же гениально просты, как, скажем, описания Толстого, а литературный стиль Ленина целиком можно сопоставить со стилем Толстого, хотя, конечно, эти два человека во всех остальных отношениях представляют громаднейшие различия.

Каковы же эти простые движущие силы и почему раскрытие их производит такой колоссальный под'ем и такое огромное организующее действие? Это—классовые интересы масс, и это—те ближайшие классовые задачи, которые сама масса уже искала инстинктивно, даже уже нашла, но которые надо суметь выделить в самом ядре, отбросив в сторону всякую шелуху, и сделать совершенной очевидностью. Если в чем может сказываться деятельность гениального общественного мыслителя и вождя, то именно в этом. И в этом—огромная сила Ленина. И ею он создает то смятение, то отчаяние в рядах пытающихся вести массу подголосков буржуазии, о котором пишет Шкловский.

Характернейшая черта Ленина: за время с начала революции он безвыездно пребывает—сперва в Питере, затем в Москве. Он никогда не выезжал на места. Все прочие политические и советские работники большевизма, поскольку они год просидят безвыездно в Москве, теряют «связь с местами» и «контакт с жизнью». Не терял этого лишь один Ленин, непрерывно пребывая в центре и отсюда гораздо лучше и дальше видя кругом, чем люди, которым для этого надо поближе подходить к наблюдаемым предметам.

Да ведь если бы Ленину начать «об'езжать места», ему надо было бы об'ехать весь мир. Ибо его слова и действия рассчитаны всегда не только на миллионы рабочих и крестьян, живущих и борющихся в России, но и на большее число их миллионов, рассыпанных по всем частям света. И вот две характернейших черты Ленина и суть—первая: способность каким-то чутьем по письменным знакам и устным сообщениям понимать, что делается на огромном пространстве в массовом масштабе, в целом, и вторая: в таком же массовом масштабе и на такое же пространство давать действенный отклик—«всем, всем, всем».

Ленин бесспорно грандиозная фигура в мировом рабочем и революционном движении. И поэтому почти невозможно нарисовать его личный портрет, или нужно рисовать его какими-то новыми способами. Но то, что могла сложиться и развиться такая фигура, обладающая как раз двумя последними, только что отмеченными чертами, что это означает? Это означает, что размеры рабочего революционного движения приняли мировую величину, и что вождь такого движения должен быть как бы командиром мощной радио-станции, принимающей волны со всех концов света и всюду посылающей ответные волны.

Есть ли отдаленное подобие такого вождя в стане наших врагов? А ведь в их руках все еще не только самые мощные радио-станции в материальном смысле слова, в их руках все орудия современной техники и все сокровища умственной культуры. Нет таких вождей у них. И это в эпоху самого тяжкого кризиса капитализма, когда только тесной классовой спайкой и решительным классовым действием можно было бы вернуть жизнь к старому равновесию и закрепить рычаги в своих руках. И если таких вождей у них нет, значит их уже не в состоянии породить та среда, из которой они могли бы выйти. Значит, их дни уже сочтены. Значит, после тяжелых новых боев—их будет еще так много!—конечная победа все же будет нашей, и «на нашей улице будет праздник»!

Н. ОСИНСКИЙ.

„Маркс был большевик".

Что такое большевизм? Это революционный марксизм,—говорим мы. Нет, это анархо-бланкизм,—отвечают обычно меньшевики.

Но вот один из них,—член центрального комитета партии меньшевиков Далин—в своем ренегатском исступлении, в своем безудержном желании как можно скорее и как можно решительнее отмежевать меньшевизм от революции,—высказал полную правду о том, что такое большевизм и что такое марксизм. В своей книге: «После войн и революций», Далин пишет:

— «Если-б первая германская революция не закончилась так скоро контр-революцией; если-б реформы, произведенные ею, оказались глубже, а народное движение сильнее, **если-б «крайняя левая» пришла к власти и вынесла вверх Маркса как своего вождя,—он пытался-бы осуществить социализм в Германии и проделал-бы весь большевистский опыт с начала до конца**, с неизбежным террором, с гонением буржуазии, с войной против крестьянства, с экономической катастрофой и с неизбежным затем поражением. **Его «программа коммунистов» и его восхищение перед деятелями 93-го года не оставляет на этот счет никаких сомнений. Да, в 40-годах Маркс был большевик. Большевизм вовсе не чисто-русское явление.** Он появляется на сцену везде в момент революции, как **движение наиболее придавленных слоев»**...

Маркс в 1848 году в Германии, еще более отсталой, чем теперешняя Россия, стремился к пролетарской революции, готовил коммунистов к мысли о захвате власти. Меньшевик Далин об'являет Маркса **«утопистом»**.

Но, оказывается, «грешен» не один Маркс.

«Грешен» Энгельс,—он неоднократно ждал наступления революции, перед смертью он даже назначал срок революции—на 1898-ой год!

Нам справка чрезвычайно полезна, ибо она наглядно показывает, что большевизм опирается на лучшие традиции мирового социализма, что он продолжает—и продолжает блестяще—дело Маркса и Энгельса.

Справка полезна еще в одном отношении; она показывает, что когда социал-демократия была революционной, она была большевистской, т.-е. революционно-марксистской; когда социал-демократия была партией «наиболее придавленных слоев»—она жаждала революции, готовилась к ней, вырабатывала в рабочем классе волю к борьбе.

Но вот социал-демократия превращается в партию аристократии и бюрократии рабочего класса, и она проникается животной боязнью к революции, лакейским преклонением пред буржуазией, тупой, злобной, мещанской ненавистью к большевизму—к революционной партии «наиболее придавленных слоев».

Но революция перешагнула через лакейскую социал-демократию в России,—она перешагнет через нее во всем мире.

В.

Лев Троцкий—организатор победы.

Праздник пятилетия Красной армии за нами. По его поводу появились в партийной печати сотни и тысячи статей, посвященных созданию Красной армии. Но я думаю, что все эти статьи чересчур мало ставили дело создания Красной армии в рамки развития нашей партии. В день юбилея партии можно и нужно дополнить этот недостаток и остановиться на роли в этом великом деле Льва Давыдовича Троцкого.

История подготовляла партию к разной работе. Сколько бы ни было недостатков в нашей государственной машине, сколько бы ни было недостатков в нашей хозяйственной работе, все-таки все прошлое партии подготовило ее психологически к работе по созданию нового хозяйства и нового государственного аппарата. Даже для дипломатии нас подготовляла история. Незачем говорить о том, что мировая политика всегда интересовала мысли марксиста. По технику дипломатическую мы вырабатывали в бесконечных заседаниях с меньшевиками, и тов. Чичерин учился сочинению дипломатических нот в этой старой войне. Но, о чудо, хозяйничать мы только начинаем учиться. Государственная машина наша скрипит и спотыкается. А что у нас вышло действительно хорошо,—это Красная армия. Создатель ее, волевой центр ее,—это тов. Л. Д. Троцкий. Старый Мольтке, творец германской армии, высказывал часто опасение, что перья дипломатов испортят работу солдатских сабель. Воины всего мира, хотя между ними находились и классические писатели, всегда противопоставляли меч перу. История пролетарской революции доказала, как можно перековывать перья в мечи. Троцкий один из лучших писателей мирового социализма, и ему эти литературные качества не помешали быть первым вождем, первым организатором первой армии пролетариата. Перо лучшего своего публициста революция перековала в меч.

Литература научного социализма мало дала Троцкому для решения задач, перед которыми поставила партию и Советскую Россию опасность со стороны мирового империализма. Если пересмотреть всю социалистическую литературу перед войной, то за исключением нескольких, мало известных работ Энгельса, главы, посвященной развитию стратегии в Антидюринге, и нескольких глав в прекрасной книге Меринга о Лессинге, посвященных военной работе Фридриха Великого, в мировой литературе социализма существовало только 4 сочинения на военные темы: брошюра Августа Бебеля о милиции, книга капитана Гастона Моха о милиции, двутомная история войны Шульца и книга Жореса, посвященная пропаганде идеи милиции во Франции. За исключением книг Шульца и Жореса, имеющих большую ценность, все, что появлялось в социалистической литературе после смерти Энгельса на военные темы, было плодом полнейшего дилетантизма. Но и работы Шульца и Жореса не отвечали на те вопросы, перед которыми стала русская революция. Книга Шульца давала схему развития форм стратегии и военной организации в продолжение столетий. Она была попыткой применения марксистского метода исследований истории и кончалась на наполеоновских временах. Книга Жореса, полная размаха и блеска, обнаружившая прекрасное знакомство с проблемами военной организации, страдала тем основным пороком, что этот гениальный представитель реформизма хотел капиталистическую армию сделать орудием национальной защиты, освободив ее от функций орудия защиты классовых интересов буржуазии. Поэтому он не был в состоянии понять тенденции развития милитаризма и в вопросе о войне, в вопросе об армии довел идеи демократии до полнейшего абсурда.

Я не знаю, насколько перед войной т. Троцкий занимался вопросами военной теории. Я думаю, что толчок для гениального понимания этих вопросов он получил не из книг, а тогда, когда во время балканской войны он, как корреспондент присматривался к этой репетиции мировой войны. Вероятно, он углубил свое понимание механизма войны, механизма армии, будучи во время войны во Франции и составляя свои блестящие очерки войны для «Киевской Мысли». По этой работе видно уже, как великолепно он понимал душу армии. Марксист Троцкий видел не только внешнюю дисциплину армии, пушки, технику, он видел живых людей, обслуживающих орудия войны, видел шеренги, двигающиеся на поле сражения. Троцкий —автор первой брошюры, дающей широкий анализ причин падения Интернационала; Троцкий в момент этого величайшего падения не потерял веры в будущее социализма,—наоборот, он был глубоко убежден, что те свойства, которые буржуазия пытается для своей победы воспитать в пролетарие, одетом в шинель, что эти качества обернутся скоро против буржуазии и будут основой не только революции, но и создания революционных армий. Одним из замечательнейших документов этого его понимания классового строения армии, понимания души армии, является его речь по поводу июльского наступления Керенского, произнесенная, кажется, на 1-м с'езде Советов и в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. В этой речи Троцкий предсказывает крушение наступления, предсказывает его не на основании известий о состоянии техники военной на фронте, а на основании анализа политического состояния армии. Вы,—говорил он, обращаясь к меньшевикам и эсерам,—требуете от правительства пересмотра целей войны. Вы этим говорите армии, что старые цели, во имя которых царизм и буржуазия требовали неслыханных жертв, не отвечают интересам русского крестьянства и русских рабочих. Вы не добились пересмотра целей. На место царя и отечества вы не поставили ничего, и вы требуете от армии, чтобы она во имя этого ничего пошла в тяжелый бой проливать свою кровь. Во имя ничего нельзя бороться. И ваша авантюра кончится разгромом. В этой постановке вопроса, сделанной Троцким, вся тайна величия Троцкого, как организатора Красной армии.

Все великие военные писатели подчеркивали громадное значение, решающее значение морального фактора войны. Половина бессмертной книги Клаузевица посвящена этому вопросу. И вся победа наша в гражданской войне основана на том, что Троцкий сумел эту науку о значении моральных факторов войны применить на деле. Когда гибла старая царская армия, военный министр правительства Керенского Верховский предлагал отпустить все более старые возрасты, сократить тыловые учреждения и влить в армию новый, молодой элемент. Когда мы пришли к власти и когда окопы оказались пустыми, многие из нас предлагали то же самое. Но эти идеи были полной утопией. Нельзя было в бегущую царскую армию вливать новые силы. Две эти волны друг друга перерезывали и распыляли. Старая армия должна была умереть; новая могла быть создана только на почве тревоги, охватившей Советскую Россию, рабочего и крестьянина за завоевания революции. Когда в апреле 18 г. в кабинете у Подвойского собрались лучшие из бывших царских офицеров, которые не бросили рядов армии после нашей победы, дабы совместно с нашими товарищами и с рядом военных представителей союзников разработать план организации армии, Троцкий—я помню великолепно эту сцену—в продолжение многих дней прислушивался к их планам молча. Это были планы людей, не понимающих переворота, на их глазах происшедшего. Всякий из них отвечал на вопрос о том, как создать армию, по-старому. Они не понимали перемен, которые произошли в человеческом материале, на котором строится армия. Сколько шутили военные специалисты по поводу первых добровольческих отрядов, которые Троцкий, заняв пост военного комиссара, создавал! Старик Борисов, считающийся одним из лучших военных русских писателей, сто раз убеждал коммунистов, с которыми ему приходилось встречаться, что ничего из этого предприятия не выйдет, что армия может быть построена только на началах обязательности, на началах железной дисциплины. Он не понимал, что добровольческие отряды были сваями, вбиваемыми в землю, вокруг которых должен укладываться кирпич, что крестьянина и рабочую массу можно будет только тогда снова призвать под военные знамена, когда опасность смерти будет смотреть в глаза народным массам. Ни на минуту не допуская мысли, что добровольческая армия может спасти Россию, Троцкий строил ее, как аппарат, нужный ему для создания новой армии. Но если уже в этом выражался организаторский гений Троцкого, смелость его мысли, то еще более яркое выражение она нашла в мужественном его подходе к идее использовывания военных специалистов для строения армии. Всякий хороший марксист понимал великолепно, что для постройки нового хозяйственного аппарата нам все-таки нужны старые капиталистические организаторы. В своей апрельской речи о задачах Советской власти Ленин выдвинул эту идею с полной настойчивостью. В зрелых кругах партии она вообще не оспаривалась. Но идея, что мы можем создавать орудия принуждения, орудия защиты республики, каковым является армия, при помощи офицеров старого режима, встречала сильнейшее сопротивление. Как можно вооружать только-что разоруженных белых офицеров?—спрашивали многие товарищи. Я помню дискуссию по этому поводу в редакции «Коммуниста», органа так-называемых левых коммунистов, в каковой редакции по поводу вопроса об использовывании кадровых офицеров чуть не произошел раскол. А ведь редакция этого органа включала ряд наиболее образованных теоретиков и практиков партии: достаточно назвать Бухарина, Осинского, Ломова, В. Яковлеву. Еще сильнее было неверие в широких кругах наших армейских практиков, вышедших из военной организации, созданной во время войны нами в процессе разрушения царской армии. Только пламенная вера Троцкого в нашу социальную силу, вера в то, что мы сумеем взять у военных специалистов науку и не позволим им диктовать нам свою политику, вера в то, что революционная бдительность передовиков-рабочих победит все контр-революционные козни кадровых офицеров, могла перемолоть недоверие наших военных работников и научить их использовывать силы кадрового офицерства. Чтобы выйти практически победителем в этом вопросе, нужно было, чтоб во главе армии стоял человек с железной волей, к которому имела бы полное доверие не только партия, но и железной воле которого подчинялся бы и враг, принужденный служить нашему делу. Но тов. Троцкий не только сумел, благодаря своей энергии, подчинить себе бывшее кадровое офицерство, он достиг большего. Он сумел завоевать себе доверие лучших элементов специалистов и превратить их из врагов Советской России в ее убежденных сторонников. Я наблюдал одну из таких побед Троцкого еще во время брестских переговоров. Военные, которые с нами были в Брест-Литовске относились к нам более, чем сдержанно. Они из-под палки выполняли роль экспертов, думая, что они присутствуют при комедии, прикрывающей давно состоявшуюся сделку большевиков с германским правительством. Но по мере того как Троцкий вел борьбу во имя принципов русской революции против германского империализма, по мере того как в зале заседания всякий человек почувствовал морально и идейно победу этого славного представителя русского пролетариата, по мере того как развивалась великая брест-литовская драма недоверие к нам военных специалистов таяло с каждым днем. Я помню ночь, когда пришел ко мне в комнату покойный адмирал Альтфатер, один из первых офицеров старой армии, который начал не за страх, а за совесть помогать Советской России, и сказал мне просто: «я приехал сюда потому, что был принужден. Я вам не верил, теперь буду помогать вам и делать свое дело, как никогда я этого не делал, в глубоком убеждении, что служу родине»..

Одна из величайших побед Троцкого состоит в том, что он сумел людям, пришедшим к нам по принуждению из вражеского лагеря, внушить убеждение, что Советское правительство есть правительство, борющееся за благо русского народа. Понятно, что эта великая победа на внутреннем фронте, эта моральная победа над противником была не только результатом железной энергии Троцкого, внушающей всем уважение, не только результатом глубокой моральной силы, великого умственного, даже военного авторитета, который умел завоевать себе этот социалистический писатель и трибун, поставленный волею революции во главе армии; для этой победы была необходима и самоотверженность десятков тысяч наших товарищей в армии, железная дисциплина в наших рядах, последовательность, с которой мы шли к своей цели, для этого нужно было чудо массы, которая вчера, сбежавши с фронта, сегодня при гораздо более тяжелых условиях снова стала на защиту страны. Это влияние массовых психологических и политических элементов само собою понятно, но оно находило самое сильное, самое концентрированное и, так сказать, сокрушительное выражение в лице Троцкого. Русская революция действовала тут через мозг, нервную систему и сердце этого великого своего представителя. Когда началось первое наше вооруженное испытание—с чехо-словаками, партия и с ней ее вождь Л. Д. Троцкий показали, как можно применить принцип политических кампаний, которому учил уже Лассаль, к вооруженной борьбе, к борьбе аргументами из стали. Мы сосредоточили все свои силы материальные и моральные на войне. Необходимость этого понимала вся партия. Но эта необходимость находит снова в стальной фигуре Троцкого свое высшее выражение. После нашей победы над Деникиным в марте 1920 года, Троцкий на с'езде партии сказал: «мы ограбили всю Россию, чтобы победить белых». В этих нескольких словах выражено все неслыханное сосредоточение воли, которая нужна была для победы. Нужен был человек, который был бы воплощенным призывом к борьбе, который, вполне подчинив себя необходимости этой борьбы, стал бы колоколом, зовущим к оружию, волей, требующей от всех безусловного подчинения великой кровавой необходимости. Только человек, так работающий, как Троцкий, только человек, так нещадивший себя, как Троцкий, только человек, умеющий так говорить солдату, как говорил Троцкий,—только такой человек мог сделаться знаменосцем вооруженного трудового народа. Он был всем в одном лице. Он взвешивал в своем мозгу стратегические советы специалистов и умел их связывать с оценкой социального соотношения сил, он умел соединять в одно импульсы, идущие с 14 фронтов, от десятков тысяч коммунистов, которые говорили центру, чем является действующая армия, как можно ею оперировать, в какие формы надо ее влить, он умел это перековывать в стратегический план и организационную схему. И при всей этой грандиозной работе он, как никто, умел применять науку о значении моральных факторов в войне. Лучше всего характеризует это об'единение стратега и военного организатора с политиком тот факт, что при всей этой тяжелой работе Троцкий находил в себе достаточно чуткости, чтобы понять значение для войны Демьяна Бедного или художника Моора. Наша армия была крестьянской армией, диктатура пролетариата в ней, т.-е. руководство этой крестьянской армией рабочими и представителями рабочего класса, осуществлялась в лице Троцкого и работающих с ним товарищей, и осуществлялась в первую очередь таким образом, что Троцкий сумел при помощи всего аппарата нашей партии внушить крестьянской армии, усталой от войны, глубочайшее убеждение в том, что она борется за свои интересы.

Троцкий работал со всей партией над делом создания Красной армии. Он не выполнил бы своей роли без партии. Но без него создание Красной армии и ее победы требовали бы во много раз больше жертв. Если наша партия войдет в историю, как первая партия пролетариата, которая сумела построить великую армию, то эта блестящая страница истории русской революции будет навсегда связана с именем Льва Давыдовича Троцкого, как человека, труд и дело которого будут предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира.

КАРЛ РАДЕК.

Пролетариат и крестьянство.

Пролетарская революция в России не могла иметь места и не может быть завершена без союза с крестьянством. Потому что рабочий класс, хотя и наиболее организованный политически и закаленный революционно, все-таки является небольшим, сравнительно, меньшинством населения огромной, слабо населенной страны. И потому еще, что крестьянство, помимо родственного с пролетариатом классового положения, составляет две трети населения страны и является пока решающей экономической силой.

Но и крестьянство, точно также не могло бы завершить своей буржуазно-демократической революции без пролетариата. Оно даже в меньшей степени способно было бы это выполнить. Потому что крестьянство не является классом организованным, ясно сознающим свои политические интересы. Оно распылено, дифференцировано экономически на множество групп с противоречивыми тенденциями. С одной стороны—непрерывное обезземеление приводило его в тесное соприкосновение с рабочим классом и вовлекало в орбиту его политики. С другой стороны—окрупнение землевладения отдельных крестьянских слоев сближало их с буржуазией и феодализмом, подчиняя политике этих последних.

Между этими полюсами беспомощно моталась стомиллионная масса крестьян-общинников. Процесс непрерывного расслоения и перемещения хозяйственных группировок между полюсами лишал ее как экономическую категорию, всякой устойчивости и определенности, одновременно не открывая ей никаких исторических перспектив и как классу. Отсюда отсутствие собственной ясной программы и такое же отсутствие определенной политической линии. Для нее не было и не могло быть выхода в **самостоятельном** решении собственной судьбы. Ибо не было самостоятельности. Исторически неизбежно она обречена была или на признание **политического руководительства рабочего класса,** или на несение на себе вечного ярма **экономической диктатуры буржуазии.**

Пролетариат нуждался для своей революции в экономической базе. Крестьянство—в политическом руководительстве. И тот и другой взаимно необходимы друг другу. Революция 1905 г. вполне это положение подтвердила. Рабочий класс не смог без крестьянства, несмотря на героические усилия, стать ее гегемоном. И крестьянство, имея огромные скрытые силы и волю к борьбе, осталось без руководства бунтарским и распыленным. Революция оказалась временно побежденною. Крестьянство подверглось чрезвычайному нажиму помещиков: массовое переселение в Сибирь, столыпинское аграрное законодательство.

Опыт учит, в особенности опыт революционный. Он научил и крестьянство. Классовый инстинкт ему подсказал, что борьба «за землю» есть борьба **политическая**, борьба с помещиком, организованным в государство. И когда война бросила его в окопы, в общей массе с рабочим классом, оно почувствовало в пролетариате родственную ему силу, также обездоленную, но политически развитую и организованную.

Судьба союза между пролетариатом и крестьянством, союза **революционного,** намечавшегося, но неосуществленного в 1905 г., отныне была решена. Руководительство рабочего класса в рабоче-крестьянской революции было признано безоговорочно. Даже выдвинутая Февральской революцией эсеровская социализация с земельными комитетами не вызвала поворота в крестьянском настроении. Оно расценило эту комбинацию как «подвох», не исключая из этой расценки и само Учредительное собрание. И лозунг пролетариата—не ждать **невозможной** в «законном» порядке передачи помещиками крестьянам земли, а брать ее в революционном порядке—этот лозунг лишь формулировал собственные крестьянские выводы. И это была формулировка аграрной программы, санкционированная затем Октябрьской революцией, в которой закреплен был и оформлен союз двух обездоленных классов.

Октябрьская революция действительно, на деле, передала крестьянству «всю землю». Иными словами—крестьянство, руководимое пролетарской партией, осуществило свою программу в максимуме: «земля тому, кто ее обрабатывает». Неслучайно, конечно, в дальнейшем, в течение четырех лет крестьянство, бок о бок с рабочим классом, боролось на всех фронтах с контр-революцией: оно отстаивало октябрьское завоевание—свою программу-максимум. И неслучайно буржуазия выбрасывала крестьянству лозунг «советы без коммунистов»: ей нужно было расковать рабоче-крестьянский союз.

В течение этих тяжелых лет сверхсильной борьбы выявлялся целый ряд недоразумений между классами-союзниками. Целый ряд трений, возбуждавших острое недовольство крестьянства против пролетарского руководительства против пролетарской власти, в которой оно само участвовало—Советской власти. Но эти недоразумения и трения—вплоть до самых обостренных—суть недоразумения частного порядка. Самые основы этого классового союза—фабрики и земля трудовому народу—недоразумения не касались. Она осталась и остается неоспоримой. Трения в этой плоскости изжиты. Пролетариат и его партия получили полное признание крестьянства в качестве гегемона революции.

И теперь вопрос идет уже не об **аграрной** программе, которая осуществлена в максимуме и защищать которую крестьянству уже не приходится. Земля, как об'ект товарного оборота, отличающий буржуазное общество, перестала существовать. Она составляет собственность государства, чего пока не добилось крестьянство нигде в мире. Мало того. Она составляет собственность пролетарского государства, социалистического, что гарантирует крестьянству наиболее полное ее использование.

Вопрос сейчас идет об этом именно использовании земли в **социалистическом государстве,** т.-е. в направлении наиболее целесообразного сочетания хозяйства земельного с хозяйством промышленным. Вопрос идет о **производственной** увязке этих хозяйств, о **смычке** рабочего класса с крестьянством, **смычке экономической.**

И здесь для пролетарской партии программа **аграрная** сама собою видоизменяется, перевоплощается в **программу сельско-хозяйственную.**

Поле борьбы меняется. Воин становится землепашцем. Вместо меча требуется орало. Это—более сложная, более запутанная обстановка, чем была в военный период при проведении аграрной программы. И неизмеримо более широкий масштаб. Хозяйственная ситуация видоизменяется сейчас в мировом масштабе. Вопросы сельско-хозяйственного производства занимают в ней одно из основных мест. Российскому крестьянству наиболее отсталому в своей практике, предстоит и надлежит провести в истории определенную **образцовую** борозду и борозду революционную, несмотря на ее мирный характер. Требуется много сил, знаний и политического предвидения, чтобы эта программа была построена и выполнена в направлении, взятом пять лет назад. Ибо в конкретном строительстве всегда скрывается больше опасностей и ошибок, чем в предварительном программном его построении.

Но и здесь, как и в проведении аграрной программы, руководительство рабочего класса отнюдь не может и не должно ослабевать. Крестьянство далеко-далеко не изжило своей мелкобуржуазной природы и собственнических навыков. Оно еще долго будет носить в себе тенденцию итти за тем, кто сумеет его повести. И в меру ослабления влияния на него пролетариата оно невольно и неизбежно будет подвергаться и подчиняться иному влиянию, даже в ущерб своим классовым интересам.

И партия, взявшая правильный курс на **смычку политическую,** сумевшая провести его через **две революции,** отстоявшая и укрепившая этот курс в четырехлетней гражданской и внешней войне с контр-революцией,—такая партия не может ни отступить, ни оказаться бессильной перед замыканием последнего звена—**смычки производственной.**

По существу своему эта смычка **завершит** собою пройденный путь революционной программной увязки двух родственных классов. И, вместе с тем, она явится уже **исходным моментом** дальнейшего развития той же программы—организации социалистического хозяйства, и не только в городе.

В. СОКОЛОВ.

Большевик.

Его облик еще маячил в отдалении 1905 года, в зареве дореволюционного пожара, потушенного черной волной реакции. Потом лишь время от времени, где-то за тридевять земель слышался его голос. Жив еще большевик—дрожжи для маленькой революции к устранению архаизмов царского самодержавия. Так думала буржуазия.

Грянула война. Задрожала земля под громом орудий и топотом солдатских сапог. В спазме дикого патриотизма закружилась буржуазия. И в этот грохот и в исступленный вой и рев вдруг врезался далекий голос большевика: «Долой войну буржуазии! Да здравствует гражданская война против буржуазии!» Для прильнувших в вихревое движение многомиллионных масс, для катастрофы, развертывавшейся по своим чудовищным законам,—это был одинокий голос большевика! Но он уже мешал. Глухое движение в низах, глухие сотрясения почвы, на которой вырос буржуазный строй, порождали тревогу. Большевика стали побаиваться.

Но вот внутреннее напряжение разорвало рамки царско-буржуазной организации. Грохнула февральская революция. Она смела царскую верхушку, арестовала старых министров и очистила место, на которое уселась буржуазия. Довольно, революция кончена, теперь надо закрепляться. А голос большевика звучит все явственнее и грознее. И идет он уже не только из-за тридевять земель, а гулом тянет из взволнованных рабоче-солдатских масс. Довольно, замолчи, большевик! Весь гам и крик и возростающая ярость обращаются к нему, мрачному фанатику, который упорно будоражит измученные массы.

А большевик растет не по дням, а по часам, и выростает в гигантскую фигуру, головой за облаками. Это было в тот момент, когда Ленин в апреле вышел из вагона на Финляндском вокзале Петрограда. Другая революция, которая разгоралась в рабочих и солдатских массах, приняла его на броневик и доставила по взволнованным улицам в свой боевой штаб—в центральный комитет партии большевиков на Каменноостровском проспекте.

Большевик стал грозной силой. Миллионы невидимых, но крепчайших нитей тянулись к нему из бушевавшей рабоче-солдатской стихии, которая сдвинулась и пошла неведомыми дотоле путями. А впереди шел большевик. Он указывал, он ободрял, он организовывал. Он приказывал, и сам всегда был впереди.

Так брал силу этот большевик, озаренный с одной стороны заревом ненависти и ужаса, а с другой—светом любви и надежды.

А кругом, затаившись в ожидании, молчало необозримое крестьянское море.

Теперь весь бешеный поток ярости и отчаяния бился о него, о большевика, передового рабоче-солдатской революции. Никогда еще в истории человечества не было более ненавистных слов, как **Ленин** и **большевик.** И никогда еще слова не стягивали к себе столько любви, чаяний и безраздельной преданности из самых глубоких глубин человеческих.

И это слово—**большевик**—с заводов, из казарм, из городов разливалось по всей необ'ятной стране, проникая в самые глухие, тысячеверстные уголки. Оно переливалось через все международные границы, через огненные рубежи войны—по всему земному шару.

Мужик настороженно прислушивался. Он знал, что революция потрясла давившую его громаду царизма. Ну, а что ж?—пора или еще не пора выгонять помещика и забирать его землю? Мужик хорошо помнил 1905 год, когда он решил, что пора, и взялся за дело, а потом казаки в кровавых расправах посадили его на старое место. Пора или еще нет? Все говорили: подожди. Только один большевик командовал: действуй, а то будет поздно.

Мужик знал, что силища у него земляная, и своротить он может что угодно. Но он также хорошо знал, что этой силе нужна организация, чтобы было крепко. А большевик и учил организации. И мужик начинал верить. Навстречу большевику поднималась сама земляная стихия. Она насыщалась революционной грозой и начинала отдавать революционный заряд, полученный из города, обратно в город, раскаляя воздух, обращая вихрь революции в ураган.

В июльские дни буржуазия, грозя железом и кровью, сделала последнюю попытку ударить революцию по голове — по большевику. Сотня изорванных знамен, арест вождей, несколько изувеченных и растерзанных большевиков—и попытка жалко оборвалась. В огне борьбы сгорела соглашательская декорация. Большевик теперь стоял лицом к лицу с генеральным штабом буржуазно-помещичьей контр-революции. Единоборство должно было завершиться катастрофой для одной из этих сил и оно завершилось быстрым оползнем контр-революции. 25 октября 1917 года большевик последний усилием взошел на вершину власти и поднял флаг социалистической революции.

Теперь, в багровом зареве разрушения, валил он на землю вековые твердыни буржуазной организации. Надо было разрушить все до конца, чтобы строить новое, чего никогда не строили и чего никто не знал, как строить, кроме большевика. И он разрушал, не давая себе лишнего труда убирать обломки. Он был везде, во всех углах, на всех стыках жизни, на всех перекрестках всех дорог.

Разбежавшаяся буржуазия рисовала его диким парнем с окровавленной дубиной. По глухой деревне прокатилась весть, что пришел новый царь—Ленин, который умеет приказывать лучше и крепче всякого царя, и это очень льстило мужику. Но рабочие очень хорошо знали, кто такой большевик: беспокойный, неуклонно-властный человек, с горящими, почти горячечными глазами, который умеет делать всякое дело и умеет заставить других всех делать то, что ему нужно, одинаково легко посылающий курьера с бумагой и дивизию на неизбежную гибель, одинаково легко идущий на заседание коллегии и на заседание смерти. У этого невиданного человека коллегия была важнее смерти, а работа—важнее коллегии, а результат работы—важнее всего. В гремящем хаосе разрушения он один знал, что надо делать, и делал, спеша настолько, насколько позволяла спешить работа. А когда было надо,—становился, врастая в землю, как гранитный валун, чтобы плечом подпереть насевший сзади разбег революции. Останавливал и, сдерживая, шел дальше, направляя ее поток, наскоро, но крепко строя формы ее организации.

Только одну волю признавал над собой большевик и беспрекословно брал к исполнению—волю пролетариата. Он улавливал ее в косноязычных речах серого рабочего, в стихийных движениях рабочей массы, в модуляциях ее настроений. Невидимые токи ее коллективной жизни ощущались им, как свои собственные. Эту волю завода и фабрик он проверял по законам теории, взвешивал с точки зрения общего положения, находил для нее практическую, прикладную форму и осуществлял. Эта воля была его собственной волей, потому что он органически связан с массой, как голова с туловищем. И это давало ему монолитную цельность и сверхчеловеческую силу.

Эта воля насыщала страну, покоряла и убеждала. Мужик протянул руки к помещичьей земле. Он принял ее из рук большевика и связался с ним кровной связью навеки.

Тогда с окраин, где осела бежавшая буржуазия, стала надвигаться контр-революция. Она надвигалась, как океанский прибой, где каждый гребень выше предыдущего, и заливала страну со всех сторон, все суживая остров, на котором властвовал большевик. Начиналась война не на жизнь, а на смерть, такая же неслыханная, как сам большевик, страшной трудности и тяжести. А мужик был в конец измучен царской войной и не хотел, и боялся ее.

И вот в этот момент мужицкого недоумения и растерянности большевик вдруг исчез. Как-то сразу об'явили ему, мужику, что большевика уже нет, а вместо него оказался коммунист. Мужик не сразу поверил. Как так? А куда ж девался большевик, верный друг мужицкий?

А коммунист знал и приказывал. Затребовал у мужика лошадей для армии, скот для голодных городов, стал забирать хлеб, масло, живность. Больше того. Революция оставила деревню без соли, без мануфактуры, без керосина. А коммунист запретил ему, мужику, продавать на базаре его собственный хлеб и продукты и стал отбирать их на железных дорогах.

Мужик, хоть с трудом, но начинал понимать, что ничего не поделаешь—придется вместе с коммунистом драться с генералами за мужицкую землю. Но почему ж коммунист заводит невиданные порядки, от которых пустеют закрома и нельзя повезти в город лишок муки, чтобы обменять на соль?

А за спиной коммуниста маячил и пугал страшный призрак коммунии, которая норовит подобраться и начать делить жен, скотину и...—«все в опчее».

Правда, коммунистами звали себя те самые люди, которые раньше назывались большевиками. Но это было то же, да не то же. Когда были большевики,—все было хорошо, а вот пришли коммунисты, и перевернулась политика, да так перевернулась, что взяла за шиворот и стала трясти, да так трясти, что с мужика посыпались всякие достатки и остатки.

Вот только что—Ленин... Он все стоит на старом большевистском месте и так же крепко командует и так же любит мужика. Мужик знал, что Ленин жалеет и любит мужика. Он знал это потому, что прислушивался к каждому его слову. Он знал это от ходоков, которые стекались к Ленину со всех концов мужицкой земли. Он чувствовал это по той команде, какую отдавал Ленин по армии коммунистов. Ленин говорил мужику: сейчас тяжело, будет еще тяжелей, но потерпи, дай в долг рабочему, и он отдаст тебе втрое.

А коммунист делал свое дело. У него была та же неумолимая воля, которая организовывала, гнула и ломила, из развалин создавала порядок, из разложения—жизнь. Коммунист был хороший хозяин. По-хозяйски подходил он ко всякому делу и умел взяться с нужного конца. Он и грабил без озорства, к делу, только тогда, когда без этого никак не обойтись. И это высоко ценил мужик. И еще было одно в коммунисте: он никогда не обманывал. Трудно приходилось временами от него, но обмана не было, а тысячи рабочих, которые приливали в деревню из голодных твердынь коммунизма, словом и делом доказывали мужику, что коммунист, как и большевик, надежнейшая опора и защита крестьянская. И мужик пошел за коммунистом и дрался на фронтах. Ворчал, но отдавал хлеб. Зловещий призрак коммунии растаял, как марево.

Кончилась война. Страна стояла в развалинах и разорении, и мужик взялся опять за свою пашню и хозяйство. А коммунист стал направлять эту работу. Он распределял землю, помогал обсеяться, учил, как выхаживать скот, выписывал из-за границы плуги и веялки, помаленьку заводил электрификацию. Надо строиться по-новому, — видно, с электричеством. Раньше тридцать раз зачурался бы, а теперь, видно, по-другому не обойдешься. И без коммуниста не обойдешься. Без коммуниста нельзя, никак невозможно.

А образ большевика все бледнел и отодвигался в далекую даль. И неизгладимо врезалась в мужицком уме граница, отделившая доброе время большевика от тяжелого поля испытаний, какое пришлось пройти, чтобы отбиться от вековых врагов и взять права на землю и свободную трудовую жизнь.

В. ДУБОВСКОЙ.

Многогранная пролетарская партия.

Боевая пролетарская партия справляет свой 25-летний юбилей. Мне, рядовому солдату этой партии, разрешите вспомнить кое-какие моменты из жизни юбиляра. Конец девятнадцатого века и начало двадцатого. Пролетарские политические ячейки существовали почти разрозненно. Все чувствовали, что такое положение мешает борьбе. Каждый товарищ и за границей и в России искал выхода из этого положения. А вожди наши, в то время уже бежавшие из далеких ссылок Сибири и жившие в деревушках Швейцарии или еще где-нибудь, оформляли партийное строительство в организованную систему, при которой ни жандармы, ни провокаторы не могли бы проникнуть в наши боевые ряды и ячейки наши находились бы целиком под руководством партийного центра. В это время из-за границы прислали нам книжку тов. Ленина под заглавием «Что делать?» В ней проводилась линия централизма во всех порах партийной жизни и борьбы. С этого момента мы принялись перестраивать свои организации по схеме, разработанной детально тов. Лениным. Основной кадр партии были партийные профессионалы. Во второй половине 1904 года, во время японской войны, этот кадр увеличился в сто крат и, наконец, —вспоминаю заявление нашего старейшего секретаря ЦК партии, Надежды Константиновны Ульяновой,—за вторую половину 1904 года и за первую 1905 года прилив в партию настолько усилился, что паспортным бюро ЦК партии было выдано около 20 тысяч фальшивых паспортов. ЦК партии руководил этой славной подпольной армией, распределяя ее по всей России, посылал и агитаторов, и пропагандистов, и техников во все окраины великой ныне Советской республики... Забежишь, бывало, по делу в бюро ЦК партии. Ильич, сверкнув глазами, спросит: «Ну, что? Откуда? Куда теперь думаете? Что у вас там вышло?» Два-три вопроса, два-три ответа. Кончен разговор. Поняли друг-друга с полуслова. Несется партийный работник на новую работу, на борьбу. Весело, молодо, счастливо...

Отправляет партработника секретарь ЦК Надежда Константиновна.

— Кажется, у казначея мало денег,—говорит она уезжающему.

— Ничего,—отвечает тот, — давайте адрес и пятерку на хлеб.

— Адрес?—Надежда Константиновна смотрит куда-то вверх, чуть не на потолок, и говорит:

— Товарищ Локтев, вы в Николаеве выйдете из вокзала, пойдете по такой-то улице, потом зайдете в переулочек, налево, там будет аптека, за аптекой магазин, потом дом с мезонинчиком, подниметесь, там живет такая-то акушерка. Пароль такой-то, ответ такой-то...

Уезжающий товарищ хочет записать на какой-нибудь папиросной бумажке. Надежда Константиновна, хватая за руку, говорит:

— Что вы, товарищ! Нельзя. Мы без записей.

— Боюсь, не запомню.

— Запомните,—говорит,—вот заучите, а то с явкой еще провалитесь.—И снова повторяет подробно адрес...

После 1905 года революция пошла на нет. ЦК партии пришлось перестраиваться, нащупывать новые тактические приемы борьбы. До 40 тысяч наиболее революционных пролетариев Питера подвергнуты локауту. С помощью и поддержкой Петербургского комитета удалось заставить питерскую буржуазию положительно решить в Городской думе вопрос об открытии общественных работ для безработных, поставить эти работы образцово и сделать более десятка сооружений, как-то: железные лучшей конструкции мосты: Пантелеймоновский, Михайловский, Введенский и т. д., железные сооружения, Биржу труда и т. п., и поднять от затопления Галерную гавань. В 1908 году нас на Гагаринском буяне окружили артиллерией и работы закрыли. Но поднятая нашими руками Галерная гавань, сооруженный десяток самых лучших в Питере мостов остались, и питерцы знают, что они были построены силами безработных под руководством какой-то неведомой силы, а эта сила была именно наша партия, ее руководящий орган.

Период упадка. Провокация, измена, разочарование. В это время в глубоком подполье работа партии шла усиленным темпом. Вот появился на горизонте нашего подполья тов. Сталин. 2—3 дня повертелся в Питере, понесся в Москву, направился на Кавказ; после него проехал по рабочим районам тов. Свердлов. Тов. Авель (Енукидзе) вечно ворочался в низах, создавая ту или иную боевую ячейку. И часто слышен был призыв ЦК через подпольную газету: «Авель, откликнись!», и Авель откликался. И всегда не один, а с той или иной пролетарской боевой ячейкой. Группа питерских рабочих-большевиков, стремясь к пробуждению пролетарских масс, согласно лозунгу ЦК, стремится занять места ушедшей от нас тогда интеллигенции. Необходимо учиться писать статьи, рассказы, изучать газетную технику, чтобы, приехав в рабочий район, суметь без интеллигенции организовать и повести рабочую газету. Учиться в школе было некогда. Каждый из нас откладывал это дело до тюрьмы, которая почти всегда была у нас за плечами. В ней день за днем, пролетарии, выписывали склонения, глаголы, придаточные, деепричастия, а освободившись из тюрьмы, по приказу партии, садились за секретарские или редакторские столом. А там опять те же перспективы—борьба, тюрьма и ссылка, и опять борьба.

Вот группа нас, большевиков-«правдистов», месяц за месяцем мы, полуграмотные простов», после закрытия «Правды» в 1914 году, в день приезда Пуанкаре, арестованы. Енукидзе, Киселев, Никифоров и др. сосланы в Сибирь. Далекий этап, но мы рабочие-журналисты, с шуткой, со смехом двигаемся туда, до глухой Ангары. А наш центральный ком. партии—за границей, где-то в швейцарской деревушке, но мы не теряем надежды найти его, и он нас также.

Вот империалистическая война. Перед большевиками 13-миллионная крестьянская армия. Коммунист-большевик, товарищ Василий, ворочается в этой массе, находит тот или иной подход к ней, бросает лозунги ЦК и поворачивает фронт против настоящего врага. Наступила гражданская война, и многие из нас не знали, как подойти к воен. делу. Пришлось овладевать и этим искусством. Победа Красной армии под руководством научившихся воевать большевиков является настолько необычной, что над ней так же, как над всей историей нашей партии, будут думать многие ученые, писатели, историки и художники, описывая красивейшие из красивых исторические картины, на которых будет учиться трудовое поколение Советской республики.

Когда потребовалось формы военного коммунизма сменить другими, экономическими формами, и здесь партией выход был найден. Пишущему эти строки пришлось участвовать в практической проверке новых лозунгов ЦК партии—в организации новых форм товарного торгового обмена. Ильич внимательно приглядывался к этому делу, давал указания, следил за фактами, требовал отчета. Помню, как во время нашей волжской экспедиции барж-лавок на нашу маленькую удачу Ильич немедленно же прислал нам телеграмму: «Поздравляю с успехом; продолжайте работу; о каждой барже хлеба, направленной в Москву или Питер, телеграфируйте немедленно мне: с какой станции погрузите, когда вышел поезд. Ульянов (Ленин)». После этого силы наши еще больше увеличились, и мы, группа пролетариев-большевиков, с успехом провели это дело. Вот наша армия продвинулась в Туркестан. Восток с особой психологией, особым экономическим и политическим укладом, требовал к себе другого отношения, и ЦК нашей партии дает нам в Самару приказ «Торговую экспедицию барж-лавок свернуть и вместе с торговым аппаратом направиться в Туркестан для экономического и культурного подхода к низам населения Востока». А дальше, на основании этого приказа, командующий фронтом тов. Фрунзе отдает по фронту другой: «Приказываю организовать при штабе Реввоенсовета фронта торговый и культурно-просветительный караван для подхода к низам населения Востока». И мы двигаемся на Восток. Все свое торговое дело ставим на боевую ногу, ибо вокруг нас есть чем поживиться бандитам. Оборудываем торговое дело, и вместе с ним культурный отдел. Показываем кинематограф и продолжаем двигаться по городам и местечкам Востока. В вечернее время пускаем на каюке кинематограф. Из-за кишлаков выглядывают декханы, детишки, закрытые чадрою женщины; подходят к ковру перед экраном, садятся, читают по-узбекски. Видят на экране тов. Ленина, улыбаются. Перебрасываются между собой словечками на тему, что Ленин искреннейший защитник угнетенных народов Востока.

Торгуя, мы одновременно должны были и воевать, преображая себя в настоящих муромцев. И на коне, и у пулемета, и у горной пушки, и с шашкой в руках отстаивали свое право на новое строительство России.

Вот закончился боевой период. Нужно перестраиваться на мирный лад. Приказ партийного центра—выступить на линию торговли. И нам, коммунистам-боевикам, пришлось встать за прилавок, организовать торговлю, как бы это дело ни было чуждо нам. Начинать новую экономическую политику чужими руками было нельзя, ибо от вражеских рук успеха ждать в ту пору было невозможно. И мы, коммунисты, засучили по локоть рукава, навязали на себя торговый фартук и, встав за прилавок, принялись торговать. Мы, не брезгуя ничем, полезли в селедочную бочку и даже научились говорить по-торговому: «Чего изволите? Какого вам товару нужно и т. д.»... Ибо мы, каждый из нас, твердо помним, что во имя рабоче-крестьянской страны и великих идей партии, для нас, коммунистов, не может быть грязного дела... И вот мы, коммунисты-большевики, за прилавком, мы торгуем. Прищуренными глазами вглядывался в нас тов. Ильич и, просматривая нашу работу, очевидно все больше и больше убеждался в том, что из этого нашего дела толк выйдет. Дальше и дальше идет он в этом вопросе, во всю ширь развертывая государственный флаг новой экономической политики,—государственной инициативной промышленности и государственной торговли. Центральный комитет партии проверяет свою теорию на нашей торговой работе и мы, старые подпольщики, старые боевики-коммунисты, изыскиваем способы и формы практического осуществления приказов центра нашей партии. И вот уже 2 года как часть из нас при торговом фартуке, за прилавком. Имеем в своих руках 80 проц. государственной торговли и промышленности и будем иметь их. Мы поведем это дело вперед, мы не сдадим его, не выпустим этого дела из своих коммунистических рук.

Наша многогранная пролетарская партия действительно достойна этого юбилея, ибо она была руководительницей во всех наших битвах, а теперь является таковой же в строительстве рабоче-крестьянской страны. Ее многогранность вселяет мировому пролетариату полную уверенность в окончательной победе над мировым капиталом!

Да здравствует наша многогранная пролетарская партия!

СЕРГЕЙ МАЛЬШЕВ.

Маркс и Р. К. П.

I.

Когда в марте 1870 г. Маркс получил от группы русских революционеров в Женеве предложение быть их представителем в Генеральном Совете 1-го Интернационала, он писал Энгельсу: «Курьезное положение. Именно я должен функционировать в качестве представителя молодой России. Человек никогда не знает, что сбудется еще в жизни с ним и в какую странную компанию он иногда может попасть». А в одном из следующих писем он уже шутливо подписывается: «К. Маркс. **Секретарь для России».**

И действительно, трудно было бы представить себе больший курьез. **Россия,** только-что освободившаяся от пут крепостного права, страна, в которой тогда и в микроскоп нельзя было открыть никаких следов организованного рабочего движения, была представлена в Интернационале так же, как и **Германия,** страна развитого рабочего движения, успевшего уже выдвинуть таких пролетариев, как Вейтлинг и Бебель, была представлена одним и тем же секретарем, творцом научного социализма, организатором международного рабочего движения, **Карлом Марксом.**

Восприемником революционной России в Интернационале,—а она до того времени не имела в Генеральном Совете никакого представительства,—должен был стать заклятый враг официальной России, считавший еще в 1848 г. одной из ближайших задач европейской революции войну не на жизнь, а насмерть со старым жандармом Европы, душителем Венгрии и Польши.

Через два года в России вышел, раньше чем в какой-либо другой стране, перевод первого тома «Капитала». А через тринадцать лет, в той же самой Женеве, маленькая группа русских революционеров, во главе с Плехановым, развернула знамя революционного марксизма. Прошло еще двадцать лет, и русский пролетариат стал авангардом международного рабочего движения: он поставил в порядок дня вопрос о завоевании политической власти и через полтора десятка лет использовал благоприятную историческую кон'юнктуру, чтобы впервые во всемирной истории организоваться в господствующий класс, установить диктатуру пролетариата. В лице РКП русское революционное движение, которое в 1870 г. получило, в лице Маркса, своего первого представителя в старом Интернационале, стало теперь, в лице руководящей партии Коминтерна, основным стержнем нового Коммунистического Интернационала. Вениамин старого Интернационала оказался очень восприимчивым, и если он в своем революционном устремлении иногда и ошибался, то никто из его старших братьев не усвоил себе в такой степени революционную сущность учения Маркса, как русский пролетариат и его авангард, РКП.

И в этом лежит одна из главных причин поразительно быстрого развития российского рабочего движения. Марксизм воспринимался не как «чистая» теория, не как теоретическая деятельность, а как революционная практическо-теоретическая деятельность. Теоретическое понимание общественной жизни было только средством для революционного изменения ее с тем, чтобы в новой практике находить новые источники для теоретического постижения этой действительности.

Основные вопросы, которые занимали Маркса, на которых он сосредоточил свой теоретический анализ, были именно эти практические проблемы революционной деятельности. Каким образом пролетариат, который один только может покончить с эксплоатацией человека человеком, сумеет организоваться в качестве господствующего класса? Каким образом удастся ему освободить от духовного и материального гнета крупного землевладения и крупной буржуазии те классы, которые еще не расстались с иллюзиями частных собственников, в первую очередь—крестьянство, и прикрепить их к своей победной колеснице? Эти два основных вопроса революционной стратегии были впервые поставлены Марксом еще до революции 1848 года и на основании ее опыта вновь перерешены. И эти же вопросы являлись главными темами наших бесконечных дискуссий, а в ответах на эти вопросы заключается вся практически-критическая работа РКП, на опытах которой теперь учится всемирный пролетариат.

II.

Каутский прав в одном из пунктов: «Словечко «диктатура» не встречается у Маркса в его ранних произведениях. Его нет даже в «Коммунистическом Манифесте». Но все содержание, которое мы вкладываем в слова: «диктатура пролетариата», заключается еще во всех его работах, написанных им от 1846 до 1848 г. Целью Союза Коммунистов об'является **господство пролетариата.** В «Коммунистическом Манифесте» мы имеем все элементы завоеванной «диктатуры пролетариата», сохраняющейся в течение всего переходного периода до полного осуществления коммунизма. Завоевание политической власти пролетариатом, возвышение пролетариата на степень господствующего класса, подчеркивание **классового** характера всякого государства, в том числе и пролетарского, определение государства, как организованного в качестве господствующего класса—вчера им являлась еще буржуазия, сегодня им является пролетариат,—который пользуется своим политическим господством, чтобы изменить коренным образом все условия производства,—все эти определения имеются уже в «Коммунистическом Манифесте».

Нужен был опыт революции 1848 г., опыт июньских дней во Франции, опыт ноябрьских дней в Германии, нужен был, одним словом, опыт **диктатуры буржуазии и юнкерства,** которая находила себе опору не только в мещанстве и крестьянстве, но и в соглашательстве мелких демократических партий, но и в доктринерстве различных социалистов, чтобы Маркс пустил в ход это новое «словечко», которое резко подчеркивало непримиримость революционного коммунизма, необходимость противопоставить в классовой борьбе **диктатуру** пролетариата **диктатуре** буржуазии. Всякая приостановка революции означала **соглашение,** примирение с буржуазией. Отсюда лозунг **«непрерывной»** революции, Revolution in Permanenz, который Маркс в «Новой Рейнской Газете» противопоставлял всем соглашателям: чтобы обеспечить **непрерывность** революции, ее превращение в **социальную,** необходима была **диктатура** наиболее революционного класса, **пролетариата.**

Эту основную идею Маркс впервые формулировал таким образом в тех статьях, из которых Энгельс составил сборник под названием «Классовая борьба во Франции» и который он снабдил «смягчающим» предисловием.

«Эта **утопия,** этот **доктринерский социализм** подчиняет все историческое движение одному из его факторов, заменяет весь общественный процесс, творящий историю, измышлениями отдельного педанта, а главное—устраняет, в своей фантазии, революционную борьбу классов со всеми ее необходимыми проявлениями посредством мелких кунштюков или крупных сентиментальничаний». С некоторыми изменениями эта характеристика целиком относится к современной социал-демократии. «**Пролетариат,** наоборот, все больше группируется вокруг **революционного социализма, коммунизма,** который сама буржуазия окрестила именем Бланки. Этот социализм есть не что иное, как **перманентная революция, классовая диктатура** пролетариата, как необходимая переходная ступень **к отмене всяких классовых различий,** отмене всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений».

Характерно, что свою главную «заслугу» Маркс видел не в открытии борьбы классов,—он только связал ее, как и самое существование классов, с определенными историческими условиями развития производства,—а в установлении того факта, что **борьба классов необходимо приводит к диктатуре пролетариата,** что эта диктатура составляет только переход к уничтожению всех классов и к бесклассовому обществу. Но эта формулировка относится уже к 1852 г. и только подтверждает, что словечко «диктатура» появляется у Маркса после 1848 г. Но что он и дальше продолжал видеть в «диктатуре пролетариата» не просто «словечко» или фразу, а краеугольный камень своей революционной теории, лучше всего показывает его «Критика готской программы», писанная в 1875 году. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного переустройства одного в другое. Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме **революционной диктатуры пролетариата».**

III.

В связи с этим вопросом Маркс, на основании опыта февральской революции, пересматривает и вопрос о сохранении и старой государственной машины. Анализируя причины, которые помогли Луи Бонапарту захватить политическую власть, он, между прочим, выдвигает два фактора. Наполеон мог использовать правительственную машину, которую февральская революция оставила неприкосновенной, ибо начиная с великой французской революции все перевороты не ломали, а совершенствовали правительственную машину. Во-вторых, ему удалось привлечь на свою сторону крестьянство, которое было озлоблено налоговой политикой февральской революции.

Можно ли сломать эту правительственную машину, не лишая себя того преимущества, которое дает **централизованный** государственный аппарат? В крестьянской стране, каковой тогда являлась Франция, разрушение этого аппарата могло бы повлечь за собою крушение всех связей, при помощи которых центральное правительство утилизировало для своих хозяйственных и военных целей раз'единенное крестьянство, которое представляет в современном обществе класс, но само для себя не есть еще класс, которое поэтому неспособно защищать свои классовые интересы от своего собственного имени. Крестьяне «не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем явиться их господином, стоящим над ними авторитетом, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им дождь и ведро».

И Маркс, который тогда еще стоял на точке зрения строгой централизации, делает следующий вывод.

«Разрушение государственной машины не подвергает никакой опасности централизацию. Бюрократия есть только низкая и грубая централизация, которая еще обременена своей противоположностью — феодализмом. Отчаявшись в наполеоновской реставрации, французский крестьянин расстанется и с верой в свой земельный участок, рухнет и все построенное на крестьянском землевладении государственное здание, **а пролетарская революция получит хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превращается в лебединую песнь».**

Это прекрасное место, из которого отчетливо видно, что Маркс решал основной вопрос о сохранении или разрушении правительственной машины в связи с вопросом о средствах удержать «гегемонию» над крестьянством за пролетарской революцией, во втором издании «18 Брюмера» выпущено; из него вообще удалены многие детали, носящие, так-сказать, чисто-местный, французский характер, как устранено и все, что имело чересчур злободневный характер, понятный только современникам. Так и цитированное нами место заменено более общим положением: «Государственная централизация, в какой нуждается современное общество, может подняться лишь на развалинах военно-бюрократического механизма, выкованного в борьбе с феодализмом».

Коммуна дала повод Марксу сделать дальнейший шаг. Она заставила его изменить свои взгляды на роль великой французской революции в процессе создания политической централизации. Практика парижской коммуны напомнила практику старой революционной коммуны после 10-го августа 1792 г., с ее секциями и секционными советами, весьма похожими на наши городские и районные советы. Оказалось, что диктатура Парижа над Францией в 1792—1793 г.г. основывалась не на строго проведенной якобинской, политической централизации, а на самоуправлении революционных общин. Власть в центре опиралась на власть на местах. При таких условиях основательное разрушение старой бюрократической машины, на которую насела еще густая крепостническая ржавчина, являлось предварительным условием пролетарской диктатуры.

Коммуна, в силу неблагоприятных условий, была отрезана от остальной Франции. Ей не удалось прорвать блокаду, организованную Тьером и Бисмарком. Она осталась и без помощи извне. Поэтому ее героическая песнь не нашла себе отклика и превратилась в лебединую песнь парижского пролетариата.

Но без опыта коммуны невозможен был бы опыт Октябрьской революции. Революционная практика коммуны дала новый толчок революционной теории. И первые выводы успел сделать еще сам Маркс. Новая практика выдвигает новые проблемы, жизнь требует повелительно их решения. Теория революционного коммунизма дает нам надежную руководящую нить. Критический пересмотр основ революционной стратегии, выработанных Марксом, дает возможность РКП найти выход из новых затруднений. Вооруженный самой революционной теорией, которую только создала революционная практика, российский пролетариат, под руководством РКП, сумеет справиться и с новыми трудностями. Старая правительственная машина, это чудовищное соединение крепостнических и буржуазных элементов, разбита вдребезги, бесчисленное крестьянство лишилось своих старых руководителей и организаторов, употреблявших его, как таран, против всякого прогрессивного и революционного движения. Необходимо создать новую правительственную машину, которая позволила бы организованному в господствующий класс пролетариату закрепить те связи, которые установились между ним и крестьянством в процессе совместной борьбы против белогвардейщины. И в пролетариате, им самим из своей среды выделяемом, крестьянство находит своего лучшего представителя, своего непоколебимого защитника против всех сил старого режима.

Претворяя еще интенсивнее теорию революционного коммунизма Маркса в свою практику, авангард русского и международного пролетариата, РКП, позаботится о том, чтобы торжествующая песнь Октябрьской революции нашла себе могучий отголосок в победном хоре революционного крестьянства.

Д. РЯЗАНОВ.

Р. К. П.—вооруженный отряд.

1. СВЫШЕ 100 ПРОЦ.

...В губкоме в эти дни особенная горячка. От ЦК пришла телеграмма—«дать в недельный срок на Восточный фронт 150 коммунистов». Дело не шуточное. Это чуть ли не десятая доля всей организации. Ребят надо бывалых и не очень занятых—не очень связанных с семьей и губернскими делами.

У секретаря в приемной народу—не продохнешь. Тут и вызванные для предварительных переговоров и для окончательного оформления, тут и добровольцы, и сопровождающие приятели да жены, иная—с ребятами.

Добровольцев—много, одними добровольцами можно б весь наряд выполнить.

Да нет! Честь организации—в том, чтоб самой отобрать лучшее, что можно послать на фронт. А добровольцы—это уж в придачу—в подарок ЦК. Знай, мол, нашу N-скую организацию! Свыше 100 проц. выполнения!

С большинством мобилизуемых дело идет гладко, спокойно. Раз'яснит секретарь, в чем дело; посоветуется насчет того, кому работу передать; возьмет на заметку пожелания товарища насчет дел и семьи; укажет, где какие бумаги да провиант в дорогу получить, откуда и когда от'езд... Выходит парень приподнятый. Товарищи навстречу—«Сделано. Еду!». Если есть тяжелое, семейное—оно там, за углом отдельно разрешится. Ведь, дело привычное, боевое. Так надо!

С другими хуже. Это с теми, которые намечены на пробу,—как-де отнесутся к мобилизации. Тут человек нутро свое показывает,—насколько предан партии. Завертится, заюлит, уговоров ждет, пустяковые отговорки выдвигает—значит не наш, не место ему в партии. Исключить!

...Большая суета в губкоме... А потом—сбор всех от'езжающих. Тысячные толпы пришли их провожать. Горячие речи зажигают им сердца. И огневым гимном вслед им звучит «Интернационал».

...Все наши организации до самых мелких ячеек жили такой боевой горячкой: по первому призыву своей партии—на фронт. И высшей гордостью организации было прочесть в «Правде»: такой-то губком выполнил наряд на фронт более чем в 100 проц.

В середине 20 года чуть ли не половина всей партии—свыше 300.000 ее членов—была в армии.

И каждая организация вновь и вновь готова на первый призыв своей партии—все 100 проц. на фронт.

2. КОМОБОР.

Неспокойные времена. Фронт—близко; на фронте — неудачи. В губернии бродят шайки «зеленых», в городе—чека сообщает—белые готовят восстание.

Губком превращен в крепость. У под'езда—часовой из комотряда, на площадке лестницы—другой на посту. В передней—скамьи, бревна на случай—баррикадировать двери. В губкоме—постоянное дежурство. Несколько человек для связи; в углу кабинета секретаря—куча винтовок, ящик с патронами. На балконе—в сторону площади—пулемет. Полевой телефон—с заводским комитетом, с чека, на случай разрыва обычной городской связи.

В губкоме—комитет обороны: секретарь, предгубисполкома, губвоенком, он же начальник ЧОН. На случай восстания план действий готов. Сборные пункты, опорные здания намечены. Прежде всего—обеспечение связи с заводским районом, вокзал, телефонно-телеграфная станция.

В районах—все коммунисты на чеку, при оружии: по сигналу—в бой. Часть их—на казарменном положении, в полной боевой готовности...

В каком из городов не переживали мы этой боевой напряженности! Сколько заговоров, попыток белогвардейских восстаний было предупреждено. Сколько их подавлено в самом начале. Со сколькими справились, благодаря этой боевой бдительности.

Иногда—с большими жертвами. Всегда с большим героизмом. Спокойно, без позы, без рисовки.

Бывало врасплох заставало организацию белое восстание. И всегда находилась группа мужественных коммунистов, среди общей суматохи и растерянности организующая сопротивление и побеждающая иль гибнущая с честью в неравном бою.

Деревенским коммунистическим ячейкам приходилось особенно туго в пору кулацко-белогвардейских восстаний. Ведь, эти наши ячейки малочисленны, разрозненны, легко могут быть перебиты по одиночке.

И их так и истребляли бандиты из-за угла. Захватывая в одиночку, страшными мучениями их губили.

Нужна была особая революционная доблесть, чтоб в таких условиях, среди кулацкого восстания, не растеряться, отстаивать свое дело коммуниста.

И повсюду наши сельские коммунисты свою стойкость показали. Наша организация в деревне вышла из испытаний кулацкой борьбы с честью. И вышла с честью только благодаря своей боевой готовности.

3. СМОТР.

...Воскресным утром на Соборной площади назначен смотр частям особого назначения.

Крепко утюжа землю, тянутся коренастой колонной рабочие-большевики с механического завода. Хорошо сбитая почти целая рота идет к сборному пункту. Народ какой! серьезный, деловитый. Это—бывалая дружина. О ней есть чего порассказать. Она еще при чехах обстреляна,—последней из Самары уходила. Сейчас—на заводе у станков все. И завод все 100 проц. довоенных дает. Ходовые ребята!

Небольшой конный отряд—гордость бывшего начдива, теперь предисполкома, самого популярного человека в губернии.

Эти конники — один к одному. Они сейчас только что с работы, за какой-то бандой гнались,—банду частью перебили, частью разогнали. С песнями лихими едут, перед народом красуются.

Разночинная грузная рота городского района. Тут совпартшкола почти целиком, ячейка рабфака—упругие, крепкие юноши; тут значительной долей — и портфельный народ. Вот—славный педагог губуниверситета тов. Михаил, длинноволосый-седоватый, в очках, на приподнятом плече — кособочится винтовка. Брюки на выпуск, калоши на стоптанных ботинках. Не очень-то бравый вид. А всем ведомо, как при белом восстании этот человек спокойно, без всякой суеты распоряжался в губкоме и уходил из города в последнем ряду, отстреливаясь из карабина.

Сзади—санитарки. Да и в рядах, под винтовкой—женщин немало.

Кадровые строго поводят взглядом по рядам—кто там отстает! шаг держи!

Сапожник Степан, сейчас заводный—заслуженный боевик — особенно внимателен—выправка тов. Михаила ему решительно не нравится...

Смотровое ученье... Да-а... не все ведь в порядке! Сплоченности кой в каких частях мало. Маршируют ничего, перестраиваются—хуже. А рассыпной строй—плоховат.

Подтянуться надо!

«К 1-му мая военная неграмотность коммунистов должна быть ликвидирована целиком».

Таково задание ЦК партии.

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО.

Партия и советы.

Партия и Советы формально являются отдельными организациями. Советы являются организациями Советского государства, об'единяющего рабочий класс и крестьянство. Коммунистическая партия об'единяет в своих рядах только авангард пролетариата и авангард революционной части крестьянства, т.-е. ту часть этих классов, которая сознательно стремится к проведению в жизнь коммунизма. Эту же цель коммунистическая партия преследует в своей работе в Советах. На протяжении всех пяти лет существования власти Советов коммунистическая партия безраздельно идейно господствовала в Советах. Все то, что выставлено в программе коммунистической партии,—всецело проводилось органами диктатуры пролетариата—Советами. Таким образом, программа коммунистической партии являлась программой Советов. Следовательно, партия и Советы, будучи формально отдельными организациями, по существу преследовали одну и ту же цель, одну и ту же задачу, значит, они в действии являлись одним целым.

Для партии меньшевиков и эсеров Советы являлись организацией, защищающей экономические интересы рабочего класса. Для партии большевиков еще в 1905 г. становилось ясным, что в Советах заложена новая форма рабочей государственности. В 1917 г., когда повсеместно стихийно росли Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, меньшевики и эсеры в этом росте видели угрозу существованию временного правительства и старались эти Советы поставить на службу буржуазному правительству. Большевики же с самого начала февральской революции заявили, «что они не удовлетворяются буржуазно-парламентарной республикой, а требуют рабоче-крестьянской республики типа коммуны или Совета». С тех пор начинается ожесточеннейшая борьба между меньшевиками, эсерами, вплоть до кадетов и октябристов, с одной стороны, и большевиками—с другой. Для первых Советы были целью, достигнув которой, можно было почить на лаврах, а затем их свести на-нет. Для вторых Советы—средство борьбы за уничтожение капиталистического общества. Правда, когда разгорелась борьба, взгляд на Советы в одном сходился у обоих противников. Как тот, так и другой из противников считали, что Советы являются орудием борьбы. Партия большевиков считала, что Советы должны свергнуть временное буржуазное правительство и взять власть в свои руки. Меньшевики же, имея большинство в Советах, при помощи этих Советов поддерживали буржуазное правительство и именем Центрального Исполнительного Комитета Советов расстреливали петроградских рабочих. Партия большевиков для достижения своих целей старалась завоевывать большинство в рабоче-крестьянских массах, большинство в Советах и тем самым превратить Советы в орудие классовой диктатуры; меньшевики и эсеры избегали всяческих перевыборов в Советы, стараясь сохранить в них свое большинство, сохранить их как орудие борьбы против рабочего класса. Тогда же, когда рабочий класс вопреки меньшевикам и эсерам завоевал Советы, взял власть в свои руки, меньшевики и эсеры из сторонников этих Советов сразу превратились в их противников. Они на 2-м Всероссийском С'езде Советов осудили захват власти рабочими и крестьянами, покинули этот С'езд, слились в одно целое с юнкерами, помещиками и фабрикантами по ту сторону баррикад и на протяжении всех лет диктатуры пролетариата вели ожесточеннейшую борьбу с Советской властью, с рабочими и крестьянами. Все контр-революционные восстания Каледина, Краснова, Дутова, Деникина, Юденича и др. неизменно поддерживались этими милыми друзьями рабочего класса. С тех пор, как произошел Октябрьский переворот, меньшевики и эсеры, с одной стороны, Советы — с другой, стали злейшими врагами между собой. Наоборот, партия большевиков, партия коммунистов и раньше была проводительницей идеи, что Советы должны являться органом власти, органом диктатуры пролетариата; с Октября же Советы и партия коммунистов стали одним целым. Все удары, набеги контр-революции на Советы партия коммунистов в первую очередь принимала на себя. Не было ни одного сколько-нибудь значительного фронта, куда бы ни мобилизовались и ни посылались передовые борцы коммунистической партии. Не могло бы быть подавлено ни одно контр-революционное восстание, если бы в этом подавлении не были бы в первых рядах члены коммунистической партии. Мужество, геройство и беззаветная преданность рабочему классу коммунистической партии все больше и больше об'единяли под красным знаменем рабоче-крестьянские массы. В самую трудную минуту, когда угрожала Советской власти смертельная опасность, когда надвигался на Москву с юга Деникин, на Петроград Юденич, Родзянко сладко предвкушал завтрашнюю прогулку по улицам Петрограда, в Москве контр-революционные элементы потирали руки, как они завтра будут расправляться с коммунистами и с рабочими вообще, когда все противники Советской власти пели отходную последней,—в это время рабоче-крестьянские массы, почувствовав опасность и угрозу всем завоеваниям Октября, все, как один человек, стали на защиту революции. Дезертиры десятками тысяч возвращались в ряды Красной армии, в тылу у противника подымались восстания, и в то время как коммунисты у противника беспощадно расстреливались, десятки и сотни тыс. рабочих и крестьян шли в ряды коммунистической партии. Меньшевики и эсеры из Советов изгонялись, изгонялись из рабоче-крестьянской семьи вообще, а партия коммунистов все больше и больше становилась одним целым с Советами не только идейно, но часто и практически. Мобилизация людей, снабжение Красной армии боевыми припасами, продовольствием, обмундированием и проч. велись не только Советами, но и партией. В этом была сила революции, поэтому так были ненавистны и Советы и партия нашим противникам. Но Советы настолько были популярны, что против них никто не решался выступить, т. к. это было бы бесполезно. Не только меньшевики и эсеры, но даже кадеты и вообще монархисты стали ратовать за Советы, но Советы без большевиков, т. к. они отлично знали, что Советы без большевиков равносильны упразднению Советов, доказательством чему может служить пример Германии и Австрии, где социал-предатели этих стран постепенно сводили Советы на-нет, а затем их совсем упраздняли. Или еще пример, когда наши противники, воспользовавшись истощением Советской власти от контр-революционных набегов, воспользовавшись голодом и другими недостатками, подняли восстание в Кронштадте, они провозглашали лозунги «за справедливую Советскую власть» против большевиков. А это восстание «за справедливую Советскую власть» усиленно поддерживалось, начиная от меньшевиков, эсеров, Бурцева и кончая торгово-промышленниками, Врангелем и Америкой, которая обещала послать хлеб взбунтовавшемуся Кронштадту. Торгово-промышленные круги считали, что не время входить в оценку происходящих событий в Кронштадте, а нужно усиленно поддержать тех, кто содействует падению большевиков. Взбунтовавшиеся провозглашали лозунги—«справедливые советы», «советы без большевиков», а за их спинами показывались царские генералы. Вместе с кронштадтским лозунгом—«совет без большевиков» торгово-промышленники получают телеграмму, что советский режим в Кронштадте и Петрограде пал. В тот же день князь Львов получает телеграмму из Ревеля: «Поздравляю. Советы пали» и т. д. Для всех наших противников ясно, что Советы без большевиков не есть Советы, не есть органы диктатуры пролетариата. Для них ясно, что нужно только изгнать из Советов большевиков, а тогда нетрудно уничтожить и самые Советы. Но кронштадтская авантюра не удалась, сознание рабочих и крестьян и здесь осталось на высоте. Советы остались органом диктатуры пролетариата, а партия коммунистов попрежнему осталась идейной руководительницей Советов.

Период гражданской борьбы прошел, теперь происходит процесс мирного строительства, но на фронте хозяйственного строительства противник не отказался от своей борьбы, он ее ведет в другой форме, другими методами, сущность же и смысл ее один и тот же: тем или другим путем свержение Советской власти.

В настоящее время партия может и должна отказаться от смешения функций партии и Советов. Еще на 8 своем с'езде, партия сказала, что «смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в коем случае не следует».

На XI с'езде партия еще решительнее высказалась за разделение функций партии и Советов. Если партия желает отчетливо разграничить функции своей практической работы с работой Советов, то это отнюдь не означает, что партия хотя сколько-нибудь может отказаться быть идейным вождем и практическим руководителем Советов. Перед Советами стоят основные задачи —сохранить себя от нэп'мановского извращения. Несмотря на уступки на экономическом фронте, политически Советы не только по форме, но и по сути должны остаться органами диктатуры пролетариата. В условиях нэп'а Советы должны свои аппараты сделать более гибкими, подвижными, упрощенными, приблизить их к запросам и нуждам населения, правильно учесть и распределить идейную квалифицированную силу, суметь наладить финансы, сельское хозяйство, а главным образом крупную промышленность, как основу диктатуры пролетариата. Может ли партия отказаться от руководства Советами в этих очередных задачах? Само собой разумеется, что нет. Также не могут Советы отказаться от идейного руководства партией. В противном же случае Советы перестанут быть органами диктатуры пролетариата, а коммунистическая партия перестанет быть правящей партией рабочего класса.

Т. САПРОНОВ.

Земля обетованная.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Отрывки).

Юбилеи.

> И рече господь к Моисею, глаголя:
> Глаголи сыном израилевым, и речеши к ним: праздницы господни, яже наречете нарочитые святые, сии суть праздницы мои.
> (Следует перечисление праздников. См. книгу «Левит», главы 23, 24 и 25). Праздничные дни, недели и месяцы заканчиваются праздничными, «юбилейными» годами:
> Шесть лет да сееши ниву твою... в седьмое же лето суббота, покой да будет земли... нивы твоея не сеяти, и винограда твоего резати не будеши.
> И исчислиши себе... седмь лет седмицы... четыредесят лет девять лет. И освятите лето, пятидесятое лето. Лето оставления знамения, (юбилей), сие будет вам. Не сеяти, ниже жати будете.

Есть у меня книга не совсем бесталанная,
«Земля обетованная»,
Очерк советского строя
Ветхозаветного покроя.
Книга по содержанию значительная,
Во многом поучительная,
А главное—желательного направления.
Кто этой книги не читал, тот достоин сожаления.
Я, к несчастью,
Ограничился первой частью,
Так как из-за натиска белогвардейского племени
Для писания книг не имел времени.
Хотел же я рассказать в части второй
Про то, как развивался древнесоветский строй,
И какие в нем обнаружились явления
После его укрепления.
Заслуживает особого внимания
Ветхосоветская болезнь—«юбилейная мания».
Партийная печать
Не успевала юбилеи отмечать.
Журналист той эпохи, Бухарухес,
Писал:—«юбилеи нас ведут к разрухе-с!»
И сам же, от восторгов шалея,
Откликался в день на три юбилея.
Пошла на юбилеи такая мода,
Что додумались до «субботнего года».
А уже «пятидесятилетний юбилей»
От'юбилеили так, что лят и околей:
Не сеяли, не жали,
Весь год на боку лежали,
Молились богу, развлекались игрой...
А той порой
Продукты дошли до такого вздорожания,
Что...
Не все, словом, в Библии заслуживает подражания!

Но мало-ль там были какие чудачества?
Вот вам пример иного качества:
Тактика Гедеона, древне-советского главкома.
Эта тактика нам немного знакома.

Чистка.

> И рече господь к Гедеону: многи людие иже с тобою, сего ради не предам Мадиама в руку их... И ныне рцы во уши людем, глаголя: кто боязлив и ужасолив да возвратится... И возвратишася от людей 22 тысящы, и 10 тысящ осташася.
> И рече господь к Гедеону: еще людие мнози суть: сведи я на воду и искушу тебе их тамо.
> И сведе люди на воду, и рече господь к Гедеону: всяк иже полочет языком своим от воды (в горстех), да поставиши его особь, и всяк иже на колену падет пити, отлучи его особь.
> И бысть число в горстех локавших языком триста мужей.
> И рече господь к Гедеону: треми сты мужей локавшими воду спасу вас.
> Книга «Судей», гл. 7.

Так вот был случай какого рода:
В начале, не помню, какого года,
Очутился израиль в пренеприятном положении:
В полнейшем капиталистическом окружении.
Гедеон прилагал все заботы,
Чтоб удержать в руках командующие высоты.
Меж тем засуматошились все израильские колена,
Кой-где обнаружилась форменная измена,
Глядь, не одна, так другая репутация подмочена,
Словом: партийная червоточина!
Обстоятельство не надо быть хуже,
А капиталистическое окружение все уже,
«Мадиам и Амалик» напирают со всех сторон.
И вот Гедеон,
Руководствуясь высшею директивой,
Чтоб избавиться от мрази шолудивой,
Как от балласта лишнего,
Отдал такой приказ всевышнего:
—«Кто боится предстоящих испытаний и трудов,
Кто трепещет при звуке военного рога,
Тому из коммунистических рядов
Скатертью дорога!»
И мужей 22 тысящи—фить!
Махнули в мутной воде рыбку ловить,
Пользоваться житейскими благами.
А десять тысяч осталось под партийными флагами.
Но, чтоб и тут не оказался вредный излишек,
Оставшийся в партии для личных делишек
И неспособный выполнять все партийные задания,
Гедеон устроил проверочные испытания:
После долгого-предолгого перехода,
—А была жаркая-прежаркая погода,—
Гедеон привел весь отряд
К источнику Арад,
Или к НЭП'у, по нынешнему произношению,
И стал смотреть: кто и как поддастся искушению,
По-свински ли пьет,
В НЭП все рыло сует,
И опивается безо всякой осторожности.
Так, что брюха поднять нет возможности,
Или, зачерпнув горстью, выпьет малость,
Чтоб, освежив себя, побороть усталость
И продолжать путь, как ни в чем не бывало.
Но таких оказалося мало:
Триста мужей! Отряд невелик,
Но от него побежал «Мадиам и Амалик»!
И этому отряду отборному,
Стойкому, упорному,
Проявившему потом редкие качества свои
В рядах ветхосоветской Р-Ка-И,
Устроившему на тогдашние непорядки облаву,
Пою я славу!

Моисей.

> И рече господь к Моисею: сия земля, ею же кляхся Аврааму, и Исааку, и Иакову, глаголя: семени вашему дам ю. И показах ю очесем твоим, и тамо не внидеши.
> «Второзаконие», 34.

Долгий, долгий, тернистый, мучительный путь,
И—предел роковой пред Страною-Обета.
Как ужасна,—ужасна!—символика эта...
Издевательство... Жуть...

В скорбных думах, с душою тревожно-недужной,
Суеверно молю я судьбу:—«Пощади!
Требуй жертвы любой,—много жертв впереди!—
Вырви сердце мое, только нас огради,
Нас, идущих когортой стальною и дружной,
От библейской символики—злой и ненужной!»

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Агитация и пропаганда в развитии партии.

Величайшая способность РКП к сложному и в то же время смелому маневру, умение быстро учитывать соотношение сил и, учитывая, точно также быстро менять тактику —все это в максимальной степени сказывалось на агитации и пропаганде, сыгравших крупнейшую роль в истории наших побед, переходов от одних методов борьбы и лозунгов к другим и в особенности в истории небывало подвижной, напряженной и кипучей гражданской войны последнего пятилетия.

Половина 90-х годов знаменует собой крупнейший перелом в развитии массового рабочего движения и пролетарской партии в России. Говоря словами Ленина, в это время «социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как под'ем народных масс, как политическая партия».

Эти годы были периодом перехода от кружковой пропаганды к массовой агитации. В эти годы в обстановке первого массового под'ема рабочего движения окончательно складывались те приемы и формы просветительной работы нашей партии, которые в дальнейшем лишь несколько усложнились и стали более разнообразными. Подпольный пропагандистский кружок, полу-пропагандистская «летучка», «массовка», митинг, листок, листовка, газета и небольшая брошюрка —вот тот арсенал орудий и инструментов агитации и пропаганды, которые существовали на протяжении всей истории нашей партии вплоть до того момента, когда пролетарская партия стала партией правящей, когда целям массового просвещения начал служить аппарат государства, когда появились органы «государственной пропаганды коммунизма».

Прекрасный пример пропагандистской и агитационной работы того времени дает нам Москва. Зимой 1891—92 г. в Москве организуется первый марксистский кружок, который занимается почти исключительно изучением марксистской литературы. В сентябре 1893 года из этого кружка выделяется новый кружок для пропаганды среди рабочих (Мицкевич, Мандельштам, Винокуров и др.). Этот кружок организует, а затем и ведет пропаганду в нескольких кружках из рабочих механических заводов и железнодорожных мастерских. Программа занятий в кружках, как излагает ее С. И. Мицкевич, была такова: «Сначала толковалось о первоначальном накоплении, об образовании капитала, далее беседа за беседой излагался 1-й том «Капитала», при чем изложение иллюстрировалось примерами из русской жизни и, таким образом, попутно рисовалась картина положения рабочего класса в России по Дементьеву, Погожеву, Эрисману и др. Потом трактовалось о конечной цели рабочего движения, о социализме, и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, которая может быть у нас совершена только рабочим классом». Одновременно распространялась и следующая литература: «Речь Петра Алексеева», «Речь Ворлена», «8-часовой рабочий день» Плеханова», «Кто чем живет» Дикштейна, «Четыре речи петербургских рабочих» на 1-е мая, а также ряд переводных брошюр Каутского, Шиппеля, Геда и Лафарга. Кроме этого, самими пропагандистами был написан ряд популярных брошюр. Часть брошюр была рукописная; «для переписки их, указывает тов. Мицкевич, образовался целый штат переписчиков —студентов, курсисток, рабочих. Среди переписчиков было даже двое городовых—родственников рабочих».

Московский кружок очень быстро перешел к агитации в массе.

Агитация велась через рабочих-членов кружков, а также устраивались специальные собрания человек в 15—20, «летучки». Первый листок был издан в феврале 1894 года по случаю стачки на заводе, кажется, Вейхельта. Московский кружок имел гектограф, с конца 1894 года мимеограф и маленький типографский станок. В 1894 году организация окрепла: имелось несколько кружков с центральным кружком во главе; осенью 1894 года был организован женский кружок. В это время возникала даже мысль о создании своей собственной, конечно, подпольной рабочей газеты. В 1895 году, к дню 1 мая, было издано 3 листка, которые были широко распространены по заводам. 30 апреля была отпразднована маевка, собралось около 250 человек, представлявших до 30 заводов и фабрик. Произносились речи, пелись революционные песни в день 1 мая, в празднование были втянуты довольно широкие массы: в Сокольниках и на Девичьем Поле. Присутствовавшие на маевке 30 апреля рассказывали о ней рабочим, читали листки и т. д. «Слух о маевке, говорит тов. Мицкевич, распространился по всему рабочему населению Москвы». Так велась агитация и пропаганда в 90-годах. Как ликвидировали свою общую и «политнеграмотность» передовые рабочие в подпольные времена,—об этом рассказывает иваново-вознесенский ткач Федор Никитич Самойлов в своих «Воспоминаниях об иваново-вознесенском рабочем движении». «Читал я, пишет он, во время обеденных перерывов на фабрике и по вечерам на квартире. На фабрике во время обеденного перерыва я забирался в шлихтовку, садился где-нибудь на окошке и, выпив вместо обеда стакана два-три чаю с черным хлебом, брал книгу и читал до возобновления работ». Чтение это продолжалось и дома, при чем условия для чтения на дому были, мягко выражаясь, малоподходящими,—«квартирантов, рассказывает Самойлов, было всего человек около 15-ти, помещались они все в одной средней величины комнате,—мужчины и женщины, старые и молодые, холостые и женатые спали на полу подряд». При чем против этого вечернего чтения, восставали все сожители т. Самойлова.

Пусть нынешняя рабочая молодежь внимательно прочитает книжку тов. Самойлова. Она тогда ясно поймет, сколько настойчивости, выдержки, упорного труда, даже героизма, требовалось в старые годы для того, чтобы их старшие товарищи могли хоть как-нибудь ликвидировать свою «политнеграмотность» и вылезти из вековой тьмы, в которой бесконечные десятилетия сидмя-сидели их деды и прадеды.

Начало 900-х годов и особенно годы первой революции (1905—7 г.г.) гигантски расширили общие возможности для работы партии. В условиях бурного потока отдельных и всеобщих забастовок, демонстраций, крестьянских «беспорядков», студенческого движения, солдатских восстаний, сливавшихся в один могучий массовый натиск против цитадели дворянского самодержавия, работа агитации и пропаганды развернулась небывало широко. Партия не только продолжала свою подпольную пропагандистскую кружковую работу, но она в полной мере использовала открывшиеся легальные возможности. Не только увеличилось до сотен тысяч и даже миллионов количество прокламаций и листовок, выпускаемых партийными комитетами по всей России, но появились также и легальные социал-демократические газеты, которые, несмотря на все жандармские скорпионы, существовали на протяжении всех лет революции. Одновременно с этим развертывалась гигантская цепь митингов, лекций, диспутов и проч., и т. п. Всем памятны гигантские тысячные массовки в лесах, в наших промышленных центрах. Всем памятны грандиозные массовые митинги на открытом воздухе, в театрах и даже в городских думах. Умение использовать самую микроскопическую зацепку для максимального расширения размаха работы в массах сказалось здесь в полной мере.

Избирательные кампании в государственные думы явились новой ареной, на которой чрезвычайно широко развернулась наша агитация. На предвыборных собраниях выступали с речами лучшие партийные агитаторы и докладчики. Во время самих выборов пускались в ход самые разнообразные средства, дабы выбросить тот или иной революционный лозунг. Например, во время кампании во 2-ю думу в Москве были использованы разноцветные воздушные шары, к которым прикреплялись небольшие плакаты с революционными лозунгами. Такой шар, поднявшийся над улицей, был абсолютно недосягаемым для тут же стоящего «господина городового». Годы реакции опять вплотную почти вогнали нас в подполье. Но и здесь, в этих поистине каторжных условиях послереволюционной реакции, бегства из партии интеллигенции, всеобщего маразма и организационного разброда партия большевиков нашла в себе силы терпеливо и упорно налаживать дело революционной агитации и пропаганды. Были использованы в этих целях профессиональные союзы, клубы, кооперативы. Удавалось иногда выпускать небольшие журналы и даже иногда использовать легальные газеты. Одновременно с этим в подполье попрежнему шла кружковая пропагандистская работа.

Здесь, к слову сказать, большевикам пришлось поломать немало копий в жестокой борьбе с меньшевистским оппортунизмом и подлейшим ликвидаторством. Революционный под'ем, широко развернувшийся с 1912 года, снова придал агитации широкий размах. На этом периоде нет надобности долго задерживаться: эпоха «Звезды» и «Правды» широко известна не только русским, но и международным рабочим. Если «Искра» в начале 900-х годов была газетой широкой политической агитации (я не касаюсь здесь гигантской организующей и организационной работы «Искры»), то «Правда» имела агитационный размах десятков и, может быть, даже сотен раз более обширную. Ежедневно «Правда», как гигантский кузнечный мех, раздувала могучее пламя революционного энтузиазма и классового сознания широчайших масс рабочего класса России. Центром редакции, сотрудниками, партийными организациями и передовыми рабочими в великом деле организационной работы «Правды» были проявлены настойчивость, неутомимость и ни с чем несравнимое упорство. В этом деле наша партия с ее характерными особенностями отразилась так же, как солнце отражается в капле воды. Эпоха «Правды» была залогом того, что партия, ее создавшая, способна на великое историческое дело. В Москве несколько позднее «Правды» организуется газета «Наш Путь». Пусть наша рабочая молодежь сходит на выставку Истпарта и посмотрит на номера этих газет. По одному внешнему виду их она поймет, что значило в то время заниматься политической агитацией; какие гигантские трудности приходилось в этом деле преодолевать и какую при этом изворотливость приходилось обнаруживать. Наши редакторы, передовики и газетчики, пусть они учатся своему делу на примере «Правды» и «Нашего Пути».

«Правда» умела вести самые разнообразные кампании. Вот, например, данные о числе групп рабочих подписчиков: за 1912 год—620 групп, за 1913 год—2.181 гр., за 1914 год (с 1-го января по 13-е мая)—2.873 группы, а за все время 5.674 группы. Размер сборов на «правдистские» газеты выражается в следующих цифрах: за время с 1-го января по 13-е мая 1914 года по всей России число сборов 3.586, собрано 21.584 руб. 52 к.; из них на Петербург приходится 15.200 рублей 16 к., на Москву—1.125 руб. 61 коп. и на провинцию—5.208 р. 65 к. В конце 1913 года—в начале 1914 года велась кампания в связи с расколом с.-д. думской фракции на «шестерку» (большевистскую) и на «семерку» (ликвидаторскую). О том, как «Правда» умела ставить такие кампании, говорят следующие данные о числе резолюций с подписями (за «шестерку»): в Петербурге—5.003, в остальной России—1.511, на Кавказе—208, а всего 6.722 подписей. Я уже не говорю здесь об агитационных кампаниях (в связи с забастовкой или каким-либо выступлением, или какой-либо кампанией), — здесь «Правда» обнаруживала и кропотливую подготовку, и широчайший размах. Безмерно тяжелые и трудные годы империалистской войны оборвали всю эту работу партии. За эти годы партийная работа претерпела значительное сокращение, но, несмотря на это, оправившись, партия и в этих тягчайших условиях применяла в своей агитации и пропаганде прежние методы, приемы и формы. Партия использовала в целях агитации против войны, например, кампанию выборов в военно-промышленные комитеты. Одновременно шла подпольная пропагандистская работа в кружках и обычная «листковая» агитационная работа в массах. После февральской революции 1917 года партия большевиков развернула небывалую по напряженности и размаху агитационную работу. У всех еще в памяти этот всесокрушающий агитационный натиск, соединенный с терпеливой работой по прояснению классового сознания широких рабочих масс, по отколу революционных пролетариев от мелкобуржуазного оборонческого блока меньшевиков и эсеров, тянувших массы на поддержку империалистских планов капиталистов и помещиков. Октябрьская победа дала в руки большевистской агитации и пропаганды всю мощь и все средства государственного аппарата.

Период военного коммунизма выдвигал совершенно законченный тип агитационно-пропагандистской работы. Основной задачей времени была военная задача. Основной чертой всей партийной работы была ударность. В соответствии с этим агитационно-пропагандистская работа того периода целиком покрывалась массовой ударной политической агитацией. Пропаганда играла подчиненную роль в отношении к массовой агитации. Вся гигантская способность партии к массовому действию, к умению сосредоточивать все силы на самой главной для текущего момента задаче полностью обнаружилась в агитационно-пропагандистской работе периода гражданской войны. Все помнят ту изобретательность, нажим и гибкость, которые проявили органы партии в своей агитации на военных фронтах. Миллионы листовок, агитационный плакат, стенная газета, фронтовой театр, агитационные поезда, подвижные газетные типографии и т. д., и пр., и т. п. Не мудрено, что из всех вопросов агитационно-пропагандистской работы 8-й с'езд партии (в марте 1919 года) остановился лишь на одном вопросе,—именно на вопросе «о партийной и советской печати». Она обнаруживала признаки ухудшения. Надо было в интересах всей партии и всего рабоче-крестьянского государства поставить ее на ноги. Пропагандистские мероприятия того времени служили лишь одной цели—молниеносной подготовке необходимейшего кадра партийных агитаторов и пропагандистов для массового обслуживания военных фронтов и бесконечных ударных хозяйственных кампаний (на топливо, на транспорт, против тифа, против вши и пр.).

Свердловский ун-т в то время был краткосрочными курсами для подготовки агитаторов. Его выпуски измерялись тысячами (в 1918 году—2,000, в 1919 г.—2,800). На 9-м с'езде партии (в марте 1920 г.) задачам агитпропработы было посвящено лишь несколько строк в резолюции «об очередных задачах хозяйственного строительства». Так как, утверждая раздел 19-й этой резолюции, «первым условием успеха Советской республики во всех областях, в том числе и хозяйственной, является систематическая агитация», то следует обратить внимание на положение печати и на «совершенно недопустимое состояние нашей бумажной и типографской промышленности», от которой печать в первую голову зависит. В те времена массовая агитация нередко дополняла то, чего нехватало у тогда еще слабых органов рабоче-крестьянского государства. Целый ряд советских кампаний велся не только под общим руководством, но и под прямым воздействием, и при непосредственном участии всех органов партии. Рост партии за первые $1\frac{1}{2}$ года гражданской войны («партийные недели») выдвинул задачу об использовании новых членов партии, которая была поставлена тов. Бухариным на партконференции в декабре 1919 года как задача повышения уровня сознательности и политической подготовки массы членов партии. В тезисах указывалось, что в этом направлении должен быть принят ряд мер. В первую голову должны быть организованы элементарные лекции и кружки политической грамоты (то, что мы теперь называем школой политграмоты). Задача партийно-воспитательная тем самым начала выдвигаться как важнейшая. 10-й с'езд партии (в марте 1921 года) делает уже новый шаг вперед в этом направлении. Резолюция по вопросу «о партийном строительстве», принятая с'ездом, отмечала, что «поднятие уровня членов партии с одновременным привлечением их к активному участию в общепартийной жизни становится центральной задачей дня». Тут же весьма энергично указывалось на значение работы среди беспартийных масс.

Период нэп'а с еще большей силой выдвинул эти задачи на первый план во всей системе партийной работы. Эти темы не так давно весьма усиленно разбирались на страницах наших газет и журналов, а поэтому я могу быть здесь кратким. Декабрьская всероссийская партийная конференция 1921 года в числе недостатков, «подрывающих сплоченность и единство партии», отметила также недостатки, зависящие «от слабости идейного воспитания и идейной спайки». Этим был дан еще новый толчок в том же направлении. XI с'езд партии (в марте 1922 г.) наметил целый ряд практических мероприятий.

Целый ряд постановлений в плоскости агитационно-пропагандистской работы, принятых в этом году, значительно дополнил и развил программу, намеченную на XI с'езде. С громадной остротой выдвинулась задача придания пропагандистской работе максимального размаха и глубины. Одновременно партия подошла вплотную к выработке плана агитационно-пропагандистской работы, который бы систематически проводился в жизнь всеми партийными органами, которым надлежит этим делом заниматься. Никогда еще партийно-воспитательная работа не выдвигалась с такой остротой, как в настоящее время. Партия должна считать ее задачей первейшей важности. Ликвидация политнеграмотности, дальнейшее улучшение постановки совпартшкол 1-й и 2-й ступени, расширение сети и улучшение организации коммуниверситетов, правильная постановка марксистских кружков, партклубов, коммунистического образования на дому, организация коммунистического просвещения по всей линии советских школ (особенно ВУЗ'ы, особенно школы фабзавуча и школы для взрослых), всемерная поддержка делу печати, которая за последние месяцы во всех отношениях улучшилась, непрерывное внимание к делу советско-партийной журналистики, дальнейшее развитие издательства, переход от массовой агитации к массовой пропаганде, усиление внимания к политической агитации и, наконец, превращение агитпропов в мощные партийные органы —вот перечень задач, которые должны быть уложены в настоящее время в единую систему агитационно-пропагандистской работы. Нынешний год должен быть годом систематически-партийной учебы и массовой пропаганды. Этого требуют интересы партии и интересы рабочего государства.

А. БУБНОВ.

Старая гвардия.

В свое время Ф. Энгельс характеризовал Россию, как последнюю великую страну, вовлекаемую в цикл капиталистического водоворота. 90 годы кончают с легендой о самобытности российского уклада, с народническими упованиями на общинно-артельные начала русского крестьянства. Однако, начало 90 годов является лишь предтечей той гигантской восходящей волны индустриализации России, которая реализировалась в первое пятнадцатилетие 20 века. Простая фотография действительности и даже сличение ряда таких фотографий без должного критического анализа в то время еще не говорили убедительным языком цифр, по отношению к которому не могло бы быть двух мнений.

Мы знаем, что именно в «молодых» странах современный капитализм действует упрощенно-убедительным методом. Он идет сюда с самоновейшим покровом своих технических ресурсов и смело берет доморощенного быка за рога, не смущаясь и не останавливаясь ни перед какими заветами старины. Не беда, что кругом непролазная грязь проселочных дорог—рядом промчится европейский экспресс и соединит паро-стальной лентой один центр капиталистического накопления с другим, презрительно минуя глушь и убогость дофабричного захолустья...

Но тот же западный гость несет на крыльях своего победоносного вторжения в варварски молодую страну своих собственных могильщиков. Он несет новый метод мышления, новые отношения к действительности и новый класс, на долю которого выпадают все муки созидательного трудового процесса и жестокие пинки за самомалейшую попытку пред'явления «человеческих» прав.

В 90 годы в крупнейших центрах городской и промышленной России можно было встретить группы людей, которые чувствовали себя своеобразными отщепенцами в тогдашней социальной среде. Они могли узнавать друг друга с полуслова. Доктрина научного социализма, учения Маркса и Энгельса были их путеводной звездой, а российский пролетариат—той стихией, от движения которой, по их глубочайшему убеждению, всецело зависела будущая судьба великой страны.

Тем самым они бесповоротно рвали с навыками, традициями, упованиями и верованиями своего прошлого, перешагивали тот исторический порог, за которым уже не могло быть честного поворота назад к беспочвенному романтизму, обывательщине и самообманным цветам прекраснодушия... Но в таком случае и российская действительность немедленно обращалась к ним своим грозно-карающим ликом. Слугам и жертвам этой действительности был необходим и гашиш романтизма и опиум примиренчества и наивной веры, чтобы среди паскудно-азиатской обывательщины иметь возможность балансировать, не сгорая себя в своем собственном сознании. Им нужна была мистическая вера в героев, благословлявшая их на бездействие в качестве имеющей лишь воспевать благодать этих героев толпы. А держиморды-марксисты бесстыдно выставляют на свет божий жалкое исподнее романтических облачений, разоблачают мистику героической личности и рассекают мечом беспощадного анализа легенду целостного, всепрощающего, мудрого народа, разбивая его на суровые шеренги борющихся классов и, находя спасительную опору в том, что в те времена еще именовалось «язвой пролетариата».

Немудрено, что они должны были быть на целые годы и годы отщепенцами.

Но если мертвое хватает живое, то полумертвое еще и заражает это живое тонкими трясинными ядами своего первоначального «нестрашного» распада. Заражение этим «нестрашным» немедленно втягивало в предательские глубины болота.

Суровый психический отбор был неизбежен, но он должен был стократно возрасти под давлением неотвратимо возраставших политических репрессий. Травля филистеров была лишь вступлением к яростной атаке тех сил деспотизма, против которых немедленно должна была направиться молодая энергия начинающего осознавать себя пролетариата. В доктрине Маркса философия действительности неотделима от действенной практики. Она не терпит истин, отвлеченных от гущи жизни. Подлинный марксизм не мог выявиться в жизни путем хождения в пролетариат, он должен был быть выявленным самим пролетариатом. На смену кружков пропаганды должна была последовать широкая агитация в массах. За опролетарившимся интеллигентом и об'интеллигентившимся пролетарием все ясней и ясней выступает на авансцену монументальная фигура рабочего массовика, вовлекаемого в водоворот политической жизни все возрастающим темпом развития капитализма в России. Внутренняя противоречивость торжествующего капитализма с его неизбежными сменами под'ема и упадка, с чудовищным обогащением немногочисленного верха и пауперизмом масс начинает выявляться с кристальной ясностью. Голод 91 г. яркими мазками обрисовывает драматическую картину всероссийского разорения. Рабочий массовик венчает с отщепенством марксизма по отношению к пролетарской толще, а события голодного 91 г. показывают первые контуры неизбежного сочетания молота с серпом.

Грандиозные стачки входят в порядок российского дня. К свисту нагаек присоединяется зловещее пение свинца, и красное знамя становится не только символом отрадного будущего, но и законным порождением кровавой действительности. Политические репрессии растут в ширь и вглубь. Тюрьма, ссылка и эмиграция становятся все более и более неизбежными этапами в жизни борцов за пролетарское дело. Но всякое действие вызывает противодействие. Суровая действительность ломает слабых и закаливает сильных, предательство и измена компенсируются пламенной дружбой и истинным братством, изолированная одиночная камера превращается в храм революционной науки и общения с благороднейшими умами человечества, а невольное изгнанничество дает возможность наиболее надежной переоценки ценностей с высочайших вершин международной практики и опыта.

В этом процессе борьбы и жизни надежно отбирается строительный материал пролетарской партии, ее нервные регулирующие центры, ее старая гвардия. А волны жизни катятся все дальше и дальше...

Но если на одном социальном полюсе растут и крепнут силы пролетариата, если сама школа жизни заставляет пролетариат завершать стачки политическими демонстрациями, а логика этих демонстраций ставит ребром вопрос о вооруженном отпоре, и если при этом направляющее, регулирующее, предостерегающее и стратегическое значение партийного аппарата с высот теории спускается в практику жизни, то не могут остаться неподвижными и враждебные пролетариату социальные верхи. Они пошли и должны были пойти роковой дорогой обреченных. 1905 год был неизбежен. Драма забастовок и демонстраций являлась лишь прелюдией трагических событий российской революции.

Союз царя, помещика и российского фабриканта, союз изверившейся в свои силы и пережившей самое себя бюрократии, промотавшихся дворянских сынков и трусливых, предательских, лицемерно-холопских, восточных отбросов европейского капитала, мог оставаться господином положения на краткий срок лишь вследствие громадной исторической инерции. Двуглавый орел уже не носился в недосягаемой выси, а погрязал все глубже и глубже среди мерзейшей падали, придворной клоаки, поражавшей своими зловониями весь мир.

Наступает пора конституционных иллюзий, кадетской весны, праздник межеумочной российской интеллигенции, перебежчиков сверху, явно разлагающейся, все более и более продажной прессы и темных дельцов, наживающих колоссальные проценты на самом распаде общественного организма. Однако, еще рано делят шкуру неубитого медведя. Великие опасности стоят на пути народов, подхваченных волнами революций. Горе нациям, растратившим свои созидательные силы до под'ема рокового девятого вала.

Но вернейший страж народных революций—пролетарская партия—уже сформировала свои силы. Ее вожди, ее старая гвардия зорко стоят на своих постах, а в рядах этой старой гвардии уже не одни только отщепенские, берущие верхним чутьем интеллигенты и одиночки-рабочие, а все возрастающее и возрастающее количество все более и более закаливающихся в борьбе надежных пролетариев. Им ясен весь длительный, тернистый путь предстоящей решительной, кровавой борьбы. Поток веками накопившегося народного гнева может быть правильно направлен лишь гранитными устоями. Процесс сурового самоочищения партии, под'емлющей на свои плечи выполнение последних целей могильщика классов—пролетариата, неизбежен. Но этот процесс уже реализовался в жизни партии годами. Его выразителем явилось большевистское крыло партии, накопившее и проверившее свои силы и в авангардных стычках с русским порождением тред'юнионистского уклона в лице так-называемого «экономизма», и в бесчисленных схватках с эпигонами вырождающегося народничества, и в разоблачениях «попутчиков» из лагеря легального марксизма и оперявшейся либеральной буржуазии...

Однако весь этот опыт был лишь моментом «приготовительного класса» по сравнению с той решительной борьбой за подлинную линию пролетариата, которая должна была развернуться при первых проблесках пролетарской победы. Пусть победа не завершена и не закончена, но какое море соблазнов для усталых и измученных муками подполья, нелегального существования, для шатающихся, маловерных и неустойчивых. А сколько лукавых зовов со стороны не переоценивать своих сил, сколько стараний тешиться иллюзиями и воспользоваться передышкой. Что такое иллюзия? Разве это не законный метод психологически-социального приспособления? Каким образом сочетать сурово отшельнический режим и сектантскую ригористичность с необходимостью развертывать атаку широких народных масс и вовлекать в движение все и всяческие подсобные элементы? Немудрено, что сегодняшние друзья и союзники на завтра становятся смертельными врагами, и что только при деятельной помощи самого пролетариата сама пролетарская пресса удерживается на высотах, приличествующих всесокрушающему пролетарскому факелу.

И по мере того, как выше и выше поднимаются волны революционного движения и все с большей наглядностью выявляется многозначительная победоносная роль пролетариата, борьба за гранитные устои партии принимает все более и более ожесточенный характер, чуждый всякого теоретизма, преисполненный заботами все более и более хлопотливого исторического дня—кануна Великого Октября.

Мы знаем, что разгром революции 1905 года являлся лишь внешним разгромом, давшим лишь краткую передышку силам старого режима. Но кто подсчитал те бесчисленные жертвы, которые пали со стороны пролетариата в этой первой простой схватке? Не только тех, кто пали физической смертью, но и всех тех, которые утеряли веру в заветы своих лучших дней и должны были скатиться в глубочайшие болотные трясины? Много и много раз должны были смыкаться редевшие ряды старой гвардии. Но она шла в верной струе того революционного вихря, который сметает всех сопротивляющихся. И все это было лишь простым эпилогом великих октябрьских событий.

В огне и пламени величайшей в истории человечества гражданской борьбы, в раскатах пушечного грома орудий, в трагической обстановке нужды и лишений, в муках голода и холода, против соединенных усилий капиталистов всего мира, с мечом пролетарского террора, оборонявшим священный тыл первой Советской республики против предательских ударов в спину со стороны бесчисленных коварных врагов пролетариата, яростно сопротивлявшихся в своей смертельной агонии, шла старая гвардия в первых рядах атакующих шеренг.

Дело рук человечества, еще только рвущего цепи необходимости, еще далеко от царства свободы, не может носить характера совершенства. За свой жизненный путь, за свои дела старая гвардия ответит перед судом всемирной истории. Но она безбоязненно предстанет на этот суд и задаст своим судьям только один вопрос: это красное знамя, развевающееся над древним Кремлем, омытое слезами и кровью пролетариата и его верных союзников, разве оно не лучший, не надежнейший символ грядущего светлого, братского союза трудящихся вселенной?

Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ.

Член партии.

Лучше, чтобы 10 работающих не называли себя членами партии, чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии...

Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше.

(Из речи т. Ленина на 2-м с'езде партии).

Вопрос о роли и значении члена партии всегда занимал основное и первостепенное место в строительстве партии. Недаром именно этот вопрос оказался первым, вокруг которого разгорелись горячие прения и резкие разногласия на 2-м с'езде партии (в 1903 г.). Спор начался как будто с маленького—с формулировки 1-го пункта устава.

Тов. Ленин предлагал «считать членом партии всякого, кто признает ее программу и поддерживает партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из ее организаций». Мартов же предлагал вместо личного участия лишь оказание регулярного содействия партии, иначе говоря, всякий, кто вздумает назвать себя с.-д., участвует ли он в организации или нет, все равно будет считаться членом партии.

И вот этот на первый взгляд небольшой вопрос развернулся в большой принципиальный спор о роли и значении самой партии.

Революционная часть с'езда (впоследствии большевики) во главе с тов. Лениным и (тогда еще) Плехановым, определенно считали, что допущение в партию элементов, не принимающих активного участия в работе организации, означает открытие доступа в партию неустойчивым и шатающимся элементам, а особенно—«сочувствующей» интеллигенции, боящейся дисциплины и активной революционной работы, а это неизбежно ведет к превращению партии из боевого революционного авангарда рабочих масс, организующего их и руководящего стихийным массовым движением в расплывчатую, бесформенную организацию, плетущуюся в хвосте массового движения.

Мартов прямо так и ставил вопрос, что нам нужна широкая партия, а Аксельрод его углубил, доказывая, что принятием формулировки Ленина мы не дадим возможности быть в партии ученым профессорам, студентам и гимназистам, ибо они, по условиям своего быта, не могут принимать участия в организации. Они пытались еще доказывать, что и многие рабочие из-за этого не пойдут в партию, на что им остроумно ответил Плеханов, что рабочий дисциплины и активной работы не боится, а вот профессоров-то и гимназистов нам и не нужно; именно, они принесут в партию свой мелкобуржуазный индивидуализм и оппортунизм.

«Надо охранять твердость линии и чистоту принципов партии», говорил т. Ленин, а это возможно только при действительно революционном и активно действующем составе партии, при отборе работающих от болтающих.

В тот период многим казалось, что разногласия раздуты, что они этого не стоят. Но сейчас, после 20 лет, когда мы уже наглядно видим, до чего дошла оторвавшаяся от рабочих масс меньшевистская и профессорская партия и во что выросла наша крепкая, дисциплинированная, активно-действующая и в то же время массовая, большевистская партия,—мы можем определенно сказать, что этот вопрос имел, имеет и будет иметь всегда первостепенное значение. И, несмотря на то, что на 2-м с'езде партии голосами Бунда и рабочедельцев Мартову удалось протащить свою формулировку I пункта устава, большевистская партия в своем строительстве пошла той дорогой, которую начертал ее гениальный вождь, тов. Ленин.

В самые трудные времена история знает нашу партию в целом и каждого ее члена в отдельности, как авангард пролетариата, как активно-действующую революционную силу. Организация массовых стачек и вооруженного восстания 1905 года, активная подпольная работа в самые темные годы столыпинской реакции, когда меньшевики собирались ликвидировать партию, и под'ем рабочего движения в 1912 году застает нашу партию на посту. Война, тяжелые репрессии еще больше разжигают активность партии. Листовки, агитация против войны, организация забастовок, кампания против выборов в военно-промышленные комитеты, всегда и всюду, где только была хоть маленькая ячейка партии или даже один ее член,—голос партии был слышен. Февральская революция, выборы в советы, жестокая борьба с меньшевиками и эсерами, июльские дни, гонения, корниловщина,—большевика травят—«германский шпион», большевику плюют в лицо, большевика арестовывают, на фронте расстреливают,—а все-таки «земля вертится», а все-таки большевик стоит на своем, упорно всюду и везде долбит одно: «Вся власть советам», «Долой капиталистов и помещиков» и т. д. Всюду, где появляется в массах большевик, там он сразу развертывает работу, и его организационная роль сразу чувствуется.

Октябрьская революция. Власть у советов. Большевик беззаветно, по 20 часов в сутки, не зная отдыха и личной жизни, отдается работе по строительству и управлению, по национализации заводов, по разделению помещичьей земли и т. д.

Вооруженная борьба—Каледин, Краснов, Петлюра, чехо-словаки, Колчак, Скоропадский, Юденич, Деникин, поляки, Врангель, бухарские басмачи. Большевик в качестве рядового бойца, комиссара, командира, сначала в отдельных отрядах, а потом в организованной Красной армии, всюду, на всех фронтах, добровольцем и мобилизованным по партийной мобилизации в порядке партийной дисциплины—большевик всюду, на всех фронтах и участках всюду, на всех бойцов, служа примером храбрости и отваги, цементируя, скрепляя армию из рабочих и крестьян.

В тылу рабочие и крестьяне терпят голод, холод, а работать надо. Большевик на заводе, в деревне, в совет. учреждении—всюду (за небольшими исключением) активно работает. Его ругают, а он терпеливо раз'ясняет, служит образцом преданности революции, терпеливости и трудолюбия.

Война кончена. Период мирного хозяйственного строительства. Рабочие и крестьяне дружно берутся за восстановление разрушенного народного хозяйства. Большевик и здесь впереди—рядовым рабочим у станка, директором завода, председателем завкома, совета, заведующим зем. отд. и т. д. и т. д., всюду большевик не спит, не отдыхает и, несмотря на чрезвычайное переутомление, работает без устали по 16—18 час. в день. И, наконец, большевик, где бы он ни находился, становится культурным центром, толкающим вперед культурное развитие масс.

В общем во всех периодах развития русской революции большевик,—руководил ли он, или расклеивал прокламации, всюду он был активным работником. И именно эти организационные традиции, эти отличительные черты большевика, его постоянно-действующая активность закалка, дисциплинированность на-ряду с идейно-политической силой нашей партии довели нас до побед, которых не знала ни одна политическая партия в мире, до роли руководителя не только русской революцией, но и мировой.

25-летний юбилей должен еще более укрепить нашу партию.

Сказанные еще на 2-м с'езде партии в 1903 г. слова тов. Ленина о том, что мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, остаются полностью в силе и для нынешнего периода. Мы должны закрепить и еще более углубить активность члена партии.

Сейчас мы должны направить эту активность, главным образом, на восстановление хозяйства и на идейно-коммунистическое воспитание масс, на индивидуальную связь каждого коммуниста с беспартийными. Мы должны добиться того, чтобы каждый коммунист поднял бы сам свой культурный коммунистический уровень, подымая до коммунистического сознания и беспартийных. Мы должны закрепить тесную связь с партией и активное участие в партработе наших советских и хозяйственных работников. Мы должны сохранить на высоте внутреннюю дисциплину и спайку партии, ибо в этом залог ее дальнейших успехов и продвижения вперед от победы к победе.

Л. М. КАГАНОВИЧ.

Кирпич.

Тема—безгранична. Она обрамляет всю другую необ'ятную тему—коммунистической революции.

Рядовой член нашей партии, коммунист-большевик, величайшая загадка для всего буржуазного мира, для наших собственных иностранных товарищей, для неподвижного ума российского обывателя, порой и для нас самих.

Четвертью века в прошлое и многовековым утесом в будущее встали крупные стены здания. Тема—о кирпиче стен.

Враги дразнят:

— На каждом с'езде, на каждом митинге вы кричите, что «партия сейчас наиболее сплочена, чем когда бы то ни было». Зачем же всегда в этом уверять? Подозрительно!

И еще дразнят:

— Сплоченность РКП—только результат железной дисциплины, принудительно насаждаемой сверху.

В этих двух хулах, столь обычно на нас извергаемых, не только беспомощность противоречия. Тут и тупик непонимания.

Наша партия—не деревянный частокол, перевязанный прутиками, и не бетонная тумба, отлитая из ровного безличного сплошняка.

Тесной, сложной, цепкой вязью кирпичей выведены ее стены. И потому так стойки своды, потому легок и прост ремонт.

Кирпичики—вещь скромная. Спокойно и просто молчат на красной стене, озаренные солнцем. Только часть, наружную часть и видать со стороны. Остальные в глубине и не заметишь.

Кирпич с одного завода по виду, цвету, образцу—однороден. Это не значит, конечно, что у каждого кирпича нет своего лица. Возьмите лупу, а если зоркий глаз и без лупы отличите. Вот:

Кирпич старый. Побуревший, с оббитыми краями, закопченый. Края его повытерлись, сам он вылоснился, огрубел и с виду уже не кирпич, а совсем камень. Славный кирпич! Берегите его.

Кирпич рыхловатый крупно-зернистый, слабо обожженный. В очень сухом или горячем месте может иногда рассыпаться песком или надломиться, в очень сыром—раскиснуть и расползтись в глину. Интеллигентский. Крашеный кирпич. Был желтым, думая пойти на постройку желтого здания, угодил в здание белое, но рухнули оба, а обломки пригодились для красного дома. Очень часто бывает хорош и полезен, а если сильно вылиняет, партийная ремонтная комиссия осторожно выковыривает и заменяет новым.

Партия—не законченный мавзолей, а непрерывно строющееся и укрепляемое здание.

Молодой кирпич. Обожжется, проветрится, отвердеет.

И лучший из всех, стальной, непроницаемый—кирпич-середняк. Огнеупорный.

Революционный рабочий, не очень молодой, лет около тридцати, с большой фабрики (металлист, текстильщик), из большого промышленного центра—вот главный строительный материал партии, твердый хребет революции. Ему—недоуменная ненависть и удивление врагов, ему—стихи коммунистического поэта, восторженное подражание западного пролетариата, пристальное внимание историка.

Он вошел в партию не в лета отлива, реакции, усталости. Он примкнул к ней в 1912—15 году, в радостное предгрозье революции. Война обожгла, но не сожгла его: изорванный внутри скорбным игом ее несправедливости, он увидел широкими глазами освещенное первой вспышкой революции поле, мир-кладбище, который дано ему собственными его руками перестроить в мир—цветущую ниву. И кинулся в революцию сильным свободным броском, раздвигая препятствия, душа врагов, защищая друзей и слабых.

Он, иваново-вознесенский ткач, колпинский металлист, показал современникам и истории, как борются.

Как разрушают старое.

Как строят новое.

Как умирают.

Это он исторг гольса из камней, покаяние генералов Слащевых, вынужденные улыбки Ллойд-Джорджей, пролонгирование знаменитых Анатолей Франсов, испуганный трепет у реакционеров, поработителей и мещан всего мира.

Он, давший редкостный образец безупречного синтеза храбрости с подчинением им же избранным вождям, безграничной веры в свои силы со скромностью, истинно, какая бывает только у пролетария, прошедший неслыханные лишения, сотни раз встречавший смерть, отдавший себя на постройку Красного дома,—главная надежда и опора партии, ее самый неоценимый капитал ко дню двадцатипятилетнего баланса.

И только стоя в его, крепкого партийного середняка, гуще, плотно зажавшись между соседними рядовыми кирпичами, неся ответственную тяжесть сверху, чувствуя каменную твердость снизу, чувствуешь и понимаешь непонятный чужим великий и простой секрет крепости партии.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

На вулканической почве.

На вулканической почве жила наша партия, жил весь рабочий класс всей страны в первый год революции. Конечно, передовые рабочие не верили с самого начала предсказаниям меньшевиков и эсеров, что Советская власть продержится несколько дней. Наоборот, даже кто тогда близко жил к рабочей среде, тот знает, что в них горела такая уверенность в своем деле, которая могла горами двигать. В конце 17 года мне пришлось быть на большом собрании в Надеждинском заводе на Урале. Все инженеры, все спецы разбежались, ушли с Колчаком, остался один инженер и один старший техник на весь огромный завод. Предвиделись огромные трудности, неизбежность борьбы. Крепла работа по организации Красной гвардии. И заводы Урала, а Надеждинский был на первом месте, дали первые сильные боевые отряды Красной гвардии, которые кровью своей запечатлели борьбу рабочего класса по ту и по сю сторону Урала. И вот на этом собрании, когда раздавались голоса, сомневающиеся в том, что рабочие сумеют справиться с большими трудностями, какие стоят на их пути, рабочие говорили: мы все сделаем, мы сами сумеем все сделать и у нас все есть для того, чтобы мы могли без чужеземной помощи поставить на высоту наше хозяйство. Конечно, рабочие в то время несколько преувеличивали свои силы и возможность вести производство без специалистов, без всякой помощи извне техническими средствами и необходимыми материалами. Но именно этой уверенности хватило надолго и она дала возможность пережить наиболее трудные моменты в первые годы революции, когда нам казалось, что давление извне и сопротивление имущих классов внутри взорвет Советскую республику.

Республика не могла ограничиться одной только внешней обороной и если она хотела оставаться на почве пролетарской революции, то она должна была проводить в жизнь целый ряд мер, которые вызывали в стране гражданскую войну. 1918 г. в деревне и значительная часть 1919 г. наполнили самые глухие деревни резкой борьбой комитетов бедноты с зажиточными слоями деревни. Шла гигантская нивеллировка деревни. Сжимались, сокращались кулацкие элементы под давлением реквизиций излишков скота, хлеба, земли. Шло поднятие бедняцкого слоя деревни. И это раскалывало деревню на два враждебных лагеря. Кулацким элементам деревни помещик начинал казаться спасителем, который может сразу же уничтожить власть поднявшей голову деревенской бедноты. Ряд кулацких восстаний был организован по всей стране. С помощью политического центра эсеров, меньшевиков, савинковцев, кадетов, а то и просто-напросто махровых монархистов создался единый фронт против пролетарской революции, в котором эсеровское знамя переплеталось с монархистскими хоругвями и социалистические фразы с погромными лозунгами. Это расслоение однако, дало нам опору и силу в массе деревенской бедноты, ибо без этого немыслим был бы тот энтузиазм в Красной армии, ее преданность Советской республике, которые дали возможность одержать победу.

Комитеты бедноты, как это правильно говорил т. Ленин на IX с'езде нашей партии, были созданы в период, когда нам нужно было спасти во что бы то ни стало неземледельческое население, когда деревня не хотела давать городу излишки своего хлеба, когда количество этих излишков сильно уменьшилось благодаря разрухе сельского хозяйства, вызванной войной.

Систематический голод, систематическое недоедание, вот что выдержали рабочие за эти первые годы. Сейчас очень часто можно в рабочей среде слышать воспоминания о 19 годе. И все эти воспоминания неизбежно возвращаются к восьмушке хлеба и четвертушке, которые нерегулярно, несвоевременно выдавали рабочим. И какой хлеб ели! Из жмыхов, конопляных, льняных и подсолнечных семян, с кострикой, с мякиной, с плохо перемолотым овсом, которые ранили язык и пищевод, вызывая кишечные заболевания. Рабочие спрашивали на митингах: «Долго ли вы нас будете кормить овсом? Что мы лошади, что ли, чтобы овес есть?». И нередко вспыхивали забастовка, бросали работу на один-два дня, бросали в виде протеста против кормежки овсом. Но против кого же был этот протест? Через день, через два рабочие чувствовали уже, что этот протест направлен против них самих, что они сами себе только вредят этим.

В начале 1919 г. мне пришлось устроить собрание в Шелковском районе, где собралось несколько соседних фабрик. Главнейший вопрос, который стоял на очереди, это был продовольственный вопрос. Упреки были обращены к нашей партии, и партия наша сделала самое лучшее, что она могла сделать в таком случае: она обратилась к массам, она не стала скрывать трудности положения. И самое тяжелое положение, самый острый момент существования республики она сделала исходной точкой развития дальнейшей революционной энергии масс. Партия постановила организовать еженедельные массовые митинги, на которых давать отчет перед рабочими и крестьянскими массами о политическом положении страны, о мероприятиях правительства, о тактике коммунистической партии. И это решение оказалось глубоко правильным. На описываемом собрании, как и на многих других, слышались резкие речи самой жестокой критики порядков нашей республики, критика нашей партии. Меньшевики и эсеры срывали хлопки чуть не половины аудитории. А в результате такие собрания сближали нас самым тесным образом с рабочими массами. Рабочие говорили: «Ну, что ж, хоть поругались, и то на душе легче. Вот видишь, хлеба ты нам не дал, а рассказал только, почему у нас такой голод, и как мы из него выйдем, и все-таки легче стало». Наши товарищи коммунисты часто попадали в тяжелое положение. На них смотрели тысячи глаз и то, что сходило с рук стоящему вне партии, то не прощалось коммунисту, в особенности в рабочей среде. Каждый знал, что у коммуниста в горшке варится и с чем он чай пьет, и пьет ли он чай вообще в этот день. И это выносилось на собрание. Поэтому коммунисты в эти годы выработали в себе такую дисциплину, какую не могли бы выработать никакие другие условия борьбы. И надо отметить, что выходы из партии в то время были чрезвычайно редки.

Со всех сторон на нас наступали. Лучшие хлебородные области были отрезаны. Из рук в руки переходили губернии, а иногда и целый край. Сотни тысяч вооруженных рук тянулись к столицам—Петрограду и Москве, с угрозой превратить в кровавые мостовые рабочие кварталы и революционные деревни. Ощетинилась Советская республика винтовками. Последний кусок хлеба отправляла армия, но и армия жила бедным бедна.

В 1919 г., когда мамонтовские отряды угрожали Тамбову, когда захвачен был Борисоглебск, разрушен Козлов, занят Царицын, и враг угрожал Оренбургу и Саратову, мне и товарищу Крыленко пришлось отправиться в качестве уполномоченных ВЦИК'а в Саратовскую губ., поднять обороноспособность района. После большого красноармейского митинга, где говорилось о III Интернационале, о значении его для освобождения трудящихся всего мира. На ступенях клуба имени Ленина нас обступило несколько красноармейцев, оборванные, босые, грязные. На телефонных проводах кругом висели в ряд заткнутые на них, парами связанные рваные лапти. Красноармейцы отворачивали ворот грязной рубахи, показывали вши и говорили: «Товарищи, мы знаем, что третий Интернационал даст победу рабочему люду. Но как мы можем думать о третьем Интернационале, когда нас вошь грызет». Из Саратова я приехал больным возвратным тифом, эта вошь меня загрызла, как унесла она в то время тысячи и тысячи преданных революции людей. Наши газеты полны были статьями о борьбе с вошью. Вошь огромных размеров испещряла заборы, раскрашенная, чудовищная, казалось, она все загрызет, все погубит. Госпитали были переполнены тифозными. Станции железных дорог, вагоны, пристани, школы, все стало очагами страшной тифозной заразы. Мы бросились на борьбу с вошью, тифом, грязью. Мы победили.

А голод гнал людей из городов в деревни за хлебом. Транспорт был до последней степени разрушен. Перед нами стояла угроза полной остановки транспорта. Если бы это случилось, анархия овладела бы страной в такой степени, что организованный рабочий класс, конечно, погиб бы под напором извне и изнутри. Единственным выходом было, хотя и впроголодь, но организовать силами государства питание неземледельческого населения. Плохо это было организовано, но теперь надо признать, что без этой организации, без этих восьмушек и четвертушек рабочий класс в городах вымер бы, революция погибла бы. Чтобы остановить поток идущих и едущих из городов в деревню целыми вагонами спекулянтов маленького и большого калибра, созданы были заградительные отряды. Ах, эти заградительные отряды! Кто теперь помянет их добрым словом? Кто тогда вспоминал их добрым словом? Конечно, в практике их было много тяжелого для населения. Но надо признать, что заградительные отряды все же вложили свою долю в дело спасения Советской республики. Как тяжелый сон, вспоминаются они. Ну, что же? Бывает, что самая благодетельная операция, спасающая жизнь человеку, тоже вспоминается, как тяжелый сон.

Коммунистическая партия была центром, на котором сосредоточивалась ненависть имущих классов. На ней же сосредоточивалась вся злоба и ненависть тех буржуа пайзнаку, которые прикрывались громкими словами всяких анархических лево- и правоэсеровских фраз. Именно в тот момент, когда больше всего угрожали враги извне Советской республике, когда страдания рабочих масс дошли до наивысшего предела, когда опасность была наиболее велика, раздался взрыв в Леонтьевском пер. Группа подпольных анархистов, вместе с левым эсером Черепановым, вообразила, что она может нанести решительный удар «головке» нашей партии. Левоэсеровские лозунги и директивы были тоже в эту сторону: «Бейте по головке партию». Бомба, брошенная в Леонтьевском пер., имела целью расстроить наши ряды, вселить панику и растерянность в наши ряды. Было убито тринадцать человек. Как мы ответили на это? Как ответил рабочий класс? Еще с незажившими царапинами, с разорванными барабанными перепонками выступали мы на массовых рабочих собраниях, организованных нами сейчас же после взрыва, выясняя перед рабочими значение этого факта. Как же ответили рабочие? Они ответили массовым вступлением в нашу партию. Когда мы недели через две-три после покушения организовали партийную неделю, когда мы призвали рабочий класс вступить в партию, по одной Москве и Московской губ. вступило в партию более 15.000 человек! Так ответил тогда рабочий класс. Ни голод, ни холод, ни разутость и раздетость рабочего класса, ни угрозы монархистов и анархистов не запугали рабочий класс. Наши враги привыкли ссылаться на то, что в коммунистическую партию идут потому, что коммунистическая партия—правящая партия. Эти господа забывали всегда, что коммунистическая партия давала не столько прав, сколько накладывала обязанностей. Чтобы быть членом коммунистической партии в те года, это значило, вынося одинаково с населением все тяжести материальных лишений, выносить на себе все удары, критику и недовольство. И мы можем смело сказать, что именно в эту партийную неделю, когда наше положение было особенно тяжелым, и мы не скрывали трудности нашего положения, в нашу партию вступили лучшие из рабочих.

Еще одно светлое и яркое, что дали эти годы, что внесли они—великий почин в деле создания республики советов—это субботники-воскресники. Трудно сейчас подвести итоги огромной, проделанной в то время, работы. При тогдашнем положении только эти добровольные усилия трудящихся могли выполнить эту работу. Зимой 1919 г. мы выкалывали тысячу бревен, замерзших во льду на Каме. Незадолго перед этим освобождена была Пермь. Наш транспорт не смог вывезти их из реки. Казармам, школам, всему городу грозила опасность замерзнуть среди суровой пермской зимы. И широкую Каму покрывали тысячи рабочих и работниц, и красноармейцев, звеня топорами и кайлами, и лопатами. В морозном воздухе неслась «Дубинушка». Тысячи бревен выкидывалось на берег и согревало город. Взорван был мост на Каме. Надо было наладить ледяной мост. Инженера говорили: «Раньше, чем в два месяца, нельзя наладить». А тут грузы стоят. Хлеб нельзя передать с другого берега, нельзя отправлять товары в Сибирь. Взялась коммунистическая партия организовать субботник, и в полторы недели мост был готов. И поезда шли по ледяному мосту через Каму, а взорванный мост, тоже не без помощи субботников и воскресников, был поднят задолго раньше срока, хотя работали на сквозном ветру при 35° морозе в жалкой холодной одежде и не доедая.

На вулканической почве жили мы эти годы. И коммунистическая партия на этой почве закалила себя, выковала свою гибкую тактику, связала себя в борьбе, страданиях с широкими слоями рабочих масс, связала себя крепко, неразрывно. В эту борьбу были втянуты все слои населения города и деревни. Задачей партии было в этих труднейших условиях маневрировать, отступать и вновь идти вперед, победить величайшие трудности. Побеждены эти трудности. Мы можем с удовлетворением сказать, что главные трудности все-таки побеждены. В 1919 и 1920 г.г. т. Ленин считал, что в вопросе о построении социалистического государства одной из самых больших трудностей было суметь перейти от рабочего контроля к рабочему правлению промышленностью. Эти задачи мы научились разрешать все в большей и большей мере. Тот сложный, трудный и большой опыт, который в настоящее время проделывает наша партия, в условиях существования национализированной промышленности, национализированной торговли с частными предприятиями, соревнование с ними, несмотря на все наши промахи и ошибки, дает нам такой опыт, в каком нуждается пролетарская революция во всех странах. Мы сделали много ошибок.

«Конечно, массы людей обвиняли нас,—говорит т. Ленин на VIII с'езде РКП,—все социалисты и социал-демократы обвиняют за то, что мы взялись за это дело, не зная, как довести его до конца. Но это смешное обвинение людей мертвых. Кто когда-нибудь может делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца? Откуда можно взять такие знания? Они не почерпаются из книг. Таких книг нет. Только из опыта масс могло родиться наше решение. Я считаю, что заслуга наша была именно в том, что мы с неимоверными трудностями взялись за решение вопроса, который до сих пор наполовину был нам незнаком. Мы привлекли пролетарские массы к самостоятельной работе...».

В этом весь секрет, почему мы не только выдержали на вулканической почве, но и окрепли на этой почве, укрепили волю рабочего класса в борьбе и победе.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ.

Пресса большевизма.

Большевизм создал свою прессу—«по образу и подобию своему». Большевистская печать—это особая, своеобразная печать. По стилю, по энергии, по ударности, броскости, меткости ее можно отличить от газеты любой партии. Никто не пишет так, как пишет большевик.

У меньшевиков, кадетов, эсеров—один общий, «всеми принятый», гладкий, «литературный», «европейский» стиль. Длинные, закругленные фразы спокойно текут и переливаются по газетным страницам. Основную мысль статьи нужно **поискать**,—возможно, ее найдешь, но, может статься, затеряется она в море прекрасных слов. Всегда легкий, а порою и густой туман окутывает их писания.

Настоящая коммунистическая статья—не только газетная, но и журнальная, не только агитационная, но и научная—отличается исключительной ясностью, четкостью стиля. Она резка и груба, элементарна и вульгарна,—говорят враги. Она правдива, искренна, смела, откровенна, беспощадна, непримирима к врагам и полуврагам, к неустойчивым «друзьям» и бесхарактерным «доброжелателям» рабочего класса. Она безжалостно срывает покровы, она подвергает переоценке все без исключения «ценности» старого мира.

Прикрытое рабство и откровенное насилие, сущность государства и его законов, религия и мораль, «право» и «свобода»,—не было в мире печати, которая с такой смелостью, откровенностью, правдивостью подходила бы ко всем этим вопросам, как это делает коммунистическая печать. Она первая в мире сказала **полную и настоящую правду...** Это вышло случайно,—однако, получило бесспорно символическое значение то обстоятельство, что центральный орган большевистской партии называется—«Правда»... Мы, только мы, коммунисты, говорим неприкрытую правду рабочему классу. И оттого даже цифры,—нá что уж они серы и скучны, но в большевистской прессе горят ярким огнем и пробуждают, зовут, поднимают...

В каждый данный момент наша пресса с особой яркостью выдвигает основные лозунги, узловые пункты, ударные точки и бьет в них настойчиво, упорно, систематически,—«надоедливо», говорят наши враги. Да, наши книжки, газеты, листовки «вбивают» в головы массы немногие, но **основные**, «узловые» формулы и лозунги.

С другой стороны, большевистская печать умеет «нащупать» формулы врага, разоблачающие его самого, и этими формулами систематически и безжалостно бить его. Сколько раз наша пресса приводила в бешенство меньшевиков настойчивым повторением, подчеркиванием, раз'яснением их же собственных формул, в роде: «Не нужно было браться за оружие!» «Стачечный азарт». «Борьба за легальность». «Подполье умерло». «Революция—героическая мечта». «Правдистское поветрие». «Назад к капитализму». И т. д., и т. п. В этом умении нащупывать основное и концентрировать внимание на нем, в этой сжатости, ясности, «элементарности»—великая сила нашей печати, нашей партии.

* * *

Разумеется, большевистская пресса—создание, прежде всего, тов. **Ленина**. Когда, в начале 1901 г. перед революционными социал-демократами стал вопрос: «С чего начать» в деле собирания партии,—т. Ленин на этот вопрос ответил: начать с общерусской политической газеты, ибо—

— «Роль газеты не ограничивается одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников, **газета—не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор.** В этом последнем отношении ее можно сравнить с **лесами**, которые строятся **вокруг возводимого здания,** намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и **обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом».**

Из такого взгляда на значение печати вытекал взгляд на положение, на место печати в партии. И опять-таки большевистская партия—единственная, где пресса неразрывно связана с партией, безусловно подчинена ее руководству. Меньшевистская партия и меньшевистская пресса не совпадают. Здесь вокруг партии, около партии, а часто и в самой партии, всегда немало «свободномыслящих», для которых мнение партии не так уж обязательно, которые пользуются почти неограниченной «свободой мнений», «свободой критики» и т. д. Еще больше таких «независимых» политиков в рядах эсеров, кадетов и т. д. Во всех этих партиях литература и литераторы стоят **над** партийной организацией. Здесь—**гегемония** писателей.

Большевистская пресса построена совершенно иначе. Она—прямое орудие, точное отражение коллективной партийной мысли, жизни и работы. Она не признает права за околопартийными говорить от имени партии. Она «узка» и «нетерпима»... В ноябре 1905 г. в легальной газете «Новая Жизнь» тов. Ленин писал:

— «Социалистический пролетариат должен выдвинуть **принцип партийной литературы**, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме... **Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела,** «колесиком и винтиком» одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. **Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, об'единенной социал-демократической партийной работы».**

Эти строки были написаны в разгар революции. Они были направлены именно против тех литераторов, которые под влиянием революции потянулись в социал-демократическую прессу, но не хотели признать над собой партийного руководства и контроля, не хотели связаться с партией, стать ее «колесиком и винтиком». Это были «сверхчеловеки». Они шли в партийную литературу со своими «индивидуальностями» и «особыми мнениями». Они проповедывали «терпимость», протестовали против «узости» и «сектантства» большевиков.

Большевизм, к великому горю меньшевиков, решительно отказался от сомнительных «услуг» господ «надпартийных» литераторов. Он ясно и твердо заявил, что вне партии нет и не может быть партийной литературы. Поставив вопрос таким образом, большевизм смог сохранить в чистоте свою партийно-политическую линию. Его мысль, его воля не разбавлялась водицей околопартийной литературщины. Поэтому он не испытывал бесхарактерных шатаний и колебаний даже в самые тяжелые периоды жизни рабочего класса. Ибо литература служила—и хорошо служила—партии.

* * *

А когда пролетариат, оправившись от разгрома 1905—1907 г. г., снова вышел на историческую сцену, большевики-«сектанты» первые создали беспримерную в России легальную рабочую печать, первые вовлекли в литературу сотни и тысячи передовых пролетариев, первые дело печати сделали делом массы. **Рабочий-корреспондент, рабочий-журналист—это наше, большевистское «изобретение».** Исключительное значение этого небывалого в истории печати явления даже нами самими недостаточно еще оценено... Ради одного заводского корреспондента можно было, не задумываясь, пожертвовать десятком внепартийных, околопартийных, надпартийных литературных «сверхчеловеков»...

Да, большевистская пресса—исключительная пресса. Она строится по **новому принципу**, она представляет собою **небывалое** явление. Она отражает концентрированную мысль и единство воли **одного** класса, рабочего класса.

Переступая во вторую четверть века, партия наша стоит перед задачей: этот новый принцип претворить в жизнь во всех уголках великой республики. Мы должны **поднять всю нашу современную печать до классического большевистского образца,**—во многих местах она позорно отстала от образца,—а затем двинуть ее вперед,—к новым достижениям, к новым победам!

ИЛ. ВАРДИН.

Р. К. П. в подполье.

Вот уже шесть лет, как наша партия вышла из подполья и ведет открытое существование. За эти шесть лет мы создали стройную, во всех частях согласованную организацию. За это время вполне определенные, устойчивые формы приняла первичная организация партии—ячейка, и исходя из нее, на основе принципа демократического централизма построены все остальные органы партии, неразрывно и последовательно, как звенья одной и той же цепи, связанные друг с другом. В определенные, законченные и каждому ясные формы отлились и взаимоотношения между отдельными организациями и органами партии: постановление высшего органа является вполне обязательным для всех низших организаций, и это сковывает партию в нераздельное, единое целое перед лицом внешнего мира. Многогранным, свободным и широким стало воздействие партии на беспартийные массы; каждый день и каждый час в ежедневной газете, в политической и всякой иной литературе, на митинге, на деловом собрании, на заводе, в кооперативе, в профсоюзе, в театре, путем демонстрации, красноармейской песни и в тысяче других форм партия соприкасается с массой, влияет на нее и воспитывает ее в нужном ей направлении.

За истекшие шесть лет нашего легального существования все эти элементы нашей партийной организации и нашей партийной жизни не только впитались в плоть и кровь всех членов партии, но даже и в глазах людей, посторонних партии, стали ее неот'емлемой принадлежностью. Железная дисциплина, единая воля, умение понять, учуять интересы и стремления широких трудящихся масс и найти для них правильное выражение—все эти моменты не отрицаются за нами даже и самыми злейшими нашими врагами.

Но как строили мы нашу организацию в подполье, как и в какой мере сохраняли мы там указанные выше особенности и сохраняли ли их вообще, как связывались с массами и при помощи каких передаточных механизмов высшие органы партии руководили всей организацией,—эту страницу прошлого нам полезно было бы раскрыть в день 25-летнего юбилея нашей партии. Это тем более полезно, что как раз именно теперь родные наши сестры, ряд коммунистических партий других стран условиями политической жизни все дальше загоняются в подполье.

Пытаясь в этой краткой статье изобразить характерные формы нашей подпольной работы, я бы хотела, однако, отметить, что наше русское подполье было, вероятно, самым мрачным и тяжелым подпольем, какое когда-либо существовало и будет существовать. Временами это подполье не оставляло для партии почти никаких выходов наружу и было наглухо замуровано. При настоящем развитии рабочего движения, при настоящей фазе существования капитализма такие формы подполья уже неповторимы. И тем не менее мы можем смело утверждать, что наша партия и в этом подполье сохраняла все отмеченные выше черты. Вместе с тем, приспособляясь к условиям работы, она несколько видоизменяла формы своей организации, всегда основывая ее на принципах централизма, но лишь редко получая возможность применить начала демократизма. Формы же связи партии с массами и формы руководства партией со стороны центральных ее органов также изменялись в зависимости от политической обстановки, от большей или меньшей замурованности в подполье.

Ясно, конечно, что при условиях русского подполья строиться партия могла только сверху. Большая или меньшая по своим размерам группа членов партии в данном городе или местечке организовывалась, как комитет, и постепенно, путем кропотливой работы, распространяя свое влияние на отдельные заводы и фабрики, заводя в них связи, пускала корни и обрастала кружками. Постепенно между комитетом и отдельными кружками создавались промежуточные организации из более сознательных и активных участников кружков: заводские комитеты, а в больших городах и районные комитеты. Каждая из этих промежуточных организаций назначалась высшей организацией путем отбора лучших и проверенных товарищей. Прежде, чем быть введенным в комитет, каждый товарищ должен был доказать на ряде отдельных поручений свою преданность, ловкость, уменье держать язык за зубами. Каждая из этих промежуточных организаций связывалась с высшей через одного из членов этой высшей организации. Кроме этих организационных ячеек, комитет постепенно обрастал целым рядом вспомогательных и технических аппаратов. Таковыми являлись: коллективы пропагандистов, с эпохи 1904—1905 г.г. связанные с комитетами через так-называемых ответственных пропагандистов, входивших в состав комитетов; коллективы агитаторов; аппараты по распространению литературы, также руководимые одним из членов комитетов (с 1904—1905 г.г. обычно секретарем комитета); группы содействующих, отыскивавших квартиры для собраний, добывавших явки, хранивших литературу и проч.; финансовые комиссии, добывавшие средства для организации. Совсем особо стояли тайные типографии. Все перечисленные технические аппараты, как правило, руководились секретарем комитета и через него связывались с комитетом. В эпоху первой революции ко всем этим аппаратам присоединились еще боевые дружины и военно-технические организации, занимавшиеся добычей и хранением оружия и изготовлением и хранением взрывчатых веществ.

Одну мысль хотелось бы мне здесь отметить. То обстоятельство, что лицо, руководившее техническим аппаратом, аппаратом обслуживания организации, всегда было секретарем комитета, является лишь внешним выражением той огромной роли, которую в деле правильного функционирования всей организации играл этот аппарат и задача его сохранения в подпольную эпоху существования партии.

Конечно, не всегда именно таким правильным путем шло создание организации в данном месте. Часто вперед создавались отдельные группы на заводах, которые завязывали связи друг с другом, и комитеты создавались в процессе завязывания связей. Еще чаще оба эти процесса шли одновременно и встречались друг с другом. Не всегда организация представляла собою нечто связное, существующее одновременно во всех своих частях. Постоянные провалы отдельных членов или целых групп товарищей непрерывно выдергивали из цепи то или иное ее звено: то нарушалась связь с отдельным заводом, то из системы выпадал районный комитет, то исчезал общегородской орган, а иногда вся организация лежала в обломках, в развалинах и не сразу воссоздавалась вновь. И вся задача заключалась именно в том, чтобы так связать между собою отдельные части организации, чтобы арест одного или нескольких товарищей не повлек за собой провала всей организации во всех ее частях, со всеми подсобными аппаратами. Этим и об'ясняется принцип назначения комитетов, необходимость связывать комитет с низшими организациями и подсобными коллективами и аппаратами через отдельных членов, необходимость строжайшей конспирации и отказа от товарищеского общения между членами комитета вне партийной работы. Таким образом, организация партии в каждом данном месте непрерывно менялась по своему внешнему виду, по своей численности, мощи и по своему, если так можно выразиться, обслуживающему аппарату. Вместе с тем наше подполье не знало низшей ячейки организации в том виде, в каком она существует теперь. Мы не могли иметь общего собрания членов партии и сочувствующих ей на данном заводе,—во-первых потому, что громоздкие собрания противоречили условиям конспирации, во-вторых потому, что прежде, чем втянуть товарищей в активную работу, надо было подготовить их теоретически и проверить их на деле. Поэтому на заводе у нас было по нескольку различного (низшего, высшего) типа кружков, не знавших о существовании друг друга, и заводский комитет, состоявший из 3, 5, 7 товарищей, или иногда просто организатор завода.

Гибкость форм нашей организации доказывается, однако, необычайной ее приспособляемостью к политической обстановке. Лишь только революция 1905 года создала более свободные условия существования, как тотчас же начала демократизма воплотились в жизнь. Немедленно создались так-называемые заводские собрания (т.-е. нынешние ячейки), районные собрания или конференции, общегородские конференции и даже конференции губернские (в редких, правда, случаях). А в 1909 г., в [illegible], [illegible] и мы возвращаемся к прежним формам построения организации сверху.

Недостаток места не позволяет иллюстрировать полнее эту необычайную приспособляемость партии к внешним условиям. Нельзя рассказать, например, о районных собраниях в 35—40 человек, еще в 1907—1908 г.г. собиравшихся в окраинных трактирах под гром и шум органа, и про переход в 1909 г. снова к кружкам не свыше 10 человек и про многое другое, что оживает в памяти, когда думаешь о временах подполья.

Как же эта организация, рассыпанная по отдельным городам, столь неустойчивая и вечно изменяющаяся, сегодня живущая, завтра исчезающая в том или другом месте, как она связывалась со своим центральным органом, со своим руководящим центром? Прежде всего мне хочется отметить, что приспособляемость партии к обстановке сказалась в самом местопребывании центра, который уходил за границу, за пределы досягаемости в периоды усиливающихся репрессий, переселялся в Россию на время революции 1905 г. с ее большей свободой режима и пытался разделиться на две части—на русскую и заграничную—на переходное время, пытаясь этой формой удержать выгоды непосредственной связи с действующими организациями. Какой же системой этот далекий фронт связывался со своей периферией и ею руководил? Прежде всего это, конечно, нелегальная печать, как постоянно действующее средство, к которому в отдельные периоды присоединялась и печать легальная. Затем идет уже организационный механизм.—Здесь прежде всего надо отметить агентов Ц. К., этих живых посредников между Ц. К. и местными организациями, и, наконец, так-называемое бюро Ц. К. в отдельных областях и районах, составлявшееся отчасти из агентов Ц. К., отчасти из лиц, подобранных агентами из местных товарищей. Как агенты, так и бюро Ц. К. находились в связи с Ц. К., как непосредственной, так и путем постоянной переписки. Получая таким путем директивы от Ц. К., они проводили их через местные комитеты по всей организации. Они же назначали от имени Ц. К. местные городские комитеты, наблюдая за тем, чтобы их состав отвечал политической линии, проводимой Ц. К. Комитетам, однако, предоставлялось право кооптации (самопополнения), совершенно необходимое в обстановке постоянных арестов, как членов комитетов, так и агентов Ц. К. Местные комитеты вели и непосредственную переписку с Ц. К. Конечно, в обстановке полицейского режима эта связь между Ц. К. и российскими организациями постоянно прерывалась, налаживание ее часто доставалось с неимоверным трудом, но как Ц. К., так и сами организации всякими средствами восстанавливали ее, так-что в этой части мы имели [illegible], когда не [illegible] на то, что будет завтра. Лишь от времени до времени, по важнейшим вопросам, требовавшим обсуждения с учетом опыта мест, удавалось созывать с'езды и конференции, которые являются вехами на историческом пути нашей партии.

Эта организация, вечно менявшаяся в своих внешних очертаниях и формах построения, но всегда направляемая единым центром и с ним увязывающая свою текущую работу, имела одну вечную заботу—найти пути подхода к массе, с ней соприкоснуться, на нее воздействовать. И этой своей цели она достигала разными путями, и в этой части своей работы приспособляясь максимально к внешним политическим условиям. В периоды наиболее жестокой реакции у партии не было иных средств, кроме распространения литературы. Здесь партия стремилась только в краткой листовке задеть вопросы, наиболее волнующие рабочую массу в данный момент,—какого бы порядка эти вопросы ни были. Распространение листовки стремилась соединить с устной агитацией: где возможно,—массовка, где возможно,—летучий митинг у ворот завода на 10—15 минут, а иногда и на 5,—словом, пока не заметит и не набежит полиция. Все это пронизывалось и дополнялось беседой членов партии рабочих с отдельными рабочими у станка.

Но и в этой области партия обнаруживала свою гибкость, приспособляемость, уменье нащупать нужды рабочей массы и отозваться на них. Как только политические условия менялись, партия использовывала все возможности для усиления своего влияния на широкие массы рабочих. В ряду этих мер мы видим легальную газету, использовывание работы в кооперативах, профсоюзах, различных рабочих обществах, клубах, кружках и т. д. Но использовывая каждую легальную возможность, стремясь пролезть в каждую щелку, которая выводила ее к беспартийной рабочей массе, партия никогда не позабывала одного—сохранять себя, свою организацию, всемерно укреплять ее, как бы ни трудно было жить и строиться в подполье.

Таким образом, заложив в подполье основы своей организации, партия наша именно в условиях подполья приобрела и выковала те характерные черты этой организации, которые отличают ее от всех других партий: непреклонную дисциплину, уменье учитывать обстановку и приспособлять к ней формы своей организации и стремление правильно улавливать нужды рабочего класса, защищая и выражая их в своей каждодневной работе. Подполье было для нас школой, школой суровой и беспощадной, но закалившей партию и подготовившей ее к революционной борьбе.

В. ЯКОВЛЕВА.

Первый камень.

Наши взоры обращены сейчас на тот начальный акт партийного строительства, который имел место ровно двадцать пять лет тому назад. 1-го марта (по ст. ст.) 1898 г. состоялся в Минске с'езд 9 представителей наиболее влиятельных социал-демократических организаций того времени: было два представителя от «Рабочей Газеты», по одному—от 4-х союзов борьбы за освобождение рабочего класса (Петербургского, Московского, Киевского, Екатеринославского) и три от Бунда.

— И это все?—быть может, спросит читатель.—Разве же не было и иных еще очагов социал-демократической работы, достаточно прочных и вкоренившихся в местную рабочую жизнь,—таких очагов, представительство которых на с'езде, претендующем на всероссийский масштаб, должно было бы считаться обязательным? По этому поводу компетентный историк и один из главнейших участников с'езда т. Эйдельман сообщает следующие данные. В Одессе организация после разгрома в 1894 г. не подавала надежд на скорое восстановление. В Николаеве существовала маленькая живая группа, но не пользовалась у инициаторов с'езда репутацией достаточно конспиративной и была накануне провала. В Харькове молодая интеллигентная группа сама отказалась от участия на с'езде, считая несвоевременной попытку создания партии в момент чрезвычайной слабости Петербургского и Московского союзов борьбы. Приглашенная (с некоторым запозданием) на с'езд литовская с.-д. партия делегата не прислала. Соц.-дем. царства Польского и Литвы осталась вне поля зрения организаторов с'езда. С союзом русских с.-д. за границей трудно было связаться. Наконец, белостокская группа «Рабочего Знамени»—отчасти, быть может, и не случайно—об'явила себя партией, вольно или невольно конкурируя, таким образом, с коалицией организаций, с'ехавшихся в Минске. Отсюда видно, что если к 6 организациям, представленным на с'езде в Минске, присоединить еще 5—6 организаций, которые так или иначе могли бы быть вовлечены в первос'ездовскую кампанию, то этой дюжиной организаций, охватывающих какую-то долю тысяч распропагандированных рабочих так исчерпывалась в 1898 г. вся наша, так сказать, социал-демократическая наличность.

Что же было сделано, какие результаты в смысле идейного и организационного об'единения партии достигнуты были на 1-м с'езде? И опять таки, с точки зрения современных, привычных нам представлений о с'ездовской работе,—1-й с'езд поражает миниатюрностью и скромностью своих достижений. В течение 3-х дней работы с'езда были вырешены все намеченные в порядке дня вопросы. Было принято название партии (Р. С. Д. Р. П. — «Российская социал-демократическая рабочая партия»). Было выявлено отношение партии к национальному вопросу,—единственный поставленный на с'езде программный вопрос, разрешенный впрочем [illegible] благополучно, что впоследствии 2-й с'езд не внес нужным вносить в него никаких принципиальных изменений. Местным организациям была дана довольно широкая автономия. Заграничная организация союза русских социал-демократов была об'явлена представительницей партии за границей. Решено было 2-й с'езд созвать через полгода, если обстоятельства позволят. Проведены были выборы в первый Ц. К. партии (избраны Эйдельман, С. И. Радченко и А. Кремер). Центральным органом признана «Рабочая Газета». Поручили Ц. К. издать манифест об образовании партии. Затем в конце третьего дня с'ездовцы устроили вечеринку, пели революционные песни и произносили тосты. В качестве же заключительного аккорда следует упомянуть о том, что в ночь с 10 на 11-е марта тщательно подготовленной жандармской облавой не только все участники с'езда были выслежены и арестованы, но и основательно разгромлены организации в Петербурге, Москве, Киеве, Екатеринославе, Николаеве, Харькове и некоторых других городах по плану, выработанному Зубатовым. Тюрьмы переполнились социал-демократами.

Итак, могут пожалуй спросить,—какие же имеются основания для оправдания высокоторжественности празднуемого сейчас юбилея? Ну что это, в самом деле, за с'езд? Даже разработанной программы не оставили нам в наследство!

Да, не оставили, и только лишь в выпущенном после с'езда «Манифесте Р. С. Д. Р. П.» пообещали дать подробную программу партии по рассмотрении ее местными комитетами. А между тем, нет никаких сомнений, что именно тогда, 25 лет тому назад, небольшой инициативной группочкой практиков социал-демократов был положен первый камень на месте будущего грандиозного здания. Упомянутый манифест написан рукой пресловутого П. Струве,—того самого Струве, который немного позже, повертываясь на каблучках с каждым годом вправо на несколько градусов, в конце-концов довел свой поворот до полных 180° и сейчас пребывает в качестве безнадежного потустороннего человека где-то за рубежем. И вот, даже этот самый Струве, колеблющийся, неустойчивый в то время марксист, нашел у себя в запасе подходящий язык, чтобы верно отобразить мысли и настроения с'ездовцев. «*Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания*»,—говорится в манифесте. «Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение». «Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении и слабее, и трусливее, и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы». «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы».

Правда, в этом манифесте сознательно или бессознательно не дано места конкретным указаниям на ближайшие цели пролетарской борьбы, выражающие стремление русской социал-демократии к организации промышленного и земледельческого пролетариата (в первоначальном наброске манифеста, значительно отличающемся от «Манифеста», составленного Струве, говорится и о восьмичасовом рабочем дне, и о воспрещении работы детей до 15 лет, и об обязательном государственном страховании рабочих, и о распространении рабочего законодательства в полном об'еме на сельских рабочих и т. д., и т. д.). Тем не менее, если вспомнить, что уже в это время ослабленная жандармскими набегами социал-демократия в России потеряла прежнюю твердую линию, и многие представители ее, поддавшись развращающему влиянию бернштейнианства, внесли в партийную жизнь нездоровые элементы оппортунизма в форме так называемого «экономизма», если принять во внимание, что в воздухе уже носились те идеи, которые нашли себе яркое выражение в пресловутом «credo» с его лозунгом—оставить рабочим задачу бороться за улучшение своего экономического положения и предоставить либеральной буржуазии дело завоевания в России политической свободы, — если не упускать из виду этого обстоятельства, то сразу обрисуется стройная идеологическая и моральная роль 1 с'езда. На этом с'езде было выкинуто и широко развернуто красное знамя социал-демократической борьбы за политическую свободу и за социализм. То, что группа освобождения труда оставила в наследство практикам социал-демократии в России, то было подхвачено первос'ездовцами и вылилось в попытку на деле сплотить вокруг программы наших первоучителей все живые силы русского рабочего класса. Не даром во время вечеринки, которой первос'ездовцы отпраздновали свою работу, один из тостов был посвящен доброму слову в честь «Группы освобождения», первые издания которой появились ровно за 15 лет перед тем. Не даром также вести о 1 с'езде и о «Манифесте Р. С. Д. Р. П.», долетевшие до Владимира Ильича в его шушинский уголок (Минусс. уезда), вызвали в нем такой восторг и такое ликование, которые и всем нам, его ближайшим в то время товарищам по делу и по ссылке, свидетельствовали о том, что в жизни российской социал-демократии произошел весьма знаменательный момент. Первое зерно в деле партийного строительства было брошено в 1898 г. Современное же поколение коммунистического пролетариата пожинает результаты этого акта и радуется своему славному урожаю.

П. ЛЕПЕШИНСКИЙ.

К первому с'езду.

Печатаемые ниже строки принадлежат тов. Б. Эйдельману—одному из главнейших организаторов первого с'езда, его председателю, члену первого Центрального Комитета нашей партии. Статья представляет собою отрывок из очерка т. Эйдельмана, печатаемого в юбилейном сборнике Истпарта.

* * *

Первый с'езд созвала группа «Рабочей Газеты». Но так как многие смешивают эту организацию с другими киевскими организациями, с которыми «Рабочая Газета» находилась в кровном родстве, то мы тут и выясним это родство.

Предком всех киевских с.-д. организаций является киевский с.-д. кружок начала 90-х годов. Тот самый, который перевел и издал первый перевод Эрфуртской программы, скоро после его появления в 1891 г. В это время кружок состоял из пяти членов. Кроме меня туда входили: Серг. Конст. Мержвинский, Дмитр. К. Лаврентьев, Ив. Ив. Чорба и Як. Макс. Ляховский. В это время связи кружка с рабочими были слабые. Во втором периоде существования этого кружка количество его членов увеличивается и связи с рабочими все расширяются. А с 1893 г. уже имеется много рабочих кружков. Вот эта организация (первого и второго периодов) и есть дед «Рабочей Газеты».

Отцом же является следующая стадия развития вышеописанной группы, когда, в результате споров о пропаганде и агитации, все киевские группы перемешались, и из них возникла новая группа, решившая перейти к агитации. Это была группа «Рабочее Дело», издавшая первые два №№ киевск. раб. листка «Вперед» и первую широко распространенную по Киеву прокламацию.

А из «Рабочего Дела», после киевской конференции 17—18 марта 1897 года, вышли две организации: одна местная—киевская—это «Киевский союз борьбы за освобождение рабочего класса», а другая—общероссийская, которая, по названию газеты, и присвоила себе наименование группы «Рабочей Газеты». Поэтому не надо смешивать ни деда с отцом, ни последнего с двумя его сыновьями: киевским «Союзом борьбы» и группой «Раб. Газ.».

Из членов первого периода с.-д. кружка в группу «Рабочей Газеты» вошел только я один: в то время уже я знал о том, что близка кружку В. Гр. Крыжановская. Остальные вошли, частью, из второго периода с.-д. кружка: Вигдорчик, Лесенко, Шен, а другие и того позже: С. Влад. Померанц-Перазич, Розенберг, Павл Лукич Тучапский, П. И. Белоусов, А. Дав. Поляк. Последними были Этингер и Теслер. Все они входили в киевский «Союз борьбы» вместе с другими. В последние месяцы я уже совсем не касался киевской работы и не знал ее. Но отдельно они составляли группу «Рабочей Газеты».

Какова причина успеха группы «Раб. Газ.», когда другие группы, напр., Московский рабочий союз, также думавшие об об'единении, успеха не имели?

Не имела также успеха такая сильная группа, как первый «Союз борьбы» в Питере. А маленькая группа, весьма бедная силами вообще и, в особенности, по сравнению с питерским союзом, успела. Главных причин две. О других написано в № 1 «Прол. Рев.».

Группа была крепко сколоченной, дисциплинированной, хорошо слаженной организацией, настоящим живым механизмом, каждый член которого исполнял нужную функцию. Задача создать об'единенную центр. организацию для всей группы была чрезвычайно ясна. Мало того, что мы все знали, что исполнять это необходимо, мы знали также и то, что дело это из всех организаций в то время могла сделать только наша организация, несмотря на относительную ее слабость. В этом мы себе отдавали полный отчет. Больше того, мы ясно сознавали (я это мое воспоминание проверил при личной встрече со старыми товарищами в этом году), что если даже мы после с'езда провалимся все, то и тогда сделанное будет полезным шагом. Я помню сложившуюся у меня формулировку положения дел. Я говорил, что мы пройдем этот мост по-американски: т.-е. мы его быстро пройдем, хотя мост наш после этого и провалится, может быть. А шаг вперед все-таки будет сделан.

Надо кстати сказать, что последний месяц мы уж очень торопились. Казалось, что все готово, и если не скоро успеем собраться, то провалимся. Надвигающийся провал мы все чувствовали. За многими явно следили. Как известно, аресты Зубатовым были предприняты не в связи со с'ездом. У него набралось достаточно выслеженных, которых он и решил арестовать.

Наша группа была хорошо спевшимся кружком. Хотя в конце существования, когда мы готовились к своему американскому переходу через пошатнувшийся мост, несколько расклибалась, расшаталась, развинтилась. Начали игнорировать некоторые правила конспирации.

Задача об'единения диктовалась и чувствовалась всеми организациями. Но для выполнения очередной задачи, оказалось, существовала только одна надлежащая организация. Наша группа оказалась на месте. И в подобном случае во главе оказывается не наиболее сильный, а наиболее приспособленный. Таково, примерно, было положение России в Октябрьской революции. Наиболее отсталая, она оказалась наиболее приспособленной по своей организации, чтобы в надлежащий момент оказаться на высоте.

Но в чем же, однако, причина зрелости нашей группы? Начнем с того, в самом ли деле наша группа дозрела до создания партии? Одним из признаков зрелости организации является институт профессионалов. У нас в группе был один, по крайней мере, последний год, приблизительно до ареста—пишущий эти строки. И затем, что самое важное, для достижения зрелости нужно время.

Вот тут-то сыграл большую, очень большую роль Юв. Дм. Мельников, который был равен в нашей группе целой армии агитаторов и пропагандистов, этот человек стоил целой армии.

Б. ЭЙДЕЛЬМАН.

Наш путь.

Железной партии пролетариата—РКП.

Этот путь для племени стального
В четверть века с боем не пройти.
И правды не наступит новой,
Кроме правды нашего пути.

Нет, к молчанью нас не приневолишь,
Мы испили горечи до дна.
В небе солнце навсегда одно лишь,
В мире правда навсегда одна...

Было время—в тундре ветер плакал,
Выли волки, темень и пурга.
Только цвел, качался красный факел
На зеленых дальних берегах.

И когда по скованным раздольям
Наступали толпы, толпы тьмы,—
Мы кротами ежились в подполье,
Но в подполье не были немы...

Этот путь для племени стального
В четверть века с боем не пройти.
И правды не наступит новой,
Кроме правды нашего пути.

ГЕННАДИЙ КОРЕНЕВ.

1848—1898—1923.

Рабочий класс вступил в революцию 1848 года как придаток буржуазной демократии, как ее левое крыло, характеризующееся наибольшей решительностью, последовательностью и революционной выдержанностью, как наиболее стойкий борец баррикадных сражений, вносящий в них беззаветное мужество.

У него не было собственной программы в строгом значении этого слова. А та программа, которая выяснялась чисто фактически из его позиции в различные моменты политических столкновений, сводилась к решительному уничтожению всех пережитков феодализма и к завоеванию минимальных условий, без которых невозможно развертывание его собственных классовых сил.

Какими бы скромными ни были его требования, одного факта их проявления было достаточно для того, чтобы либеральную буржуазию охватила тревога. Сама она, вопреки всем легендам, никогда не принимала участия в непосредственной революционной борьбе: в решительнейшие моменты она озабоченно сидела по домам, плотно захлопнув ставни и двери, и выжидала, «чем все это кончится», и выходила из дома только за тем, чтобы пробраться во дворец и осведомиться, не пошли ли там на некоторые уступки.

Мужество и энергия революционных борцов только усиливали тревогу буржуазии. Поэтому, едва получив бумажные обещания от феодалов, она поворачивала фронт против «улицы» и, уверяя, будто все уже достигнуто, настойчиво требовала от рабочих, чтобы они немедленно возвратились на фабрики и в мастерские к станкам.

Организация национальной гвардии или гражданского ополчения с самого начала преследовала одну главную задачу: не создание силы, которую можно было бы противопоставить военному аппарату феодализма, а создание вооруженной силы, которая сумела бы разоружить рабочих и возвратить к беспрекословному подчинению капиталу.

Либеральная буржуазия допускала выступления пролетариата лишь до тех пор, пока они целиком подчинялись ее дирижерской палочке.

Не на второй, а в первый же день революции, в разгар борьбы, либеральная буржуазия искала такой сделки с феодалами, которая позволила бы ей присоединить свои силы к силам феодально-полицейского государства и выступить в роли могильщика едва начавшейся революции.

Мелкобуржуазная демократия выдвигала программу, которая в существенном сводилась к созданию элементарных, юридических и политических предпосылок капиталистического развития. Шаткая, двойственная по самой своей социальной природе, она, зачарованная фетишами «общенациональных задач» и «всенародной воли», шла на поводу за буржуазией каждый раз, когда что-нибудь угрожало «всенародному» характеру движения. Буржуазия, в особенности в Париже, но до известной степени и в Берлине, умело использовала ее для расправ с рабочим классом, едва лишь он начинал выдвигать свои особые классовые требования.

Мелкая буржуазия, ненавидя все, способное нарушить ход ее мелких дел, разом обратилась против внепарламентских методов борьбы, соединилась с буржуазными фанатиками «порядка» и стала все свои упования возлагать на парламент, который должен выявить «общенародную волю», т.-е. волю экономически влиятельнейших в данное время групп буржуазии.

В своем парламентском кретинизме она руководствовалась одной целью: скорее восстановить «порядок», который дал бы возможность беспрепятственно отдаться парламентской болтовне. Требуя уничтожения наиболее провокационных, грабительских феодальных повинностей, она добивалась одного: скорее «успокоить» крестьянство, т.-е. оторвать его от революции и прекратить начинающиеся жакерии.

Реакция превосходно использовала успокоение, наступившее в деревне: она умело обрабатывала крестьянство, а вместе с тем восстанавливала свою власть над армией, преобладающе крестьянской по своему составу. В революциях 1848 года, как в Парижской Коммуне 1871 г., в конечном счете **деревня раздавила революционное движение городов.**

В 1848 г. один класс за другим предавали и продавали революцию: с начала ей изменил буржуазный империализм, а затем,—и очень быстро,—мелкобуржуазная демократия. Революции 1848 г. с первых же дней пошли по нисходящей линии. Окончательными победителями оказались феодальные силы, откупившиеся от гибели самыми крошечными уступками.

Маркс и Энгельс учли опыт революции 1848 г. Оценивая их, Маркс впоследствии писал: «Так называемые революции 1848 г. были всего лишь маленькими инцидентами,—ничтожными трещинами и расщелинами в твердой коре буржуазного общества. Но они показали пропасть. Под твердой по видимости поверхностью обнаружился чудовищный океан, которому надо было только распространиться для того, чтобы целые континенты разнести вдребезги. Шумно и спутанно они возвестили **освобождение пролетариата**, т.-е. тайну XIX века и **его революций**».

Ту же мысль Маркс выразил в 1850 г. («Борьба классов во Франции 1848 — 1850 г.г.») в следующих словах: современная революция «находит себя» (т.-е. превращается в действительную революцию, а не остается «мелким инцидентом») «только тогда, когда приобретает свое собственное оригинальное имя», т.-е. выходит из рамок буржуазной революции. «А это возможно лишь с того времени, когда современный революционный класс» (т.-е. единственный класс, который в современном обществе может быть носителем действительного переворота), «промышленный пролетариат, осуществляя господство (herrschend), выдвигается в ней на первый план».

Это—бесконечно большой шаг от того положения, когда пролетариат представлял крайне левое крыло мелкобуржуазной демократии: в новую революцию пролетариат должен вступить как самостоятельная классовая сила, как самостоятельная партия, которая руководит пролетарской борьбой за власть.

В той же работе 1850 года, характеризуя **«революционный социализм или коммунизм»**, около которого, как казалось Марксу, все больше сосредоточивается французский пролетариат, он писал: «Этот социализм есть провозглашение непрерывной революции, **классовая диктатура революции, классовая диктатура пролетариата**, как необходимый переходный пункт к уничтожению всех классовых различий, к уничтожению всех производственных отношений, на которых основаны эти различия, к уничтожению всех общественных связей, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всем мире идей, возникающих из этих общественных отношений».

Маркс ошибался в учете темпа развития и в оценке политической позиции французского пролетариата. Но он совершенно ясно и правильно наметил, каким образом может и должно произойти то соединение, слияние научного коммунизма с фактически развертывающейся пролетарской классовой борьбой, которое даст в результате **революционную партию рабочего класса, или коммунистическую партию.**

В марте того же 1850 года в «Обращении Центрального Комитета к Союзу Коммунистов» Маркс и Энгельс с поразительной отчетливостью обрисовали ту тактику, которую Союз Коммунистов и руководимый им пролетариат должны усвоить в грядущей революции. Предвидя, что эта революция возведет к власти мелкобуржуазную демократию, «Обращение» требует, чтобы неизбежное опьянение победой и радость, вызываемую переменой в общем положении, рабочие, по возможности, «сдерживали спокойным и хладнокровным пониманием событий **и нескрываемым недоверием к новому правительству.** На-ряду с новыми официальными правительствами они должны учреждать собственные, революционные рабочие правительства, в виде ли правлений общин (т.-е. отделений Союза Коммунистов), общинных советов, в виде ли рабочих клубов и рабочих комитетов,—так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидали бы себя с самого начала **под наблюдением и угрозой властей**, за которыми стоит вся масса рабочих. Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих собственных союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя».

Мы без труда узнаем здесь наши **советы рабочих депутатов**, сначала как органы борьбы за власть, а затем и как **органы пролетарской диктатуры.**

«Но,—продолжает то же «Обращение»,—чтобы можно было энергично и угрожающе выступить против этой партии (мелкобуржуазной демократии), которая **начнет предавать рабочих с первого же часа победы**, они должны быть вооружены и организованы. Вооружение всего пролетариата ружьями, винтовками, орудиями и амуницией должно быть проведено немедленно; надо противодействовать возрождению старого гражданского ополчения, направленного против рабочих. Но там, где осуществление этого окажется невозможным, рабочие должны сделать попытку организоваться в виде **самостоятельной пролетарской гвардии**, с ими же избранными командиром и генеральным штабом, и поступить в распоряжение не государственной власти, а созданных рабочими революционных общинных советов. Там, где рабочие работают за **счет государства**, они должны добиться вооружения и организации в отдельный корпус в виде части пролетарской гвардии. Оружие и боевые припасы ни под каким предлогом не должны сдаваться, **всякая попытка разоружения должна быть в случае необходимости расстроена силой.** Уничтожить влияние буржуазных демократов на рабочих, немедленно создать самостоятельную и вооруженную организацию рабочих и установить условия, по возможности наиболее тяжелые и компрометирующие для **временного** и неизбежного господства буржуазной демократии,—таковы главные пункты, которые пролетариат, а вместе с ним и Союз Коммунистов должны иметь в виду во время и после предстоящего восстания».

Никто не станет отрицать, что это «Обращение» оказалось программным для РКП 1905—1917 годов, когда назрели предпосылки той новой действительной революции, всю неизбежность которой предвидели Маркс и Энгельс, ошибаясь только в учете времени, необходимого для назревания этих предпосылок.

Здесь дана наша «красная гвардия» и даже «боевые дружины» 1905 года, здесь даны все наши отношения к временному правительству, здесь даны все измены современной мелкобуржуазной демократии, представляемой меньшевиками и эсерами.

За недостатком места невозможно остановиться даже на важнейших моментах наших споров с российской мелкобуржуазной демократией, развернувшихся в эпоху 1905 года. Предстоит ли нам «буржуазная» революция или не что иное, в принципе выводящее уже за пределы буржуазного общества? Должна ли эта революция только возвести буржуазию к власти, или же пролетариату предстоит в боевом союзе с крестьянством развернуть **борьбу за власть?** Должен ли пролетариат просто «поддерживать» буржуазию и «толкать ее влево», или же он должен взять на себя **гегемонию в революции**»? И в связи с этими вопросами целый ряд других, на первый взгляд второстепенных, но, как оказалось потом, имевших решающее значение для судеб нашей революции: экспроприация крупного землевладения «с выкупом» или «без выкупа», «муниципализация» или «национализация»?

В некоторых случаях РКП шла ощупью, но в общем она всегда находила правильный ответ и вела по тому единственному пути, который выводил к диктатуре пролетариата и тем самым обеспечивал развитие и завершение революции, единственно возможной в XX веке.

Великое преимущество РКП в том, что за три четверти века, прошедшие с 1848 года, капитализм выполнил громадную подготовительную работу. Он не только окончательно расшатал мелкобуржуазные промышленные формы и тем самым нанес смертельный удар мелкобуржуазным иллюзиям. Он успел создать современную крупную промышленность с его величайшим сплочением рабочего класса и превратил пролетариат в общественную силу с огромным относительным весом.

Великое преимущество РКП—в том, что она сравнительно поздно явилась на свет на бесконечно более высокой ступени развития капиталистического мира, чем развертывались революции 1848 года и борьба парижского пролетариата в 1871 году.

Уже эта причина давала ей возможность избежать многих шатаний и колебаний, и, использовав гениальные выводы, сделанные Марксом и Энгельсом из революций прошлого века, уверенно приступить к осуществлению того, что для их времени было не программой настоящего, а заветом будущему.

Российскому пролетариату не пришлось нести таких долгих и бесплодных жертв, какие нес пролетариат Запада. Но не пришлось нести таких жертв только потому, что великие основатели научного коммунизма извлекли революционные выводы из кровавых поражений пролетариата на улицах Парижа, Вены, Берлина,—и затем опять из страшного парижского поражения.

Российская революция победила, потому что классовая борьба пролетариата почти с самого начала **руководилась революционной теорией, теорией Маркса**, и потому, что РКП с самого своего возникновения осуществила слияние революционной теории с революционной практикой.

Российская революция победила, потому что РКП с самого начала видела, что от союзов и блоков с буржуазией и мелкой буржуазией можно ожидать лишь постоянных измен и предательств и окончательного крушения революции.

Она победила, потому что РКП быстро отмела от рабочего класса всех мелкобуржуазных попутчиков, называлась ли они меньшевиками или эсерами, и превратилась в единственную партию рабочего класса. Она победила, потому, что рабочий класс через РКП быстро отбросил от себя всех соглашателей, которые на Западе теперь повторяют, а у нас в 1917 году хотели повторить либеральных и демократических соглашателей 1848 года.

Она победила, потому что РКП с самого начала нашла линию, на которой становится возможным длительный боевой союз рабочего класса с крестьянством.

Современная революция победит во всем мире, потому что контр-революция не найдет той деревни, которая, одураченная и обманутая, успокоенная крошечными уступками, пошла бы на подавление революции в странах передовых по своему экономическому развитию.

Эта «деревня», представляемая в настоящее время колониальными странами, и прежде всего Ближним и Дальним Востоком, идет за Коммунистическим Интернационалом и все больше привлекается к такому же боевому, революционному союзу с пролетариатом, как тот, который обеспечил победу российской революции.

В классовой борьбе пролетариата ничто не проходит, ничто не пропадает бесследно.

В ней даже поражения превращаются в залог грядущей победы.

Важнейшие элементы нашей революционной стратегии зародились, как выводы из половинчатых, незавершенных, раздавленных изменами и предательствами **революций 1848 года.**

И. СТЕПАНОВ.